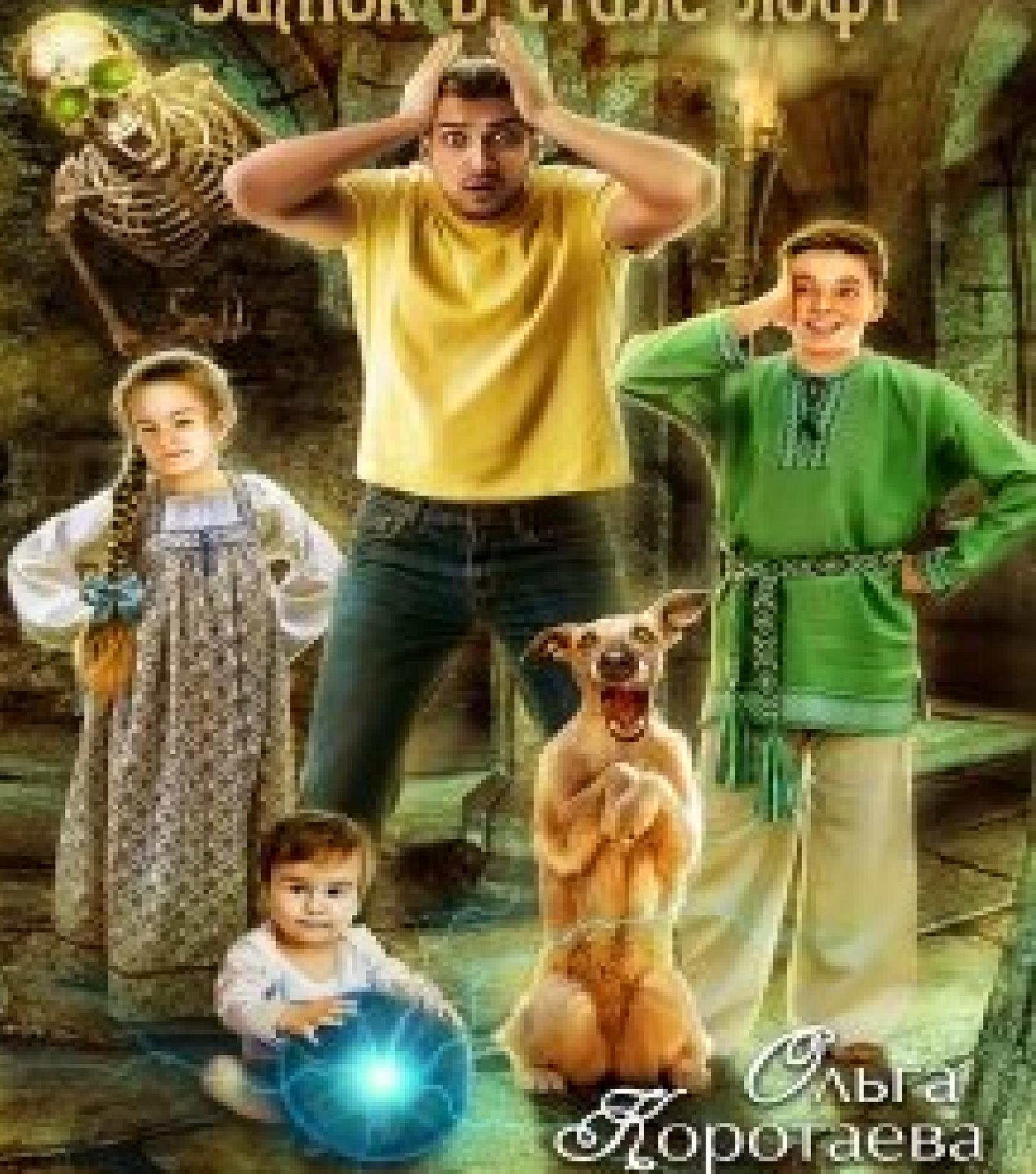

Пара из другого мира, или Замок в стиле лофт

Ольга
Дорогаева

Annotation

В больнице ко мне подошла незнакомая девочка и попросила стать её папой...

Я умер и проснулся в странном месте.

Старый замок, ходячие скелеты и болтливый пёс.

А ещё трое детей, одному из которых нет и года...

Что-о?! Детям нужны нормальные условия!

Так, засучим рукава! Когда-то я учился на инженера... Может, оформить замок в стиле лофт?

Справлюсь и с переходным возрастом старшего, и с подгузниками младшей!

Ещё и маму вашу спасти?

От меня ещё ни одна мама не уходила!

-
- [Папа из другого мира, или Замок в стиле лофт](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Примечания](#)
-

Папа из другого мира, или Замок в стиле лофт

Глава 1

Александр

Раздался стук в дверь.

– Саша! – донеслось жалобное блеяние соседки. – У меня ходунки сломались. Почини, пожалуйста, а то я с Генкой с ума сойду!

– Скорее меня сведёшь, – пробормотал я, но всё же поднялся. Пошатываясь, побрёл к двери, по пути пытаюсь разлепить непослушные веки. С одним глазом справиться удалось, и я обречённо посмотрел на Ленку. – До утра не ждёт?

– Шутишь? – возмутилась она. – Тебя в пять уже не будет, а я... – Тут осеклась и виновато добавила: – Саш, я понимаю, что ты сутки не спал. Но я тоже... Генка мне такие тренировки устраивает! Может ваших пожарных натаскивать!

– Буду иметь в виду, – усмехнулся я и, зевнув, помотал головой. – Ща, инструмент возьму и приду.

– Спасибо! – радостно подскочила она и посмотрела на меня так, что будь Ваня рядом, точно бы приревновал. – Ты лучший мужчина на свете!

– Жаль, за это премию не выписывают, – проворчал я и захлопнул дверь.

Ящик был у входа, но мне требовалось хотя бы умыться, чтобы не заснуть с отвёрткой в руке... В соседской квартире. Лена женщина красивая, и пусть меня не интересует, Иван постоянно мрачнеет, когда она бежит ко мне.

– Где пострадавший? – войдя, спросил я достаточно громко, чтобы перекрыть детский крик.

– Тут, – засуетилась соседка, показывая на сломанные ходунки. – Отвалилось колёсико.

– И ножка сломана, – заметил я и раскрыл ящик. – Так, распорку приклеим и временно посадим на саморезы, завтра уберу, как клей схватится. А колесо... Вот, мебельное подойдёт.

Через пятнадцать минут счастливый Генка уже рассекал просторы двухкомнатной квартирки.

Ленка проследила за ним и устало вздохнула:

– Саша, что бы я без тебя делала? Ваньке и отвёртку давать нельзя! Попробует починить форточку, а рухнет дом. Муж у меня совершенно бестолковый!

– Это гений программирования бестолковый? – собирая инструменты, хохотнул я и глянул на неё исподлобья. – У каждого свои недостатки.

– У тебя их нет! – горячо заспорила соседка. – Рукастый, смелый, красивый... Да о тебе все девушки в нашем районе мечтают!

– Угу, – поднимаясь, буркнул я. – То-то очередь из невест у двери выстроилась.

Из-за поворота с гиком вождя индейского племени выскочил Генка и, гремя большим половником о ходунки, умчался на кухню. Лена проследила за ним взглядом и, обернувшись, осторожно дотронулась до моего локтя.

– Всё будет, Саш. Найдётся и та, что выдержит твою сумасшедшую работу. Женишься и будешь так же смотреть на своих деток.

Я вздрогнул и, сухо кивнув, торопливо покинул счастливое семейное гнёздышко. О том, что подобное будущее для меня никогда не настанет, я не распространялся.

Уснуть не смог — одолевали мрачные мысли, а в ушах всё звучал задорный детский смех. Бросив попытки уйти от реальности под одеяло, я собрался и поехал на работу.

– Сокол, ты чего вернулся? – выглянув из машины, заволновался Вовка Воробьёв. Подавив зевок, он тревожно глянул на выключенную лампу. – Вызвали?

– Просто захотелось, – равнодушно ответил я. – Спи, Воробей. Всё тихо.

– А, – расслабленно улыбнулся тот, но ко сну не вернулся. Выскочив из машины, приблизился и пожал мне руку. – Раз пришёл, может, свою поклонницу починишь?

– Опять кофеварка сломалась? – рассеянно поинтересовался я, хотя и спрашивать не стоило.

Эта древняя рухлядь исправно отказывалась работать едва ли не каждую неделю. И воскрешать её из хлама по какой-то загадочной

причине удавалось лишь мне. Парни шутили, называя автомат моей девушкой.

– Только тебе и даёт, – привычно рассмеялся Вова и хлопнул меня по плечу. – Зря ты бросил институт. Оставалось год продержаться — и стал бы классным инженером!

– Мне и классным пожарным неплохо живётся, – беззлобно огрызнулся я и отправился в комнату отдыха.

Здесь было тихо и темно, пахло сыростью и дешёвым кофе. Ясно. Снова сломалась подача воды. Протекает...

– Евгений Кириллович, – донёсся со стороны коридора вкрадчивый голос Димы Горелова, – можем мы кое-что обсудить?

– Да, Горелый. – Начальник был сух и короток, как всегда. – Говори.

– Здесь? – замялся Дима, но тут же торопливо продолжил: – Я насчёт своего повышения. Прошёл год с нашего последнего разговора, и я надеялся...

– Надо не надеяться, Горелый, – холодно оборвал его начальник, – а лучше работать.

– То есть... – В голосе Димы зазвенели истеричные нотки. – Я снова в пролёте? Нет, Евгений Кириллович, вы не понимаете...

– Это ты не понимаешь, – снова прервал его начальник. Зашуршали бумаги. – Смотри, вот твои показатели. И после этого ты смеешь просить повышение? Да Соколов за несколько месяцев достиг большего, чем ты за три года!

– Сокол? – тихо переспросил Горелый. Помолчав, уточнил: – Значит, повысят новенького? Разве это справедливо?

– Не тебе судить о справедливости, – осадил начальник, зазвучали его тяжёлые шаги.

– Так, да? – Тихий голос Димы подрагивал. – Ещё по...

Кофеварка зашипела, выдавая порцию кофе. Я чертыхнулся и отдернул руку, чтобы не обжечься. Когда чашка для эспрессо наполнилась, взял её и понюхал.

– Вроде нормально... – Поймав своё отражение в зеркале, поднял руку и провозгласил тост: – За повышение. Хоть какая-то компенсация неожиданно рухнувшей жизни.

Но отпить не успел — завывала сирена. Поставив чашку, я выскочил в пустой коридор и помчался на вызов.

Глава 2

– Тебе здесь быть не положено! – Вовка с силой оттолкнул меня. – Ты после суток... Лебедь узнает — голову откусит!

– Пусть откусывает. – Я упрямо забрался в машину. – Не переживай, лезть под руку не буду. Прокачусь только с вами... Мне всё равно не уснуть.

– Почему? – Быстро глянув на меня, Воробей вдавил педаль газа в пол. – Что-то произошло?

Огромная машина загрохотала и, звеня сиреной, озарила всё вокруг светом проблескового маяка.

– Ничего, – отмахнулся я и взял его планшет. Присвистнул и пробормотал: – Многоквартирное здание и подозрение на взрыв газового баллона? Ночью... Чёрт! Будет много пострадавших. Поднажми, Воробей!

– И так на всех парах, – пробубнил он, крутя баранку так резко, что машина чуть накренилась, входя в поворот. – Да и за нами целый караван. Скоро будем на месте... А ну с дороги, козёл! Ну что за люди? Будто сами защищены от подобной беды. Раз мозгами бог обидел, так хоть скрывались бы среди баранов, честное слово!

– Козлу среди баранов скрыться будет тяжело, – невесело хмыкнул я и, соединив большой и указательный пальцы в знаковом жесте, подмигнул сослуживцу.

– А кому сейчас легко? – зло рассмеялся Воробей. Поняв намёк, выключил фары и аккуратно «поцеловал» бампер упрянца. Когда тот свильнул с дороги, открыл окошко и с деланным сожалением воскликнул: – Ой, извините! Что-то с электроникой.

– Да ты...

Последовавшую за этим витиеватую тираду мы не слушали — не до этого. Прибавив газа, Вова вцепился в руль и посмотрел вперёд. Напряжённым тоном уточнил:

– Не желаешь говорить?

Я пожал плечами, понимая, что друг просто хочет не думать о том безумии, которое нам сейчас предстоит. Чтобы отвлечь Вовку от мрачных мыслей, я проговорил:

– Кажется, меня повысят.

– Да ладно?! – изумлённо глянул он на меня, но тут же серьёзно добавил: – Впрочем, ты достоин больше, чем кто-либо. – И гадливо скривился: – А вот Горелый будет в ярости!

– Угу, – поддакнул я, вспоминая желчное шипение Дмитрия, саркастично хмыкнул: – Придётся ему смириться с «несправедливостью».

– Ты осторожнее с ним, – неожиданно посоветовал Вова. – Он с виду приветливый, а на самом деле человек так себе. Я работаю с этим недочеловеком три года. В нём удивительно гармонично сочетаются мелкая мерзопакостность и острая интеллектуальная недостаточность. Открыто гадости не сделает, но моментом, несомненно, воспользуется. И не побрезгует ударить в спину.

– Спасибо за предупреждение, – вежливо ответил я и горько ухмыльнулся. – Мне не привыкать.

– Ты про свой недополученный диплом? – быстро глянул на меня Воробей. – Что тогда произошло? Ты никому не говорил.

– Не говорил, – согласился я и указал на поворот. – Сверни тут, сэкономим десять минут через старый закрытый склад. Только ворота придётся снести... Впрочем, можно срезать цепь кусачками.

Он послушался, и мы прибыли на место ещё быстрее, чем я предполагал. Объятый пламенем дом было видно издалека. Звучали крики, шумели зеваки, что держались подальше, – слух о взрыве газа надёжно удерживал на расстоянии, что дарило надежду на меньшее количество жертв. Народ никак не понимает, что любопытствующие тоже могут пострадать.

Почти одновременно с нами прибыли полицейские, ребята начали работать быстро и чётко — оцепили улицу. Воробей уже был в здании, как и другие мои сослуживцы. Я хотел с ними, но осознавал, что в данный момент не могу поручиться за свои рефлексy. Неделя и так выдалась тяжёлой, а потом суточное дежурство, во время которого было два сложных вызова. Я даже не мог точно сказать, настигла меня бессонница от того, что произошло ровно год назад, или же от переутомления.

– Что происходит? – раздался женский визг. Судя по всему, его обладательница была далеко не трезвой. – Пустите меня!

Обернувшись, я заметил женщину в распахнутом пальто. Она вырывалась из рук полисмена и рвалась к дому. Рядом с ней безмолвной статуей застыл мужчина. Я нахмурился — кажется, это тот самый, что не уступал нам дорогу. Но точно утверждать не мог.

– Моя дочка! – верещала дамочка. – Там моя дочь! Она совсем маленькая! Пустите...

– Успокойтесь, – увещевал её полицейский. – Кто ещё в квартире? Бабушка? Другие дети?

Женщина отрицательно покачала головой и, вцепившись в волосы, тоненько завывала. Её спутник так и не шевельнулся, в ужасе глядя на огонь.

– Хотите сказать, что оставили ребёнка одного в квартире? – надвинулся я на них.

– Она спала, – затравленно глянула на меня горе-мамочка. – У Карины крепкий сон. До самого утра...

– Вы и раньше оставляли дочь одну?..

Полисмен хотел ещё что-то сказать, но я перебил:

– Этаж и номер квартиры. Быстро!

Получив информацию, бросился к подъезду. Разумеется, я не собирался сломя голову лезть на рожон — без спецодежды и оборудования я подвергал опасности не только себя, но и девочку, собирался лишь передать информацию первому, кого встречу из своих.

Но тут гроыхнуло, и пол под ногами дрогнул. На голову повалились куски побелки и краски. Спина похолодела. Я помнил схему дома, на которую глянул в планшете Вовы. Взрыв раздался именно в той стороне. Времени искать кого-то не оставалось, и я побежал по лестнице к квартире, где был заперт малыш.

Когда выбил дверь, услышал детский плач, который перекрыл новый взрыв. Я едва uklonился от упавшего сверху куска потолка. Со стороны улицы завывали сирены, шумела собравшаяся толпа, а мелкая больше не подавала признаков жизни.

Плохо.

Не обращая внимания на дрожащий под ногами пол, я быстро осмотрел все три комнаты и, обнаружив детскую, выругался при виде пустой кровати. Девочка выбралась, и теперь, когда дорога каждая

секунда, её придётся искать. Самое опасное... Ведь при пожаре дети пугаются и забираются в такие места, куда бы в другое время никогда не полезли. Поэтому многие из них погибают.

Я сжал кулаки: но не этот ребёнок!

Глава 3

Девочка нашлась на кухне. Она умудрилась втиснуться в узкий ящик между посудомоечной машиной и раковиной. Там ещё была какая-то система хранения — я искренне ненавидел все эти металлические сетки, потому что в них таким вот маленьким детям легко застрять.

Я всегда буду помнить огромные испуганные глазёнки этого ребёнка. Я старался не кашлять от рвущего лёгкие дыма, чтобы не напугать девочку ещё сильнее. Быстро намочил полотенце и накрыл малышку.

– Потерпи, милая, – произнёс как можно мягче. – Дядя тебя вытащит.

Вытерев выступившие от дыма слёзы, я заметил, что ручки ребёнка приобрели синеватый оттенок. Она и пошевелиться не в силах! Всё её маленькое тельце затекло, тянуть нельзя... Придётся ломать и снова терять драгоценное время. Судя по сгущающемуся дыму, спуститься по лестнице будет нереально.

Работал я быстро, почти на автомате. Использовал всё, что было под рукой, – от ножей до молотка для отбивания мяса. Всё время говорил с ребёнком, чтобы она знала: взрослый рядом и поможет. Но когда девочка наконец оказалась в моих руках, скрипнул зубами. Она была без сознания.

Бросился к окну и, распахнув его, закричал без надежды, что кто-то услышит...

Как на балконе этажом ниже увидел Горелого.

Мужчина махал рукой, подзывая машину с выдвижной лестницей. В груди у меня ёкнуло: спасение!

– Димка! Мы здесь! Здесь ребёнок...

Вздрогнув, он огляделся и, заметив меня, замер.

– Здесь ребёнок и... – начал было я, но Горелов уже резко отвернулся и что-то проговорил в рацию.

Нет, зря Вова на него наговаривал. Всё же пожарный не может быть сволочью. Сейчас сюда подгонят машину, и я спущу малышку по выдвижной лестнице.

Я смотрел, как разворачивается башня спецтехники, и вполголоса поторапливал сослуживцев... Как вдруг понял: они уезжают.

– Стой! – заорал и посмотрел на балкон. – Дима! Горелый! Ты где?!

Мужчины там уже не было. Машина удалялась, огибая здание, а я поверить не мог в происходящее. Затылок сжало льдом ужаса. Сунуться сейчас в коридор — верная смерть. Остаться здесь — тоже. В любой момент и эта часть здания может обрушиться, похоронив нас под обломками.

Действовать надо было быстро. Я обшарил всю кухню, наткнувшись на моток верёвки, всхлипнул и прикусил губу до крови. Девочку спасу! Обвязав металлическую корзину, которую выломал из кухонного уголка, я уложил в неё бесчувственного ребёнка. Её безвольно обмякшее тельце повергало меня в ужас, но я знал, что девочку спасут, если вовремя окажут помощь.

И минуты утекали.

Спускал её медленно и осторожно. Я позаботился о том, чтобы девочка не выпала, но, если корзина перевернётся, малышка может задохнуться. Когда корзина оказалась на земле, я едва мог соображать от напряжения. Наглотавшись дыма, с трудом втягивал воздух в пылающие лёгкие. Надо было кричать, чтобы привлечь внимание к ребёнку, но раздавался лишь хрип и кашель...

Если её сейчас же не найдут, мои старания будут напрасными.

И тут я увидел девочку лет восьми. Она подбежала к ребёнку и, подняв его, посмотрела вверх. Наши взгляды встретились, и я попытался улыбнуться.

– Умничка. Спаси её.

Вряд ли кто-то услышал мой шёпот, да это и не важно. Ничего было уже не важно. Колени подкосились, и я рухнул на пол. Спину ожгло болью.

Жизнь всегда бьёт меня в спину.

Теперь уже наверняка.

– Дядя пожарник, – услышал детский голос.

Хотелось поправить, сказать ребёнку, что пожарники — это насекомые. А мы — пожарные. Профессия. Дети так часто путают... Но не смог даже губ разомкнуть.

– Дядя, – настойчиво звала меня девочка.

Я собрал все силы и попытался разлепить веки, тяжесть которых показалась мне свинцовой. В глаза ударил свет, затем я заметил суетящихся вокруг людей. Их было много. Лица скрыты, взгляды полны безнадёги. Так смотрел я сам, когда тушил попавшую в аварию машину. Понимал, что всё равно не в силах хоть что-то спасти, но не отступал до последнего.

Тела я не ощущал, как и боли. Будто уже умер... Может, так оно и есть? Иначе почему я вижу ребёнка, на которого никто в операционной не обращает внимания? Девочка смотрела на меня и улыбалась.

– Дядя пожарник, с малышом всё в порядке, – сообщила она, и я узнал ребёнка.

Именно она подошла к зданию, когда я опустил по верёвке корзину с пострадавшим младенцем. И она утверждает, что девочку спасли. На душе стало легче, и я хотел закрыть глаза, чтобы уйти из этого мира, как снова услышал требовательное:

– Дядя пожарник! Будьте моим папой! Пожалуйста!

Я был удивлён. Папой? Я не мог быть ничьим папой. Не в этой жизни.

Впрочем, я одной ногой в могиле... Попытался сказать это, но осознал, что в горле что-то есть. Трубка?

– Моргните, если согласны, – тут же добавила девочка.

И я согласился. Какая разница? Пусть хоть на миг перед смертью кто-то назовёт меня папой. Даже если удочерения не состоится. Теперь всё это было не важно. Жизнь утекала из меня так быстро, что, опустив веки, я так и не смог их поднять.

Мне снилось безграничное море, в глубине которого медленно дефилировали огромные рыбыны, а в синей вышине неба проплывали облака. Вокруг на миллионы километров не было ни души. Только я, раскинувшись «звездой», бесстрашно покачивался на волнах. А чего бояться? Я уже умер...

И тут услышал надрывный тоненький голосок. Кто-то пел. Наверное, это ангелы... М-да. Жаль, что в загробном мире нельзя попросить беруши.

– Это рай или ад? – прижав ладони к ушам, проворчал я. – Зуб даю, что последнее. Иначе зачем такие пытки?

– Не нравится — не слушай, – буркнул кто-то. – Будет мне тут неприкаянная душа приказывать!

– Душа? – Распахнув глаза, я резко сел, и нечто подо мною покачнулось.

Вцепившись в странный матрац, напоминающий одновременно водяной и пенный, я уставился на восседающий рядом скелет.

И заорал.

Нет, сам скелет был нестрашный. Беленький такой, чистенький. Любая бы школа дралась за такой экземпляр в кабинет биологии. Но вот зелёное свечение в глазах не было похоже на лампочки, а навевало мысли о фильмах ужасов.

– Этот вопль у вас песней зовётся? – поинтересовался пёс, которого я не сразу заметил.

Да и кто бы обратил внимание на собаку, когда рядом ходячий хоррор-персонаж? Во всяком случае, пока та молчала. Махнув длинными ушами, пёс дружелюбно оскалился и заискивающе спросил:

– Хорошая шутка, да?

Он лающе засмеялся, а я молча и медленно, чтобы не нервировать странное соседство, передвинулся на другую сторону покачивающейся кровати. Поднявшись на ноги, услышал за спиной недовольный голос:

– Это ещё кто?

Обернувшись, я удивлённо уставился на парня лет двенадцати. Он держал на руках младенца и хмуро посматривал на девочку, что стояла рядом с ним.

Снова она! Та, что помогла мне на пожаре. И та, кого я видел в больнице перед смертью.

– Наш новый папа! – с удовольствием объявила она.

Глава 4

Я сидел за большим странным столом. Не мог понять, как это прозрачное уродство, похожее на ошибку великана-стеклодува, оказалось в замке, обставленном в стиле рококо. Оно ни в двери бы не прошло, ни в окна бы не протиснулось...

Я осознавал, что намеренно размышляю о куске стекла, чтобы не свихнуться. А было отчего! Покосившись на скелет, я гулко сглотнул. Тот важно восседал в большом, некогда удобном и красивом, но ныне совсем обветшалом кресле и, закинув ногу на ногу (пardon, кость на кость), покачивал ею.

Услышав звук, скелет замер и, медленно повернув ко мне голову (сорян, череп), ввинтился в меня светящимся жутким взглядом. Вот не знаю почему, но я ощутил не страх, а стыд, будто вернулся в детство. В тот его постыдный момент, когда мне было то ли три, то ли четыре, а мама нарядила меня в лучший костюмчик и повела в богатый дом.

Там я увидел настоящего дворецкого (как в фильмах!), и пока мама разговаривала с кем-то за большими и тяжёлыми дверьми, человек в ливрее ни на минуту не отпускал мою руку. И смотрел вот так же, когда я пытался заговорить. Будто ребёнок вообще не имел права голоса, даже если ему очень сильно хотелось в туалет...

Я вздрогнул и повёл плечом, недоумевая, с чего вдруг вспомнил этот неприятный инцидент. Может, это скелет того самого дворецкого?

– Его нужно вернуть.

Услышав твёрдый голос мальчика, я резко обернулся. С момента, когда юноша появился на пороге комнаты, он относился ко мне так, будто я с мечом ворвался в их жизнь, наследил грязной обувью, сломал все игрушки и съел мороженое в холодильнике.

– Он не может вернуться, – рассудительно возразила девочка. – Он умер.

Умер?

По спине поползли мурашки, и память тут же услужливо подкинула картинку бушующего в здании пламени. Я будто снова

услышал взрыв и жуткий треск собственных костей. Дотронувшись до груди, глубоко вдохнул и, глянув на девочку, осторожно произнёс:

– Но я чувствую себя вполне живым. Нет ран, ничего не болит...

– Неприкаянная душа! – Парень нарочно повысил голос, чтобы заглушить мой.

Говорил так, будто меня нет. И скелет, снова пронзив меня зеленью жуткого взгляда, важно кивнул, соглашаясь с ребёнком.

– Магнус придёт на его запах, как голодный пёс, – выплюнул юноша с такой ненавистью, что я не позавидовал этому Магнусу, кем бы ни оказался этот несчастный.

– Я попросил бы!.. – взвился пёс.

– Не обижайтесь, Пёсель Лаврентьевич, – вежливо проговорила девочка. – Джонатан не хотел вас обидеть.

Махнув длинными ушами, будто лопастями вентилятора, Пёсель расплылся в добродушном оскале.

– ...Попросил бы почаще говорить мне подобные комплименты. – Он мечтательно закатил глазки и тоненько пропел: – Это напоминает, что в моём роду есть дикие собаки динго и даже один волк. Я должен чтить предков!

– Попугаи в вашем роду были, а не волки, – холодно хмыкнул парень и скрестил руки на груди.

Я нахмурился, пытаюсь сопоставить загадочного Магнуса, которого так боятся дети, с волком. Вкупе с упомянутым чутьём догадки возникали не самые приятные. Если в месте, куда я попал, есть живые скелеты и говорящие животные, то и оборотни могут существовать!

Быстро глянув на покосившееся окно, за которым расплзлась сырая темень вечера, я невольно поёжился. Меня не пугал ни пожар, ни наводнение, ни преступник с ножом в руке... Но сейчас я ощутил неприятный укол страха. Неизвестность всегда пугает.

– Я сейчас же верну его, – поднявшись из-за стола, решительно заявил юноша.

Полугодовалая на вид малышка, которая до этого тихонько сидела на полу и перебирала какие-то загадочные вещички (местные игрушки?), громко агукнула и хлопнула в ладоши.

– Нет, ты не сможешь, – погрозила ей девочка и перевела строгий взгляд на брата. – А ты не отправишь папу обратно.

– Он нам не папа! – сжав кулаки, процедил Джонатан. – Джессика, он опасен! Неприкаянную душу нужно изгнать из Шаада ради нашей безопасности!

– Не изгнать, а отправить на перерождение, – спокойно поправила девочка. – И ты этого никогда не делал.

– Я много раз наблюдал, как работает мама, – снова повышая голос, сообщил юноша.

– Вот именно! – не сдавалась Джессика. Она тоже поднялась со стула и встала между мной и братом, будто защищая «неприкаянную душу». – Что будет, если закинешь его в Замирье? Готов к последствиям?

– Я... – начал было тот, но, поджав губы, нахмурился.

– Тогда папа остаётся! – с довольным видом закончила Джессика.

– Во всяком случае до тех пор, пока не вернётся мама, – проворчал парень.

– Стойте, – встал я и недоверчиво покачал головой.

Сейчас я отметил, что рубашка на юноше порвана в нескольких местах, а воротничок так тёмнен, будто Джонатан носил этот наряд минимум месяц. На голове Джессики был совершенный кошмар, словно девочку не причёсывали несколько дней. Чумазая малышка изначально не вызвала у меня удивления, – младенец ползал по грязному полу, чего ещё ждать? – но сейчас я посмотрел на это другими глазами.

Вспоминалась горе-мамаша, которая, бросив ребёнка одного, отправилась с мужем в ночной загул и чуть не погубила малышку своей безответственностью.

Неужели и родители этих детей бросили их в старом доме с едва живой мебелью, покосившимися окнами и нянькой-скелетом? В месте, где, возможно, бродит оборотень, а собака больше болтает, чем защищает?

– Так вы здесь... одни?!

Глава 5

Итак, я попал.

И я — папа.

Дважды попал...

Это изначальные данные. Смирись и прими к сведению, Сокол. Впрочем, теперь мой позывной можно забыть. Здесь я — не пожарный, а «неприкаянная душа». Здесь — это в загадочном месте под названием Шаад. В замке, в котором даже находиться можно с риском для жизни.

И трое детей, брошенных на произвол судьбы.

Я втянул воздух в лёгкие и сжал кулаки. Никогда не понимал тех, кто к детям относится как к домашним животным. Захотели — завели, а дальше — сами растите... Как грибы!

Если честно, я ухватился за эту злость, как за соломинку. Лучше, чем сходить с ума, пытаюсь осознать, что же произошло. Я ведь умер. И снова живу. А уж раз это так, то стоит обустроиться на новом месте. Ведь вернуться в мир, из которого меня забрала смерть, вряд ли получится.

– Хорошо. – Хлопнув в ладоши, я посмотрел на детей. – Я буду вашим папой.

– Ура! – обрадовалась Джессика и торопливо представила других: – Это Джонатан и Агнесс. Она всё понимает, но не говорит.

Малышка сунула в рот палец и посмотрела на меня с поразительно взрослой серьёзностью. Я отвёл взгляд и ответил:

– Меня зовут Александр Соколов. Можете звать меня дядя Саша или...

– Папа! – воскликнула Джессика.

– ...Сокол, – одновременно с ней закончил я. И осторожно добавил: – Можно и папа... Кстати, а где ваша мама? Когда она вернётся?

Девочка помрачнела и часто-часто заморгала влажными ресничками. Сердце моё дрогнуло. Вот не могу терпеть женских слёз!

Невзирая на возраст той, что вот-вот заплачет, я едва сдерживался, чтобы не извиниться, одновременно пообещать звезду с неба, купить мороженого и сбежать на край земли...

Привычно подавив панику, я глянул на старшего брата девочки, по щекам которой покатались крупные прозрачные капли.

– Можешь сказать?

– Не твоё дело, – огрызнулся он и, отвернувшись, вышел из комнаты.

С характером! Жаль, что толку от него ноль. Как и от рыдающей Джессики. Я повернулся к малышке, которая, рассматривая меня, с упоением сосала палец, и не выдержал. Поднял ребёнка с пола и попытался отвести её руку.

– Не делай этого. Он же грязный... Ай!

Агнесс укусила меня! От неожиданности я инстинктивно шарахнулся и, оступившись, с размаху уселся на пол. Сжал челюсти, чтобы не чертыхнуться. Больно! Хорошо, что эту пиранью голубоглазую удержал.

– Кажется, ты ей нравишься, – неожиданно улыбнулась сквозь слёзы Джессика.

Я удивлённо приподнял брови.

– На вкус? Остаётся радоваться, что Пёселю Лаврентьевичу я не приглянулся... Ай! Да что же это такое? Снова?!

– Ты ей однозначно нравишься! – припечатала Джессика, наблюдая, как я борюсь за право оставить собственный палец при себе.

Зубов у малышки было немного, но острота всех четырёх сомнению не подлежала.

С трудом отвоевав покусанную конечность, я вернул ребёнка на пол и отступил для верности.

– Рановато я решился быть папой. Я же совершенно ничего не знаю о детях!

– Совсем ничего? – прищурилась Джессика.

К счастью, слёзки её уже высохли, и я решил отложить вопрос о том, куда пропала мама этих беспризорников.

– Они должны быть сыты, чисты и в безопасности, – пожал я плечами.

– А врал, что не знаешь, – с удовольствием рассмеялась девочка и, шагнув ко мне, неожиданно обняла. – Ты будешь хорошим папой.

Я замер и с растерянностью посмотрел на лохматую голову ребёнка. Осторожно прикоснулся к спутанным волосам и подумал, что быть папой порой больно и неловко, но что-то хорошее в этом точно есть.

К тому же выбора мне никто не предоставил. Когда я опустил веки в своём мире, можно сказать, я подписал некий договор. И пусть пошёл на это, не зная условий, предоплата всё же достойная.

Я жив.

И я больше не одинок.

Папа — это тяжёлый труд (судя по тому, что видел на примере друзей и соседей), но я справлюсь. В конце концов я проходил через огонь, воду и медные трубы. Кстати о последних...

— Агнесс явно нуждается в хорошем душе, — заявил я и попросил: — Покажешь, куда её отнести?

— Души у нас только неприкаянные, — виновато ответила девочка. — Они все хорошие, но нарушают равновесие магий и притягивают магнус. Поэтому мы избавлялись от них. Сейчас в Шааде только ты... — Она щёлкнула пальцами и прищурилась. — Ты прав. Агнесс нуждается в тебе. Мы все нуждаемся!

— Э-э, — растерялся я и добавил: — Я имел в виду то, где её можно помыть. Не видишь, какая она грязная?

— А, — заулыбалась Джессика и кивнула: — Неси за мной.

И, развернувшись, вышла из комнаты. Я опасливо покосился на малышку и, теперь не возражая против того, чтобы она использовала свой палец вместо соски (что мешало ей демонстрировать ко мне острую привязанность), осторожно поднял Агнесс.

Нёс на вытянутых руках, а малышка терпеливо висела, как щеночек. Когда мы проходили через гостиную, собака, лежащая на огромном диване с изодранной обивкой, приподняла голову и оскалилась в улыбке.

— Куда вы её?

— К реке, — пояснила Джесс.

— Да ладно?! — оживился Пёсель и, спрыгнув с дивана, подбежал к читающему книжку скелету. — Герман, неприкаянная душа хочет утопить мелкую! Ну что ты сидишь? Идём скорее, а то всё пропустим...

– Эй! – возмущённо оглянулся я и тут же, ощутив знакомую боль в пальце, изумлённо посмотрел на девочку. – Ты издеваешься?

– Пап, не отвлекайся, – позвала меня её старшая сестра.

Я догнал Джессику и, выйдя из замка, на миг замер, поражённый до глубины души. Даже забыл вопросы об отсутствии ванны и жутких словах собаки.

И было отчего.

Над нами разлилась сиреневая темнота, по бархатной поверхности которой рассыпались миллиарды светлячков чужих звёзд. На линии горизонта сирень приобретала тёмно-фиолетовые оттенки, рваные линии намекали на окружающие нас леса. А передо мною раскинулось широкое поле, усыпанное удивительными цветами.

Как я рассмотрел в ночи соцветия? Они светились! Каждый раз, когда тёмных трав касался лёгкий ветерок, головки растений покачивались и начинали излучать мягкое светло-оранжевое сияние. И тускнели, стоило ветру утихнуть.

От удивительного зрелища я забыл, как дышать.

Но мне напомнили.

– Кажется, малышка очень голодна. – На этот раз стерпев боль, я прижал ребёнка к себе. – Давай быстренько отмоем её, а потом покормим.

– Начинай, – хитро прищурилась Джессика и кивнула на тёмную ленту реки, на поверхности которой проблесками золота отражалось свечение цветов.

Я сделал глубокий вдох и первый решительный шаг. Я мыл пожарную технику так, что Лебедь выписывал мне премию. А оттереть гарь и копоть после пожара — тот ещё квест. После этого искупать ребёнка — как два байта по почте послать!

Глава 6

На берегу я засомневался, можно ли мыть такую крохотную малышку в простой воде. Наверное, будет холодно! Может, развести костёр и нагреть?..

Надо бы проверить.

Посадив ребёнка на траву, я подошёл к воде и опустил в неё руку.

Тёплая, как парное молоко... Будто весь день была жара! Можно и ребёнка помыть, и самому искупаться. Обернувшись, я похолодел — Агнесс на месте, где я её посадил, уже не было. И это у реки. Ночью!

– Джессика! – оглядывая тёмные кусты, позвал я девочку. – Не видела сестрёнку?

Девочка в это время пыталась отнять у рычащей собаки нечто похожее на светлую палку. На миг ребёнок отвлёкся, и Пёсель, воспользовавшись моментом, счастливо ускакал в сторону замка.

– Ты её не видишь? – отдуваясь, уточнила Джессика.

У меня спина похолодела: малышки и правда нигде не было видно.

– Вот дурак! – ругался я, не переставая искать ребёнка. – И чего вдруг взбрело в голову идти купаться посреди ночи. Ну сосала она свой палец... Ну грязный! Судя по привычке, она раньше это делала, и всё же жива-здоровая. Продержалась бы ещё одну ночь. А вдруг её пресловутый оборотень унёс?

– Пап! – крикнула Джессика и снова повторила: – Ты что, потерял Агнесс?

– Да, – виновато признался я и тут же, чтобы успокоить девочку, убедительно добавил: – Не волнуйся, я её найду. Что бы ни потребовалось, я...

– Посмотри туда, – прервала она меня и указала вверх.

Над нами гроыхнуло, в чистом небе что-то сверкнуло. Запрокинув голову, я застыл на месте, наблюдая, как медленно парит малышка в паре метров над землёй. Вокруг девочки, будто мыльный пузырь, в свете двух тонких зелёных лучей поблёскивала призрачная сфера. Она переливалась разноцветными искрами...

И вдруг лопнула, осыпав меня чем-то похожим на конфетти.

Ребёнок упал мне на руки, и я обрадованно прижал её к себе. С улыбкой пожурил:

– Разве можно так пугать дядю? Я только отвернулся, а ты решила полетать.

В этот момент я увидел бегущего Джонатана. От его тела вокруг разлетались неоновые искры, будто передо мной не юноша, а человек-молния. Одна из них летела в нашу сторону. Улыбка сползла с моих губ, и я медленно прошептал:

– По-ле-тать...

Растерянно моргнул, осознавая увиденное, а когда открыл глаза, надо мной склонились все трое детей, высунувший язык Пёсель и даже незначительно заинтересованный скелет. Было холодно и мокро.

Я догадался, что потерял сознание и упал в воду, а дети меня вытащили. Шевельнулся, но в теле разлилась неприятная слабость. Вряд ли сейчас удастся подняться... Возможно, это последствия шока.

И неудивительно. Вид скелета, который своим лазерным взглядом поднимает людей в воздух, и парнишки, разбрасывающегося шаровыми молниями, кого угодно озадачат до обморока.

– Что с ним? – деловито спросила Джессика. – Почему он упал?

– Может, устал? – весело предположила собака. – Решил прилечь отдохнуть. И незаметно уснул.

И хитро подмигнула скелету.

– В воде? – выгнула бровь девочка и укоризненно посмотрела на брата. – Может, ты в него попал?

Парень стукнул кулаком по своей ладони и процедил:

– Я решил, что это магнус!.. Как увидел Агнесс над землёй, подумал, что они снова прорвались! Иначе зачем Герман щит активировал?

– Да его Пёсель Лаврентьевич шантажировал! – сдала животное Джессика и вытерла влажный лоб. – Этот интригад стащил у скелета берцовую кость! Мне не удалось отобрать.

– Почему ты это сделал? – рассердился на собаку Джонатан.

– А надо было позволить неприкаянной душе утопить Агнесс? – театрально взвыла та.

– А-гу, – вынув палец изо рта, лукаво произнесла Агнесс.

– Пожалуйста, – тут же заулыбался Пёсель и вновь замотал хвостом.

– Да не собирался я её топить, – едва ворочая языком, пояснил я. – Помыть хотел. Она грязных пальцев изо рта не вынимает. Разве вы не видите?

– У неё зубы режутся, – взяв ребёнка на руки, нехотя пояснил Джонатан. – И к вашему сведению, Агнесс боится воды. Разве Джессика вам не сказала?

– Я забыла, – виновато пролепетала та.

Повернувшись к средней сестре, парень холодно бросил:

– Притащила в Шаад игрушку — так следи за ней.

Игрушка? Я разозлился настолько, что удалось преодолеть слабость и подняться. Пошатываясь, надвинулся на Джонатана.

– А теперь послушай меня, парень. Я понятия не имею, что происходит, но знаю одно. Вы — несовершеннолетние! И по каким-то причинам рядом с вами сейчас нет родителей. Поэтому я останусь здесь, пока кто-то из них не вернётся. Буду заботиться о вас, защищать и оберегать. Потому что даже обладающие суперспособностями дети всё равно остаются детьми. Ясно?

Некоторое время он пристально смотрел на меня, а потом коротко усмехнулся.

– Что ж... Рискните. – И, развернувшись, понёс сестрёнку к замку. Не оборачиваясь, Джонатан добавил: – Кстати о суперспособностях. К утру ваша слабость пройдёт.

Я лишь головой покачал: так я действительно получил магический заряд?

За детьми весело поскакал Пёсель Лаврентьевич, а следом, заложив руки за спину, задумчиво побрёл скелет. Я взял девочку за руку и, опасливо оглядевшись, повёл её домой. Дети отправились спать в одну из комнат, я же расположился на диване с драной обивкой и закрыл глаза.

Утро вечера мудренее, как говорится в сказках. И раз я попал в одну из них, то последую этому совету.

Всю ночь мне снились танцующие скелеты и огромные шары, похожие на мыльные пузыри. Они лопались один за другим, и на меня всё падали и падали дети...

Глава 7

Флоренс

– Когда же твой друг спасёт тебя? Я устал ждать.

Голос магнера был скрипучим, как старые петли двери в подвал. Я закрыла глаза и пообещала себе смазать их сразу, как вернусь.

И я не допускала мысли, что это невозможно.

Да, раньше из Замирья никто не возвращался.

До Устина.

Страж первого оплота Шаада, мой старый друг и супруг милой иномирянки Софии. Некогда его поглотило Замирье, но он сумел вырваться. Великий маг и ужасный зануда Устин... Мне до его уровня никогда не дотянуться, ведь даже мой муж уступал ему в мощи магии.

Мой погибший муж.

Я не позволяла себе провалиться в сожаления. Страдать было некогда и тогда, когда Мортон погиб, оставив меня на последнем месяце беременности и с двумя детьми на руках. Я не дам себе пролить ни слезинки и теперь, когда стала заложницей Замирья.

– Ни-ког-да, – чётко проговорила я и посмотрела в выцветшие глаза мага. – Смирись. Мы победили! Стражи Шаада закрыли для вас «кормушку». Замирье сгинет, – продолжала цедить я, не отрывая взгляда от его бледного лица. – Магнус перестанет существовать. Ты проиграл, магнер! Скоро ты и сам умрёшь без энергии живого мира...

– Не так скоро, как тебе хотелось бы, – нехорошо улыбнулся он и сделал шаг.

Я машинально напряглась, не желая того, что сейчас произойдёт. Но это было неизбежно.

Мужчина распахнул плащ, открывая моему взору тёмную дыру в районе груди. В мою сторону потянулись струйки тьмы, и я невольно дёрнулась, чтобы избежать неприятного прикосновения. Но лишь звякнули цепи, которыми я была накрепко прикована к скале посреди кишащего голодным магнусом океана...

Зажмурившись, я вдохнула поглубже и замерла. Боли не было, на меня лишь накатывалась слабость. Начинало подташнивать, и перед внутренним взором заплясали цветные круги. Врагу хотелось бы опустошить меня одним вдохом, но тогда негде будет брать живую магию. В Замирье всё мертво...

Магнер с сожалением цокнул языком, и я ощутила облегчение оттого, что он отстранился.

Только тогда я смогла нормально дышать, но глаз открывать не хотелось. Как и смотреть на противную рожу последнего повелителя жутких тварей. Он мог убить меня ещё в первый день, но оставил в живых. Потому что я — единственная доступная ему пища. Твари пришлось сесть на диету и растягивать попавшую в плен «еду».

Он хочет, чтобы я продержалась подольше, пока не найдёт способ снова проникнуть в живые миры.

И я постараюсь выжить, чтобы вновь увидеть своих детей. Ведь я верю, что есть способ вернуться. У Устина же получилось!

Я представляла, как увижу своих детей. Это давало мне сил продержаться, пусть всего лишь было видением. Я обниму малышку Агнесс... Возможно, она скажет своё первое слово. Заплету волосы своей средней дочки в косичку и уложу короной, как учила моя новая подруга София. И похвалю Джонатана за то, что стал настоящим мужчиной. Ведь сейчас, когда мамы нет дома, ему приходится заботиться о сёстрах.

Ощущая, как к глазам подступает обжигающая влага, я до боли прикусила нижнюю губу.

Не увидит проклятый магнер моих слёз. Не услышит мольбы.

Я лучше останусь здесь навеки, чем открою тайну замкнутого пространства. Погибну, но не дам врагу снова проникнуть в Шаад... Нет-нет, я выживу. Пытать меня магнер не посмеет — побоится лишиться последнего пропитания. И я вернусь к своим детям, чего бы это мне ни стоило! Ведь я страж.

* * *

Александр

Проснулся я оттого, что на мне на самом деле кто-то прыгал.

– Агнесс, – узнав малышку, прохрипел я.

– У-ий! – радостно взвизгнула она.

– Сколько времени? – Пытаясь разлепить глаза, я глянул на часы. Они всё ещё оставались на моей руке. – Ещё только четыре... Ты спать должна!

– Й-ух! – горячо возразила девочка и потянула меня за нос.

Пальчики её были настолько цепкими, что пришлось приподняться, чтобы не остаться без носа. Дверь медленно открылась, и на пороге я увидел Джессику. Девочка, вытянув руки вперёд, пошла к нам с закрытыми глазами.

– Лунатит, что ли? – озадачившись, прогундосил я (нос мой всё ещё оставался в плену).

Но Джессика, замерев в шаге от дивана, сграбастала сестрёнку и, развернувшись, так же неторопливо вернулась обратно. Я потёр переносицу и, пожав плечами, перевернулся на другой бок, чтобы ещё немного поспать... Как нос к носу столкнулся с собакой.

Наглое животное развалилось на подушке, сдвинув меня лапами на самый край дивана.

– Пёсель Лаврентьевич, – уважительно начал я. – Кажется, вы давно не получали сапогом по части тушки чуть ниже хвоста.

В ответ мне облизали лицо и ласково прикусили руку. Чертыхнувшись, я скатился с дивана и, отплёвываясь, направился на поиски помещения, где можно умыться. Замер у окна и, обернувшись, вспомнил про реку — если верить Джессике, это и душ, и раковина...

Да так и застыл, глядя на умопомрачительный восход. Яркие сиренево-розовые всполохи расчёркивали небо на горизонте и, мягко меняя оттенки, будто на акварельной картине, переходили в зеленовато-холодный в вышине.

Вокруг замка раскинулись леса, и с виду они казались совершенно непроходимыми, какими-то жутко-сказочными, но прекрасными. А поле под стенами замка, усеянное оранжевыми цветами (именно они светились ночью?), выглядело ярко-зелёным ковром с вкраплением искр огня.

– Спасибо, – поддавшись горячей волне благодарности, прошептал я.

Мне было за что сказать это — некто за пределами моего разума подарил мне второй шанс... Нет, уже третий! Я всё ещё

жив. И я могу любоваться подобной красотой, в состоянии дышать и радоваться невыносимо прекрасному миру. Пусть и не тому, в котором родился.

Жизнью я особо и не дорожил, считая, что она уже проиграна. Потому и бросил институт, пошёл в пожарники. Желая отплатить судьбе за второй шанс.

А теперь, получив ещё один, буду приглядывать за волшебными детьми в этом непостижимом мире.

И начну с замка!

Отвернувшись от окна, я внимательно осмотрел гостиную. Ночью она показалась мне немного обшарпанной, но сейчас, при утреннем свете зарождающегося солнышка, стало видно, насколько сильно замок пришёл в упадок.

Это просто ужасно!

Покосившийся диван, на котором дрыхла наглая псина, нуждался в ремонте. Облезлые стены, некогда обклеенные красивой и явно дорогой тканью, были в трещинах. Возникло ощущение, будто здесь периодически бывают землетрясения. Странно, ведь местность равнинная, и даже вдалеке гор не видно.

Впрочем, в Шааде могут действовать совсем другие законы природы. Дети здесь обладают удивительными способностями, скелеты без проблем передвигаются и выпускают из глаз зелёные лучи, собаки чересчур болтливы, а я — жив.

А раз так, то пора привыкать к новому месту.

Моя берлога в прошлой жизни была маленькой, но зато в квартирке было уютно и удобно. Я обустроивал её в стиле лофт, что, по моему мнению, очень соответствует стилю одинокого мужчины. Может, и здесь сотворить нечто похожее? Вспомнить всё, чему учился, и привести помещения хотя бы в жилой вид.

И безопасный.

Раздумывая, с чего начать, я решил пробежаться до речки. Остановившись на берегу, втянул чистейший воздух полной грудью и позволил себе порадоваться. Сколько себя помню, всегда мечтал жить где-нибудь за городом, в шаговой доступности от водоёма. И вот, сбылось наконец. Не в той жизни и не в том мире, но всё-таки...

Раздевшись, с разбегу нырнул и несколькими мощными гребками отплыл довольно далеко от берега. Раскинулся звездой и с

наслаждением доверился воде...

– Эй! – вскрикнул, ощутив, как в ногу что-то впилося.

Мелькнули мысли о чудовищах, которые могут водиться здесь, и я вылетел на берег как ошпаренный. Осмотрел место укуса и потрогал припухшую ранку. Было немного похоже на след от щупалец медузы, хотя плавал не в море, и вода пресная.

– М-да... – проворчал, подхватывая с земли джинсы. – Не зная броду, не суйся в воду. Городской ты житель, Сокол. Глупый и наивный. Ладно, заживёт. До свадьбы...

Задумчиво повертел в руках футболку, которую я надел утром злополучного дня. Она была свежей, как только что после стирки. А ведь я сунулся в горящее здание! Тем не менее ни единого пятнышка на одежде, запаха тоже не уловил.

– Чему удивляться? – попытался я смириться с чудесами. – У меня рёбра не сломаны, ноги-руки целы, трубка из горла не торчит. Тело — сложный организм — и то будто новенькое. А чистая одежда как приятный бонус.

Поморщился от ноющей боли в укушенной ноге и побрёл к замку.

Итак, лофт. Для начала ободрать ужасные тканевые обои. Для выбранного мною стиля характерны кирпичные стены и высокие потолки. И внимательно осмотреть всю мебель: что на выброс, что можно починить или переделать.

Ощущая растущий энтузиазм, я почти вбежал по лестнице.

И тут же был сбит прыгнувшей на меня собакой. Над нами что-то просвистело, позади гроыхнуло. Не удержавшись, я покатился вниз в обнимку с Пёселем Лаврентьевичем.

Глава 8

– Ты жив? – раздался над моей головой взволнованный голос девочки.

– Да, я жив, – просипел Пёсель и слез с моей головы.

Я был ему за это премного благодарен и хотел было подняться сам, но понял, что не могу ни пошевелиться, ни что-то сказать. Запаниковал, испугавшись, что при падении что-то себе повредил. Да ещё нога, укушенная какой-то рыбой, болела всё сильнее.

– Да я папу спрашиваю, – отмахнулась от собаки Джессика. – С вами-то что делается?

– Правильно, зачем меня жалеть? – обиделся Пёсель. – Помру — больше еды вам достанется...

При упоминании еды мой организм оживился, живот подвело так, будто я не ел минимум неделю. Впрочем, я же не знаю, сколько времени прошло между моментом, когда я закрыл глаза в своём мире, и моментом, когда открыл их здесь.

– Прекратите ворчать, – потребовала девочка и попыталась меня поднять. – Лучше помогите... Ох, какой папа тяжёлый!

– Что произошло? – услышал я недовольный голос пацана. – Почему неприкаянная душа изображает коврик в нашей гостиной? А с Пёселем что случилось? Джессика, опять твои проделки?!

– А что со мной? – испуганно твякнула собака.

– Вы себя в зеркало видели? – с лёгкой ноткой сочувствия спросил Джонатан.

– Н-нет, – икнул пёс, и тут же раздался удаляющийся топот его лап.

Я и сам заинтересовался, что же случилось с собакой, но не смог и глаз открыть. К тому же вопрос, что произошло со мной, остаётся открытым. Если я парализован, то дело худо... Замок на отшибе, до помощи неизвестно сколько километров. И судя по тому, что никаких коммуникаций в доме я не заметил, со связью тут совсем глухо...

– Ну вот зачем ты ему сказал? – сердито буркнула Джессика. – Подумаешь, попала заклинанием... Я случайно! Хотела для папы

красивую причёску себе сделать, но чуточку промахнулась.

– Да нет, – ехидно отозвался её брат. – По Пёселю Лаврентьевичу попала.

Девочка ничего не ответила ему, лишь снова потормошила меня.

– Пап, что с тобой? Джонатан, почему он не двигается?

– Дышит? – деловито уточнил её брат.

– Вроде да... Пап! Пап, вставай!

– Джесс, хватит его так называть, – тихо попросил Джонатан. – Наш папа умер. А это всего лишь неприкаянная душа.

У меня в груди похолодело. Так отец мёртв? Стоп! Они не сироты, Джонатан сказал, что их мама решит, что со мной делать. Как вернётся. Если вернётся. Вспомнилось, как отреагировала девочка на вопрос о маме...

– Теперь он наш папа, – упрямо заявила девочка. – А если ты против, то мой и Агнесс. Он ей понравился!

– Судя по состоянию души, недолго ему играть вашего папу, – хмыкнул парень.

– Да помоги же! – настойчиво потребовала девочка. – Что мне с ним делать?

– Об этом надо было думать до того, как притащила неприкаянную душу в Шаад, – назидательно произнёс Джонатан.

– Злыдень!

– Язва!

– Джо-о! – жалобно протянула Джессика и всхлипнула.

И Джонатан, как настоящий (хоть и маленький) мужчина, сдался.

– Не хнычь. Посмотрю, что можно сделать.

И я его понимал! Сам не мог переносить женских слёз. Судя по пыхтению, парень меня осматривал, но прикосновений я не чувствовал. Плохо, очень плохо. Умирать второй раз ой как не хотелось, особенно так глупо — быть сбитым с лестницы и придавленным болтливой собакой. Я и в пожарные пошёл, чтобы умереть героем... Раз уж жить долго и счастливо не получалось.

– Смотри! – воскликнула девочка.

– Ему кранты, – процедил парень.

– Джо! – ахнула Джессика.

– Да ладно, это всего лишь укус, – примирительно отозвался он. – Пару дней полежит — может, оклемается. Была бы мама дома, она бы

его в два счёта от яда вылечила.

Так это всё-таки из-за той рыбины? Она была ядовитая? Ох... А я в этой реке хотел малышку искупать! Недаром на меня скелет напал, защищая Агнесс. Впредь надо быть умнее. Но что за яд и как теперь быть?

– Я его сама вылечу! – загорелась энтузиазмом девочка.

– Вот и хорошо, – довольно поддакнул её брат. – Сама притащила неприкаемую душу — сама от неё и избавишься!

«Стоп-стоп, – заволновался я. – Может, не надо лечить? Я лучше отлежусь пару дней, как предложил Джонатан».

Но мыслей девочка не читала... Увы. Она обрадовалась возможности продемонстрировать свои навыки первой помощи так активно, что у малышки даже получилось сдвинуть меня с места!

– Сейчас я тебя спа-су! – с натугой пообещала она.

«Ещё и угрожает!» – ужаснулся я, не в силах препятствовать предстоящему убиению.

– Надорвёшься, – вмешался её брат, и я радостно перевёл дыхание. Спаситель! – Позови Германа, пусть перенесёт неприкаемую душу в мамину лабораторию с помощью дара.

Я замер. Лаборатория?! Сразу представилась тёмная комната с множеством колбочек, скляночек, странных предметов, кривых ножей, с котлом посередине и сушёными мышами, развешанными под потолком.

А что ещё представить, если оказался в средневековом замке?!

Глава 9

Что чувствует бабочка, которую закрыли в банке?

Теперь я знаю.

Когда появился скелет, я не видел, зато ощутил, будто внезапно пропал внешний мир. Звуки смолкли, опора подо мной исчезла, запахов тоже не осталось. Я оказался в странном ничто. Благо находился в этом прекрасно-ужасном состоянии лишь минуту или две. И отчаянно надеялся, что этого больше не повторится, потому что сердце колотилось как безумное и грозило выскочить из груди. И это у меня нет клаустрофобии!

Я рухнул на что-то твёрдое и сразу услышал радостный голосок Джессики:

– А теперь лечить!

И я пожалел, что снова не могу скрыться в том ничто. Почему-то энтузиазм девочки пугал... Но ещё больше я леденел, когда я слышал комментарии её брата.

– Это трава от запора, Джесс. А этот корень вызывает активный рост волос...

Хотелось сбежать и спрятаться, но я не мог и пошевелиться. Ох как не хотелось становиться волосатым засранцем!

– Так, вроде готово, – прозвучало будто приговор. – Джонатан, поддержи его.

– С чего вдруг? – хмыкнул парень.

– Мама говорила, что от противоядия бывают судороги, – важно ответила девочка.

– Ну хоть что-то из её слов ты услышала, – ехидно поразовался он. – Нет, я не прикоснусь к душе. Потом пахнуть буду, не хочу магический гнус привлекать.

Я удивился — вроде гадкими запахами никогда не отличался. Да и с утра успел искупаться. Одежда чистая. И чего Джонатан так настаивает на запахе? Или у него повышенная чувствительность? Надо

запомнить на будущее, пригодится, когда буду заботиться о детях... Если сам выживу, конечно.

– Тогда я его привяжу, – придумала Джессика.

Некоторое время ничего не происходило, а затем в теле вдруг появились первые ощущения...

И какие!

Меня будто выкручивали изнутри, всё заныло так, словно из жил и вен некто плёл косички. Выгнувшись, я застонал, но легче не стало. На колено легла детская ладонь, и от одного прикосновения меня будто током пронзило. Я хотел сбросить руку девочки, которая причиняла столько боли, но почувствовал, что снова не в силах пошевелиться.

Теперь из-за верёвок, которыми я был накрепко прикручен к столу. Мотков пять ушло, не меньше! Да этой верёвки бы хватило, чтобы спуститься с пятого этажа! Ощущая себя куколкой, которой вот-вот предстоит превратиться в бабочку, я рвался и пытался освободиться, чтобы хоть как-то уменьшить жуткую боль.

– Что-то его сильно плющит, – лениво заметил Джонатан. – Ты точно не перепутала зелья, Джесс?

Сердце ухнуло в желудок холодным камнем, а перед внутренним взором встало видение снежного человека на толчке. И внезапно приспичило в туалет...

Зараза!

– Разв-в-вяжите! – получилось выговорить, хотя я едва себе язык при этом не откусил. – Нем-м-медлен-н-но!

– Рано ещё, – похлопала меня Джессика по плечу. И каждое её движение пронизывало меня злым током на грёбаных шестнадцать ампер. – Подожди чуточку...

– Через чуточку будет поздно, – прошипел я, сдерживаясь изо всех сил. – И я очень надеюсь, что туалет у вас не на улице... Впрочем, пусть хоть и на улице! Главное — отпустите!

– Ты точно что-то перепутала, – саркастично заявил Джонатан, пока его сестра спешно разматывала меня.

Я же, подвывая, схватился за живот и метнулся сначала в одну сторону... Потом в другую... Плюнув на всё, сиганул в окно и горным козликом поскакал в кусты. Там, ругая себя на чём свет стоит, шептал:

– Прибыл на новое место, Сокол, сначала уточни все жизненно важные объекты и дислокации предметов первой необходимости. Ты о

себе позаботиться не в силах, папа хренов! И как ты собрался воспитывать троих детей?

И тут я забыл, как дышать...

Трое! Их трое, но с самого утра я не видел Агнесс. Надо немедленно найти малышку!

Когда страшная угроза осталась позади, я выпрямился и только понял, что, прыгая в окно, содрал занавеску. И теперь она болталась на мне, будто белый плащ. Я перекинул ткань через плечо, чтобы не цеплялась за кусты, и спешно отправился на поиски ребёнка.

В гостиной увидел Пёселя Лаврентьевича... Да так и застыл. Не сдержав смеха, просипел:

– Теперь я понимаю, о чём шла речь!

Несчастливая собака была вся в красивых блестящих завитках шерсти. Такие я видел на фотографии моей бабули. Выглядел Пёсель невероятно гламурно и был похож на собачку некой дивы, которую только что выпустили из салона собачьей красоты. Для полной картины не хватало лишь розового бантика и ошейника со стразами...

– Очень стильно получилось! – поддел я пса, из-за которого свалился с лестницы.

Тот явно был не в восторге от нового имиджа и активно вылизывался, пытаясь вернуть себе гордость и достойный вид. Но упругие завитки, вытягиваясь, скручивались вновь, стоило собаке убрать язык.

– На себя посмотри, – обиделся Пёсель Лаврентьевич и мотнул головой в сторону зеркала. – А потом гогочи, гусь кудрявый!

Я повернулся и при виде бабулиной мечты на своей голове подавился воздухом. Кашляя, постарался пятернёй придать своей причёске что-то приличное, но результат был тот же, что и у пса. Да ещё занавеска, похожая на тогу, придавала мне такой вид, будто я был натурой для всех лучших художников Древней Греции.

– Ты теперь Аполлон Бельведерский, Сокол! – проворчал я.

Оставив попытки привести голову в порядок, я опустил руки...

И тут мне прямо в них упала Агнесс.

Глава 10

– Больше не говори, Сокол, что счастье тебе с неба не валится, – прохрипел я, едва придя в себя. Прижал ребёнка к груди и глянул вверх. – Откуда тебя угораздило? Неужели перила на лестнице сломаны? Ох ты ж, чертежом меня по ГОСТу! Да там вообще перил нет!

– А! – потянулась девочка, едва не навернувшись снова. – А-а!

Решив отложить эту проблему на пару часов (малышка же у меня на руках!), я решил заняться другой, более насущной. Тем более что Агнесс тоже настаивает, судя по тому, как тянется к пустой кастрюле из огнеупорного стекла... Странно, что посуда делает в гостиной? Может, забыли убрать? Или использовали как игрушку. Это же дети! Сын моей соседки предпочитал кухонную утварь всем игрушкам в мире!

– Кушать хочешь? – спросил я малышку.

Она тут же сунула в рот палец и с энтузиазмом начала его сосать. Я вздохнул.

– Да, с таким завтраком точно не поправишься. Может, ты не ребёнок, а медвежонок? У меня уже возникают некоторые подозрения...

– Пап? – услышал я взволнованный голосок Джессики и обернулся. У входа стояла она сама, растрёпанная и испуганная. – Ты в порядке?

– Как ни странно, да, – усмехнулся я.

– Точно? – недоверчиво прищурилась она.

– Не считая того, что я выгляжу как дедушка Ленин в молодости, всё отлично, – решительно успокоил я ребёнка.

Вряд ли в Шааде знали вождя пролетариата, но тем не менее имя, в прошлом не сходящее с уст моей бабули, сработало магическим образом. Мне поверили. Впрочем, на бабушку оно тоже действовало безотказно.

– Кстати... Чем вы питаетесь? – задал я актуальный вопрос.

– Время завтрака! – обрадовалась Джессика и, развернувшись, закричала что есть мочи: – Джонатан! Неси скатерть!

– Скатерть, безусловно, вещь полезная, – осторожно начал я. – Но мне бы хотелось узнать, где у вас кухня, заглянуть в холодильник... Или в подвал? Проверить срок годности и прочее...

– Идём. – Джессика безапелляционно потянула меня за собой.

Но путь в смежную комнату нам преградил скелет. Вперив руки в боки, – то есть кости в кости, – он властно сверкнул зеленью магии, которой были наполнены глазницы его черепа, и сурово щёлкнул челюстью.

– Руки мыть? – вздохнув, перевела девочка и махнула рукой в неопределённом направлении. – Это там.

– Снова на реку? – насторожился я.

– Нет, во двор, – тут же рассмеялась она.

Снаружи нас уже поджидал Джонатан. Парень стоял у небольшого колодца, который я поначалу не заметил. Странно, что девочка не рассказала, что вода есть ближе. Впрочем, не купать же малышку здесь. Вода наверняка ледяная. Во всяком случае я помнил, какой она была у бабули в деревне. Однажды, когда мне очень хотелось пить, я хлебнул прямо из ведра — так зубы свело!

Назвав сооружение из нескольких прогнивших брёвен колодцем, я сильно погорячился. Через них была переброшена кривая доска, а вместо ведра к верёвке привязана странная прозрачная сфера с одной большой дырой и парой мелких. Будто огромная уродливая колба, она стояла на земле.

Джонатан, скинув рубашку, опускал внутрь руки и, зачерпывая пригоршнями воду, с фырканьем плескал на себя. Я заметил на торсе паренька пару шрамов и сжал челюсти. Это последствия встреч с оборотнем?..

Джессика подождала, пока брат закончит и оденется, а затем быстро ополоснула ладони и демонстративно показала их бдящему у входа в замок скелету.

Я только хотел отлепить от себя малышку, чтобы проделать то же самое и быть допущенным в столовую (или что там у них?), как Агнесс внезапно заголосила. Да так, что в ушах зазвенело. И это у меня, привыкшего к сигналу пожарной тревоги!

– Что с ней? – испугался я и, торопливо осмотрев девочку, предположил: – Неужели уснула, а я её разбудил? Или...

– Ой! – зажав нос, прогундосила Джессика. – Агнесс, ты почему на горшочек не попросилась?

– У-у! – возмутилась малышка и с обвинением уставилась на меня.

И тут у меня спина похолодела.

Не кастрюля в гостиной стояла! И ребёнок чётко и конкретно просился именно туда, но я не понял. И сейчас...

– Что теперь? – быстро спросил я.

– Я за скатертью, – тут же ответил Джонатан и ретировался.

– Ох, я не проверила, как там Пёсель, – внезапно заволновалась Джессика. – Бедняжка! Наверное, страдает...

И тоже сбежала.

Мы с Агнесс посмотрели друг на друга.

Она молчала, и это казалось страшнее всего. Я не знал, набирает ли девочка сил, чтобы повторить вопль гарпии в брачный период, или же смирилась с неприятным положением... И закралась слабая надежда, что ребёнку положение не так уж и неприятно. Тепло и мягко.

Хрупкая надежда разбилась от новой трели, во время которой мои уши едва добровольно не скрутились в пельмени.

– Хорошо-хорошо, – сдался я и, оглядевшись, усадил девочку на травку. – Сейчас дядя Сокол всё сделает.

Что сделает дядя, даже самому Соколу было невдомёк, но я не отчаивался. Я же пожарный! На нас всегда смотрели так, будто мы способны достать луну с неба... Или котёнка с дерева. Да что там! Такие бравые ребята явно не струсил бы надрать зад самой смерти.

Но как назло, старухи с косой под рукой не было, а вот попа Агнесс явно нуждалась в срочном клининге.

Глава 11

Флоренс

Магнер подошёл и, отцепив от вколоченного в скалу железного кольца цепи, потянул меня за собой.

– Тебе надо поесть.

– Я и сама умею ходить, – огрызнулась я, не желая признаваться, что ослабела настолько, что едва могла позаботиться о себе даже в самых банальных вещах.

Радовало лишь то, что магнер давно не мужчина, да и человеческого в нём почти не осталось. Потому и позволяла ему помочь себе, ибо сама не могла даже шага ступить без поддержки — так ослабла. Да, маг кормил меня, но пища Замирья не могла восстановить мои силы, только поддерживала слабо тлеющий огонёк жизни. Да и то лишь потому, что меня подогревало желание вернуться к детям.

На вид и на вкус еда казалась мясом, но я знала, что пища приносит мне медленное отравление. Магия Замирья не может причинить вреда потомственным магам, но всё равно угнетает даже их. То есть нас. Потому Устин, вернувшись, был так слаб. Потому я лишь огрызалась на магнера, но всё равно подчинялась.

Если откажусь, то быстро зачахну от голода.

Сейчас я спала всё больше, а когда бодрствовала, напряжённо думала, перебирая тысячи вариантов возможного побега. Но даже если мне удастся магией снять цепи, даже если магнер отвлечётся по каким-то своим злодейским делам, даже если я сумею пройти через море магнуса и добраться до ближайшего перехода...

Замирье заперто! Победа стражей стала моим несчастьем.

Я не жалела, что поменялась с Софией. Если бы Бэтрис ударила магией по изнанке межмирья, то разбила бы остатки пространственной перегородки между Шаадом и Замирьем. Погибли бы все! Своим решением я спасла не только миры, но и своих детей. В тот миг это казалось единственным решением.

Но я так страдала вдали от детей! Гораздо сильнее, чем от «питания» магнера, своего унижения или смрада Замирья. Так сильно скучала по лепетанию Агнесс и ворчанию старшего сына. Мне очень хотелось обнять Джессику... Сейчас, когда прошло столько времени, я даже мечтала услышать пение Пёселя Лаврентьевича!

– Наелась? – безэмоционально уточнил магнер и сунул мне глиняный кувшин с водой. – Пей!

Цепи звякнули, когда я приняла посудину. Сделала глоток и...

Магнер взял остатки мяса, о происхождении которого я старалась не думать (гавкало оно, мяукало или рычало, щёлкая длинными зубами в толпе таких же монстров), и бросил в гущу магнуса. Решение пришло за один миг.

Размахнувшись, я ударила мага по голове, раздался звон, и посыпались черепки. Магнус, почуяв кровь, взвыл, и от тысяч голосов, доносившихся снизу, леденел затылок. Но я не останавливалась. Воспользовавшись тем, что враг оглушён, накинула цепь ему на шею и со всех оставшийся сил потянула на себя.

Вот только сил осталось совсем мало. Мне не удалось удержать магнера, и он легко перехватил инициативу. Развернувшись, вжал меня в камень скалы и, оскалившись, принялся жадно пить мою магию. Я смотрела, как по его бледному лицу катятся багровые капли, и мысленно прощалась с жизнью.

Но магнер остановился.

Отстранившись, он просто надел сковывающую меня цепь на кольцо и отвернулся. Бросил, уходя:

– Спи.

Я зажмурилась и, восстанавливая тяжёлое дыхание, беззвучно шевельнула губами:

– Соня... Умоляю, найди способ вытащить меня отсюда! Ты же такая умница...

* * *

Александр

– Сдаюсь!

Крикнув это бесчувственному небу, я откатился в сторону, предоставив Агнесс делать, что ей захочется. После получасовой борьбы испачкано было всё, что только можно, начиная от, собственно, исходника, заканчивая целым пожарным.

Я и представить не мог, что ребёнок способен крутиться как шиншилла! Отличие только в том, что зверёк очищается, купаясь в вулканической пыли, а Агнесс... Кхм!

– Короче, надо идти на речку, – проворчал я. – Купаться, отстирывать и кормить хищных рыб... Хотя запах может отпугнуть кусачую тварь. А если не отпугнёт, то плавучая гадина познает вкус мести!

Невесело рассмеявшись, я решительно поднялся.

Ещё не родился человек, который поставит меня в тупик!

Так я думал ещё пару секунд до тех пор, пока не понял, что Агнесс рядом нет.

– Куда она делась? – забеспокоился я, оглядывая двор. – Только что здесь была! Не могла же взять и исчезнуть?

Но девочки нигде не было видно. Остолбнев, я медленно повернулся к единственному месту, где ещё не смотрел. И не хотел бы... На негнущихся ногах подбежал к колодцу и, рухнув на колени, заглянул в тёмную глубину.

– Не-ет! – едва не выдирая от отчаяния кудрявые волосы, простонал я. – Нет, нет, нет...

Внутри всё перевернулось и закололо, будто в меня моток колючей проволоки зачихали. Как я мог отвлечься? Да, всего на минуту, но разве можно было забыть, что рядом такая опасность? Да я сам себя бы лишил родительских прав! Хоть у меня их и нет. Что делать? Может, всё же она не упала? Надо срочно спускаться и отыскать ребёнка! Даже понимая, что вряд ли пролезу в узкий колодец. Даже зная, что исход известен!

Потянулся к старой растрёпанной верёвке и...

– Не! – услышал рядом и, вздрогнув, повернул голову.

Чумазая Агнесс сидела рядом и, с интересом заглядывая в колодец, весело лепетала:

– Не-е! Не, не, не!

В этот момент я в полной мере ощутил, что человек может быть безмерно счастливым даже по уши в...

Глава 12

Не знаю, чем этого ребёнка кормят, но даже рыбы к нам не подплывали. Через некоторое время, едва живой от усталости, но чистый, я упал на мягкую траву. Агнесс ни на миг не выпускал из поля зрения — эта шустрая егиза так и норовила свалить в закат каждый раз, когда я отвлекался. А когда ловил непослушную малышку, та залиvisto смеялась, будто всё это — игра.

Одевшись в мокрую, но чистую одежду, я обернул девочку в занавеску и направился к замку. Осторожно ступив на порог, прислушался. Было подозрительно тихо. Ни голосов, ни собачьего воя, ни каких-либо звуков. В поисках детской, где можно было бы раздобыть для мелкой сухую одежду, я направился по коридору.

– Где твоё спальня? – без особой надежды спросил я Агнесс. Указал на дверь. – Тут?

Заглянул внутрь и поморщился при виде жуткого бардака. Большой стол заставлен бутылочками, грязными чашками и мешочками, содержимое многих из которых было рассыпано. На полу валялась куча тряпок, которые можно было принять за платья, а под потолком копошились странные создания. Присмотревшись, я понял, что они бумажные. И, похоже, сделаны вручную. Но при этом казались живыми...

Жуть!

– Видимо, это комната Джессики, – вспомнив о зелье, которым «лечила» меня девочка, пробормотал я и поспешно захлопнул дверь.

Следующая не поддавалась — видимо, заперто. И прошёл до конца коридора. Комната здесь была большой и тёмной. Стоило мне войти, малышка притихла и прижалась ко мне.

Я огляделся.

Здесь было довольно чисто (не считая бархатного слоя пыли), на полу ничего не валялось, большая кровать была аккуратно заправлена, а большое отдельно стоящее зеркало накрыто непрозрачной тканью.

Заинтересовавшись, я подошёл и потянул её на себя, как услышал за спиной:

– Тебе здесь не рады, неприкаянная душа.

Я обернулся и, усмехнувшись, ответил пареньку, который стоял, скрестив руки на груди и подпирая плечом косяк:

– Да я уже в курсе. Собственно, и сам не рвался в этот ваш Шаад, но раз я здесь, то придётся потерпеть. Во всяком случае до тех пор, пока не вернётся кто-то из взрослых.

– Здесь, – с нажимом повторил Джонатан. – Это спальня родителей. Что ты здесь забыл?

– Оу. – Я прижал к себе малышку. – Я и не думал вторгаться в святая святых. Лишь искал, во что одеть ребёнка. Она... – Кивнул на завёрнутую в занавеску Агнесс: – Вот.

– Дай сюда. – Шагнув, он протянул руки и, приняв ребёнка, осмотрел меня с головы до ног. – Ну и видок...

Вынес сестрёнку из комнаты, и до меня донёлся его недовольный голос:

– Справа от тебя шкаф. Там папины вещи. Возьми то, что подойдёт.

Я удивлённо приподнял брови и с опаской покосился на предмет мебели в викторианском стиле. После жалящих рыб и парящих под потолком зубастых бабочек из бумаги вполне понятно, что я заподозрил западню. Тем более от этого парня.

Но внутри на самом деле оказалась мужская одежда, и я, не веря глазам, вынул настоящий камзол с золотой вышивкой.

– Весит как всё моё снаряжение пожарного вместе с баллоном! – подивился я. – нелегко быть владельцем замка. Интересно, кто их папа? Граф? Князь? Король?.. Нет, скорее какой-нибудь обнищавший барон. Ни слуг, ни деревень в округе. И вообще ни живой души в километрах вокруг. Лишь одна неприкаянная и три беспризорника!

Облачившись в сухие брюки, похожие на холщовые штаны, и простую белоснежную рубашку, я ощутил себя человеком. Немного посомневавшись, всё же примерил сапоги из мягкой кожи, и они оказались впору. Решив проверить, как выгляжу в образе средневекового аристократа, приблизился к зеркалу и протянул руку с намерением сорвать ткань, как раздался требовательный стук в дверь.

Обернувшись, я недоумённо приподнял брови: она же была открыта! Неужели кто-то закрыл дверь, чтобы постучать? Но зачем? Быстрыми шагами пересёк спальню и, распахнув дверь, нос к носу (точнее, к месту, где он должен быть) столкнулся со скелетом.

– Зачем так пугать? – схватился я за грудь.

Скелет щёлкнул челюстью и властно сверкнул зеленью магии в провалах глазниц.

– Э-э, – отступил я и показал раскрытые ладони. – Руки помыл... Да что там! Весь тоже искупался.

У скелета отвисла челюсть, которую тот подтянул очень резко, со стуком. Злится?

– Честно-честно! – поклялся я. – Агнесс докажет... Когда говорить научится.

Странный слуга отпрянул, и зелень его магии засияла ярче. Я невольно отступил ещё на шаг — не к добру это! И точно. Не успел я сделать и вдоха, как оказался в воздухе. Паникуя, забарахтался.

– А-а! – Едва поймав некое подобие равновесия, крикнул: – Эй, худышка, а ну опусти меня на пол! Я кому говорю? Пёселя Лаврентьевича на тебя нет...

Скелет, не слушая меня, развернулся и, подняв руку, сделал пальцем круговое движение. Я медленно, будто воздушный шарик, полетел над полом, следуя за вышагивающим впереди экспонатом музея.

Благо парил я от силы пару минут. Стоило нам оказаться у распахнутых двустворчатых дверей гостиной, как раздался хлопок, и я свалился на пол. В ногу прострелило болью — неудачно!

– Папа! – бросилась ко мне Джессика. Схватила меня за руку и с восхищением осмотрела. – Тебе идёт эта одежда. Где ты её взял?

– Джонатан подсказал, – с трудом поднимаясь и морщась от боли, ответил я.

– Да? – несказанно изумилась девочка и, прижав ладошку ребром у рта, прошептала: – Ты ему нравишься!

– Неужели? – недоверчиво хмыкнул я. – Именно потому он мечтает выставить меня в небытие?

– Хотел бы — выставил, – чересчур серьёзно возразила девочка и улыбнулась. – Джонатан унаследовал дар отца. Пусть он не такой

сильный, как у великого и ужасного Устина, но всё же достоин уважения.

– А этот великий, – заинтересовался я, – где он?

– Далеко, – вздохнула девочка. – Мы никогда не виделись, но мама с ним иногда разговаривала... И с его новой женой! Она тоже из неприкаянных.

Джессика повернулась к скелету и благодарно кивнула.

– Спасибо, что пригласил папу на обед, Герман. Можешь отдыхать.

– Пригласил? – поперхнулся я и потёр место, которым приземлился на пол. – Больше меня не приглашайте. Клянусь, я сам приду.

– Время обеда! – манерно возвестил Джонатан и, взмахнув белоснежной скатертью, постелил её на прозрачное уродство, которое здесь величали столом.

Я только хотел спросить о кухне и продуктах, как в глазах странно и неприятно зарябило.

Глава 13

В детстве мне, как и всем детям, читали на ночь сказки. И я всем сердцем верил в ковёр-самолёт и волшебную лампу. Даже мечтал сам стать Аладдином... Но вырос и пошёл учиться на инженера, потому что жизнь показала: хочешь, чтобы твоя мечта стала реальностью, – сделай сам!

Проблема была в том, что на этом жестокие уроки судьбы не закончились, и я попрощался с мечтой...

А сейчас, глядя, как на белоснежной скатерти сами собой появляются тарелки, наполненные едой, ощутил себя так, словно оказался в детстве. Мозг взрослого заскрипел, будто несмазанная телега. Казалось, я ощутил каждую ржавую шестерёночку...

Этого не может быть потому, что попросту невозможно!

– Какая интересная голограмма. – Язык немного заплетался от изумления. – Даже запах передаёт.

– Надеюсь, тебе нравятся макароны, неприкаянная душа. – Довольный произведённым эффектом, паренёк потёр ладони. – Тётя София их обожает.

– Ты про другую неприкайнную душу, которую тоже занесло в Шаад? – с трудом отрывая взгляд от Джессики, которая с аппетитом вгрызлась в куриную ножку, уточнил я. И пробормотал: – Как бы я хотел поговорить с ней.

– Сами бы не откашались, – проговорила девочка с набитым ртом. – Но свяшь оборвалась.

– Может, я смогу её наладить? – осторожно предложил я. – У меня неоконченное технологическое образование и есть некоторый опыт наладки коммуникаций.

– Ты же не маг, – накладывая себе спагетти, снисходительно фыркнул Джонатан.

– Тётя София тоже, – напомнила Джессика и с улыбкой посмотрела на меня. – Пусть попробует. Может, папа нас удивит?

– Он только это и делает, – скривился парень и кивнул на мелкую. – Пусть для начала попробует Агнесс накормить...

Я перевёл взгляд на малышку, которая сидела в подобии детского стульчика и в этот же момент с энтузиазмом ударила большой ложкой по своей тарелке. Брызги полетели во все стороны, и часть их попала на моё лицо. Зажмурившись под довольный детский смех, я машинально облизнулся.

Сладкая манная каша...

Настоящая!

Так это не голограмма и не обман зрения. Парнишка на самом деле наколдовал нам еду.

Как удобно. Не нужно ни холодильника, ни плиты... Не надо тратить время на готовку. Мечта, а не скатерть!

– И разберётся с посудой, – ехидно закончил Джонатан, и у меня нехорошо засосало под ложечкой. – Тогда и посмотрим.

– Джон! – воскликнула девочка. – Ты же знаешь, что...

– Сама хочешь это сделать? – Её брат дёрнул уголком рта.

– Я уже наелась! – мгновенно сориентировалась девочка, вскочив, на миг обняла меня и чмокнула в щёку. – Я в тебя верю!

И сбежала так быстро, что дурное предчувствие усилилось. Но отступать я не собирался.

– И? – строго посмотрел я на пацана. – Если я сделаю это, станешь меня слушаться?

– Возможно. – Он отодвинул тарелку и тоже поднялся. – Смотря, как ты это сделаешь.

– Если справлюсь, то поможешь мне с ремонтом, – торопливо предложил я, стоило ему сделать шаг к выходу.

– Посмотрим, – не оглядываюсь, ответил он и покинул столовую.

Мы с Агнесс остались один на один.

И счёт был ноль — ноль.

Пока.

Накормить ребёнка и помыть посуду? Разумеется, я справлюсь! Даже не сомневался в этом. Передвинув тяжёлый и жутко неудобный стеклянный табурет, я помянул по бабушке того, кто придумал обставлять столовую в подобной мешанине стилей.

Взяв маленькую ложечку, зачерпнул немного каши. Агнесс внимательно следила за каждым моим движением, и ничего не

предвещало беды. Судя по тому, что я услышал от детей, кормил сестрёнку Джонатан. Может, она слушалась лишь мужчин? И теперь я, как новый папа, возьму на себя эту несложную обязанность.

Для начала я попробовал кашу сам, чтобы убедиться, что ребёнок не обожжётся. Да, я давно вырос, но всё ещё помнил, как неприятно было есть горячую пищу. А затем поднёс ложечку ко рту девочки и просюсюкал:

– Давай, за папу!

Она засмеялась и хлопнула ложкой по тарелке. Я вздрогнул и снова зажмурился — по щеке сползала целая волна каши. Поджав губы, я отложил ложечку и вытерся рубашкой.

– Сначала нужно было исключить опасность, Сокол. – Проворчав это, потянулся к ложке, которую удерживала малышка. – Милая, отдай это мне!

Только аккуратно взял испачканный в каше столовый прибор и потянул на себя, как девочка заголосила так, будто ей вырезали железы. Мне в детстве пришлось пройти эту жуткую процедуру, и было трудно забыть собственный крик, стоящий в ушах. Отпрянув, я выставил ладони.

– Тише-тише... Папа не будет отбирать. Только не плачь. Хорошо?

Лицо девочки тут же разгладилось, всемирная скорбь ушла из наполненных влагой глаз. Более того, малышка захохотала...

И снова ударила ложкой по тарелке.

Закрыв глаза, я ощутил, как тёплая склизкая каша, прилипнув к лицу, накрыла его полностью, словно маска.

Сжав челюсти, я запретил себе злиться.

«Спокойно, Сокол, – увещевал. – Это всего лишь несмышлёный ребёнок. Она не хотела плохого».

С трудом взяв себя в руки, я снова вытерся уже порядком перепачканной рубашкой. В шкафу настоящего папы Агнесс я видел ещё с десяток, поэтому не сильно волновался по этому поводу. Главное — выполнить задание Джонатана и, завоевав доверие упрямого пацана, приняться за обустройство нашей новой жизни.

Натужно улыбнувшись избалованной малышке, я произнёс:

– Играть едой плохо!

В ответ она снова хлопнула ложкой, но в этот раз я заслонился тарелкой. Опустив её, погрозил девочке:

– Прекрати, а то будет а-та-та!

Она упрямо ударила, вызвав новые брызги каши.

– Я кому сказал? – Злость выходила из-под контроля.

Агнесс затихла, рассматривая почти пустую тарелку. Я с удовольствием рассмеялся:

– Обойма пуста. Сдавайся папе, девочка!

Придвинувшись, я решил соскрести кашу с краёв тарелки и всё же накормить ребёнка...

Но тут она шлёпнула ложкой мне по лбу. Зазвенело так, будто на меня свалился рояль.

Глава 14

Когда открыл глаза, сразу подумал, что первый папа наверняка умер не без помощи малышни.

Я лежал и смотрел в чистое небо. Перед глазами до сих пор вертелись звёздочки. Я слушал залиvistый смех малышки, которой всё это явно казалось весёлой игрой, и осознавал, что магией владеют не только старшие дети.

И это пугало.

Непостижимая сила, вложенная в маленькие ручки несмышлёного ребёнка, хлеще коробка спичек и ящика гранат! Мне придётся каким-то образом сдерживать гиперэнергичный тайфун, пока он не разнёс Шаад вдребезги. Этим детям нужен взрослый! Чтобы защитить их не только от жуткого монстра, который бродит рядом, но прежде всего от них самих.

После совершённого открытия я уже не удивлялся, почему замок пришёл в такой упадок. Надо быстро привести жильё в порядок. Просто и функционально... Лофт. И только лофт!

С трудом приподнявшись, я грозно глянул на Агнесс.

– Так делать плохо. Ясно?

Только что девочка хохотала и размахивала ложкой, а сейчас её личико сморщилось.

– Хнык...

В груди у меня всё перевернулось, к горлу подскочила паника.

– О нет! – подорвался я с места и натужно заулыбался. – Дядя пошутил... То есть папа! То есть я хотел сказать, что драться нехорошо.

Она с неожиданной для малышки силой метнула ложку, и я едва успел пригнуться, как та просвистела над моей головой. Но ругать ребёнка и не думал... А как отчитывать того, кто ревет белугой и ни на что не реагирует? Ни на посулы сладкого, ни на посулы поиграть, ни на клятвы принести котика (понятия не имел, откуда я его возьму, но чтобы она успокоилась, готов был пообещать звезду с неба).

– А-а! – закрыв уши ладонями, жалобно простонал я, ощущая себя совершенно бессильным.

Девочка ревела так, что у неё покраснело лицо. А ещё она начала икать, и для меня это оказалось последней каплей. В ужасе я осмотрелся, мечтая хоть о какой-либо помощи. Даже если бы скелет снова подвесил меня в воздухе, покусали рыбы, и опоила Джессика. Я был согласен на всё! Лишь бы малышка замолчала...

В ушах звенело так, будто меня поместили внутрь колокола и били по нему палкой не менее часа. Голова разболелась, глаза заслезились. От безысходности и неумения хотелось провалиться сквозь землю. Какой из меня папа? Я даже успокоить малышку не могу!

Новой трели я не выдержал.

Выхватив ребёнка из стульчика, я потащил её к воде. Не успокоится — так хоть искупаю... В очередной раз. И сам вымоюсь. Я не мог спокойно идти, всё тело из-за стресса требовало движения, поэтому я побежал. Летел так, словно прийти первым к реке было делом чести. Или жизни...

И тут, к моему удивлению, девочка замолчала.

Я поверить не мог своему счастью. Замер на месте и посмотрел, дышит ли Агнесс.

Жива.

Она доказала это, мгновенно выдав мне новую порцию дикого ора.

И я снова побежал.

Она замолчала.

Я остановился.

Она заплакала вновь.

Хм...

Я бегал вокруг замка до тех пор, пока не ощутил головокружение. Лёгкие раздирали огнём, а в ноги будто насыпали углей. Но я боялся даже на минуту остановиться, чтобы перевести дыхание, и нёсся вперёд. Терпел, лишь бы девочка снова не заголосила.

Увы, силы мои были на исходе, даже не помогало увещание, что головная боль только что прошла. Я понимал, что вот-вот встану... Или упаду и больше никогда не поднимусь, как загнанная лошадь.

Морально подготовился к повторению недавнего концерта и остановился.

Едва дыша, сжался в ожидании раздражающих звуков...

Но их не последовало.

Я очень медленно и осторожно посмотрел на ребёнка.

– О, ты её укачал! – удивлённо протянул Пёсель Лаврентьевич. И когда только рядом оказался? Будто из-под земли выскочил! – Удивительно! Раньше днём Агнесс могла уложить лишь Флоренс.

Я не мог оторвать от перепачканного кашей личика малышки изумлённого взгляда. Она спит... Точно ведь спит? Даже не верится, что это непоседливое, громкое и непримиримое существо может вот так спокойно себя вести.

Магия какая-то!

– Флоренс — это её мама? – боясь разбудить маленького монстра, прошептал я.

– Нет, папа, – фыркнула собака и суетливо почесала себя за ухом.

– Где она? – пропустив издёвку мимо ушей, решил узнать я. – Куда ушла и когда вернётся?

– Не вернётся она, – неожиданно погрузился пёс и, улегшись, прикрыл лапой нос. Провыл: – В Замирье сги-и-инула!

– Тс-с-с! – испуганно воззвал я к совести животного. – Ребёнка разбудишь!

Громко всхлипнув, тот прикрыл длинными ушами глаза и затих в своём горе. Размышляя об услышанном, я на цыпочках, как вор, пробрался к замку. Молясь, чтобы никто ничего не уронил, пробрался в гостиную. Я не знал, где обычно спит Агнесс, и решил оставить девочку здесь.

Мне срочно потребовалось поговорить со старшим ребёнком Флоренс. Потребовать честного ответа о местоположении его матери. И спросить, почему дети так уверены, что женщина вернётся. После слов пса у меня неприятно закололо в районе груди, отозвавшись холодом в сердце. Слишком это было похоже на зов интуиции...

Одно дело — продержаться до приезда мамы. Другое — взять на себя полную ответственность за сирот.

Осторожно наклонившись, очень медленно переложил малышку в старое кресло. Оно было настолько продавленным, что вполне могло

заменить люльку. Когда крохотное тельце ребёнка уместилось в «гнездо», я облегчённо выдохнул. Не проснулась.

Но оставалась маленькая проблема: мои ладони всё ещё находились под Агнесс, и как вынуть их, не разбудив ребёнка, я понятия не имел. Потянул одну, и ребёнок тут же нахмурился во сне. Я замер и даже дыхание затаил, молясь всем святым, чтобы девочка не открыла глаз. Спустя пару минут её лицо разгладилось, и я попробовал отодвинуться ещё немного.

Агнесс недовольно засопела, и я снова застыл камнем. Спину ломило, поясница отваливалась. Но я держался изо всех сил. Только бы не разбудить девочку...

Эх, вот бы обладать магией скелета и переносить что-то по воздуху! Увы, я всего лишь человек. Неприкаянная душа, по-местному. Кстати о душах. Кто-то упоминал некую Софию, которая попала в Шаад до меня. Что мы из одного места. Только с ней нет связи.

Так, сначала поговорю с пацаном, затем почию сеть. И наконец смогу что-то прояснить!

Вот только мои вспотевшие от напряжения ладони продвигались к желанной свободе слишком медленно. Я тянул, преодолевая сопротивление, ощущая едва ли не каждую складочку ткани и даже, казалось, ниточки... И вот наконец вернул себе свои руки.

– Потаскун свою работу сделал! – усмехнулся я, вспоминая свою первую практику.

Именно так меня окрестили старшие коллеги, когда поручили переносить дизайнерские материалы на короткие и дальние расстояния. А я, наивный, так надеялся научиться чему-то в то лето. Получилось лишь развить выносливость и накачать мышцы...

С улыбкой вспоминая студенческие годы, я быстро направился к выходу.

И тут услышал до боли знакомое:

– Не! Не-не-не...

Глава 15

В первое мгновение на меня будто затемнение рассудка нашло. Так захотелось немного побиться головой о стену, что едва сдержался. Спасло то, что побоялся испугать девочку.

А Агнесс сидела в кресле и, весело улыбаясь, игриво смотрела на меня.

– Не! – И протянула ручки.

– Да чтоб у меня все семечки [contentnotes0.html#n_1](#) рассыпались! – закатив глаза, простонал я. И решительно заявил девочке: – Нет! Дядя... То есть папа больше бегать не будет.

Она тут же поморщилась, изображая плач, но глаза были ещё сухими...

Первое предупреждение?

Да что же это?!

Неужели мною так легко можно манипулировать? Что же вырастет из этого умного ребёнка? Мне заранее жалко её сверстников. Наверняка начнёт крутить парнями ещё в садике. Стоп! Какой садик? Тут на километры вокруг лишь один кровожадный оборотень.

Ну уж нет! Нельзя позволять женщинам (даже таким маленьким и милым) поставить себя под каблук! Я взрослый самостоятельный мужчина, который сам решает, что ему делать... Например, бежать или не бежать!

– Хнык, – получил я второе предупреждение.

И мгновенно отозвался:

– Хорошо-хорошо!

Подскочив, поднял ребёнка на руки и, повернувшись к выходу, с тяжёлым вздохом приготовился ко второму марафону, но нос к носу столкнулся с Джонатаном.

– Пёсель Лаврентьевич мне всё рассказал, – обвинил меня помрачневший парень и скривился так, будто ему помимо воли затолкали в рот лимон.

Я чертыхнулся про себя, понимая, что провалил задание. А казалось, чего проще — накормить ребенка? Но даже это мне оказалось не под силу. Сделка наша не состоится. Но я не мог опустить рук...

– Ты уложил Агнесс спать, – недовольно буркнул Джонатан и, скрестив руки, отвёл взгляд. – Говори, что делать.

У меня от недоумения даже дар речи отнялся на пару мгновений.

– Ы-ы?

– Чем я могу помочь? – раздражённо передёрнул плечами парень. – Или ничего не нужно?

– Нужно! – расплылся я в счастливой улыбке.

Первым побуждением было передать малышку и, пока малые заботятся о мелкой, заняться наконец делом! Починить перила, а в некоторых местах и полы! Страшно подумать, что кто-либо оступится и угодит ногой в одну из дыр. А ещё обязательно проверить все окна и двери, установить засовы, чтобы ни один оборотень не пробрался внутрь дома!.. То есть замка.

Да, мне не терпелось взяться за дело. Но я осадил себя. Во-первых, нужно, чтобы дети были в радиусе моей видимости, все трое! Я не желал волноваться о том, что к кому-то подкрадывается чудовище.

Во-вторых, лучше делать что-то по дому вместе. Это и укрепляет отношения, и даёт некую гарантию, что дети потом будут ценить свой труд и изменения не канут в Лету в первый же вечер после ремонта.

А в-третьих... Мне почему-то казалось, что Агнесс нравится быть рядом со мной. И, что удивительно, мне было приятно так думать!

– Тащи все инструменты, что есть в доме, – подмигнул я Джонатану. И, подтянув Агнесс, которую всё ещё удерживал на руках, поправился: – То есть в замке. Надеюсь, у вас найдётся хотя бы молоток и пила?

– Вроде были, – скрестив руки на груди, задумался тот. – Не помню... Точно знаю, что тётя Соня передавала пару мешков цемента. Это очень странный порошок, с которым неприкаянная душа делала невероятные вещи! А говорила, что не обладает волшебством...

Я слушал, как девушка, которая попала в Шаад до меня, удивляла людей, обладающих настоящей магией, совершенно обычными приёмами дизайна, и губы сами собой расплывались в улыбке.

– Что? – с подозрением прищурился парень.

– Я тоже так умею, – шёпотом, будто открывал великую тайну, поделился я. – Более того, и тебя научу.

Джонатан серьёзно кивнул и неторопливо удалился, а его место тут же заняла Джессика.

– Вот вы где! – радостно воскликнула она и, подбежав, потребовала: – Дай её мне.

– С удовольствием! – не поверил я собственному счастью и, пока девочка не передумала, вручил ей малышку.

– Не! – угрожающе начала Агнесс и, чтобы мы все поняли серьёзность её намерений, плаксиво скривилась. – Не-не...

– Тихо-тихо, – перепугался я.

Пусть руки болезненно гудели от перенапряжения, я снова перехватил ребёнка. Потерплю, не впервой на износ работать. Лишь бы девочка снова не заплакала...

Выдал из себя неискреннюю улыбку.

– Папа рядом.

Она тут же успокоилась и сунула палец в рот. При этом глянула на старшую сестру так победно, что я растерянно моргнул.

– Ого, – уважительно протянула Джессика и спросила с восхищением: – Что ты с ней сделал? Так Агнесс вела себя только с...

Девочка осеклась и резко отвернулась.

– С мамой? – осторожно уточнил я и обошёл её, чтобы посмотреть в лицо.

Как поставить вопрос так, чтобы потом не бегать по двору сумасшедшей курицей, успокаивая второго ребёнка?

Нет, Джессика достаточно большая, чтобы понимать некоторые вещи. Я аккуратно продолжил расспросы:

– Давно её нет?

По щеке девочки скользнула слеза, но глаза упрямо сверкнули.

– Она есть! – громко возразила она и тут же горестно вздохнула. – Просто не здесь.

– В Замирье, – тихо произнёс я то, что услышал от собаки.

Когда-то бабушка сказала мне, что родители не умерли, а ушли на небо. Неужели здесь так говорят о Замирье? Пёсель Лаврентьевич заявил, что она именно «сгинула». И всё же дети ждут маму. Поэтому я и затрагивал болезненную тему, чтобы понимать, что делать с детьми.

Ладно Джессика, в силу возраста она может верить в сказки. Но её брат — совершенно другое дело. Джонатан появился, будто в ответ на мои мысли.

– Всё, что нашёл, скоро будет на крыльце, – заявил он.

Раздался грохот, от которого заложило уши. Я присел и закрыл руками Агнесс, но малышка не испугалась. Наоборот, она засмеялась и захлопала в ладоши.

– Герман! – одновременно возмутились старшие брат и сестра.

Джессика побежала к двери и, распахнув её, ахнула:

– Кошмар!

Глава 16

Я подумал, что Герман не удержал инструменты, которые нашёл Джонатан. И судя по грохоту, можно порадоваться не только молотку, но и другим полезным приспособлениям. Возможно, здесь даже есть гвозди и не придётся извращаться с системами стыковки — терпеть их не мог! Потому и предпочитал лофт — за возможность сделать всё по-мужски, без гламурной лакировки проделанной работы.

Джессика всё ещё стояла у двери и не отпускала ручку, будто раздумывала захлопнуть дверь и забыть о разгроме во дворе. К ней подошёл брат и замер рядом.

– Ну и картина! – скрестив руки на груди, хмыкнул он. – В последнее время гости на нас так и сыплются...

– Гости? – заинтересовался я и приблизился к детям.

Открывшийся вид поверг меня в шок.

Двор на самом деле был завален ржавыми рубанками, разномастными пилами и сломанными молотками... Имелся даже почти целый ткацкий станок! Только непонятно, как он затесался в компанию инструментов. Но не это поразило меня до глубины души.

Между всем этим безобразием, натываясь на острые предметы и утробно рыча, металось *нечто*. Существо было незнакомым, хотя в школе я немало перечитал фэнтезийных книг. Ни на одной из картинок мне не встречалось ничего подобного. Длинные и тонкие, будто у кашалота, зубы в огромной пасти головастика величиной с медведя. Коротенькие ножки и длинные, мягкие, будто лишённые костей, руки.

– Ну и уродство, – буркнул я, машинально заводя детей за свою спину.

Сердце застучало в висках, вены обожгла адреналиновая волна, а голова стала ясной, как всегда со мной бывает при серьёзной опасности. Именно это свойство помогло мне получить работу, когда жизнь рухнула. План выстроился мгновенно, и я не глядя передал Агнесс Джессике.

– Подержи-ка и запри дверь. А я пока немного потолкую с этим оборотнем.

Неудивительно, что дети боятся этого монстра! Да он одним видом способен довести впечатлительного человека до нервного тика. И не только ребёнка!

Выскользнув из замка, я опустился на одно колено и, не отрывая пристального взгляда от противника, нащупал на земле небольшой цельнолитой топорик. Он хорошо сел в ладони, и я крутанул в руке оружие, проверяя центр тяжести. Как и предполагал, его удобно будет метать.

– А ну иди ко мне, пёсик, – процедил я, прицеливаясь к жертве.

– Зачем? – озадаченно уточнил высунувшийся из-под крыльца Пёсель Лаврентьевич. – Чего-то мне не очень хочется покидать укрытие.

– Ну и сиди там, – огрызнулся я, подкрадываясь к монстру.

– Хорошо, – с облегчением выдохнула собака и радостно поскакала ко мне. – Я бы не советовал тебе приближаться к магнусу!

– А я бы посоветовал тебе заткнуться, – прошипел я и присел, опасаясь, что монстр услышал громкий голос Пёселя. – Ты привлекаешь внимание оборотня!

– Не я, а ты, – мотая хвостом, весело возразил тот. – Магнус чует запах неприкаянных душ. Поэтому вам так опасно быть в Шааде. Тебе повезло, что жена великого и ужасного заперла Замирье, иначе тебя давно бы уже сожрали! Такие, как этот... – Собака кивнула на оборотня. – Теперь редкое явление.

– Но от этого не менее опасное, – быстро сориентировался я.

В минуты светлого ума, который настигает меня у черты жизни и смерти, я соображаю быстрее. Значит, Замирье — это не образное обозначение смерти, а вполне себе отдельный мир.

И судя по тому, что я сейчас вижу собственными глазами, не особо приятный. Если население выглядит так мерзко, да и питается человечинной, я бы не хотел посетить это отвратительное местечко. Хорошо, что некий великий маг (или его жена) запер это место.

Всё это промчалось в мыслях за пару мгновений, за которые я, оставив пса, бросился на тварь и, метнув топорик, подхватил большой ржавый топор с намерением добить раненого монстра, пока тот не почуял неприкаянную душу. Обедом стать не хотелось...

Да я и не имел права. Ведь на моём попечении трое детей! У меня больше не осталось сомнений о горькой судьбе их мамы...

Но, к неприятному удивлению, этот «магнус» даже внимания не обратил, что в его огромной уродливой голове, которая крепилась к более мелкому тельцу без намёка на шею, торчала железяка. Да и на молоток он не отреагировал. А вот меня чуть не вывернуло наизнанку, когда я отбросил в сторону заляпанный слизью инструмент.

«Что же его возьмёт? – раздумывал я, ловко убегая от чудовища. – Огонь? Вода? Рессора от трактора Беларусь?..»

Я был обязан уничтожить врага и спасти свою новую семью. Даже скелета и болтливую собаку, а не только детей. Каждый из этой пятёрки владел магией, увы, совершенно бесполезной...

А порой и опасной.

– Герман! – потерпев очередную неудачу в нападении на монстра, услышал я резкий окрик Джонатана. – Подними неприкаянную душу!

– Нет! – ощущая, как парю над землёй, закричал я. В десяти сантиметрах от моих стоп клацнули длинные и острые зубы-иглы моего не поверженного противника. Подтянув ноги, я предложил: – Лучше его! Перенести к реке и утопить!

Но пацан меня не слушал. Махнул сестре, которая держала на руках малышку:

– Стойте тут.

И побежал к зверю.

Да что он творит?! В панике я заколотил кулаками по невидимым стенкам.

– Отпусти меня, грёбаный мешок с костями!

– Пёсель Лаврентьевич, – не обращая на меня внимания, позвал Джонатан. – Не вспомните ли одну из ваших любимых арий?

Монстр прыгнул на безрассудного мальчишку, и тот едва успел уйти с линии атаки.

– О да! – расплылся в улыбке пёс и почесал задней лапой ухо. – Но не судите строго. Я давно не тренировался.

– Просим, – улыбнулся собаке Джонатан и повернулся к чудовищу.

А монстр уже шевелил задницей, будто кот перед нападением. Я снова попытался освободиться, чтобы спасти пацана, но продолжал безвольно кувыркаться в воздухе.

Подняв руки, Джонатан медленно вдохнул и, судя по окаменевшему выражению лица, максимально сосредоточился. Заметив, как с его пальцев одна за другой срываются яркие синие искры, я даже дыхание затаил. Быстро оглянулся на магнуса, но большинство «снарядов» пролетало мимо, лишь один ужалил чудовище в ногу.

Монстр взвыл... всё же он не бесчувственный!.. и прибавил прыти. Джонатан сделал шаг назад и, оступившись, неловко упал. Я зарычал, силясь разорвать невидимые стены. Если не помочь, то жить рисковому парню осталось три секунды.

– Я встре-етил ва-ас! – вдруг взвыл Пёсель Лаврентьевич, и у меня от первых же звуков едва уши в трубочки не свернулись.

Чертыхнувшись, я закрыл их ладонями и беспокойно посмотрел на сражение... Да так и застыл, забыв, как дышать. Чудовище, вертясь волчком, выло и дёргалось так, будто его шибанули шокером. Раз так десять подряд! Казалось, оно полностью дезориентировано...

Но вот в какой-то момент в поле зрения его налитых кровью глазок показался юноша, и магнус, содрогаясь от воя пса, упрямо поплёлся к подвернувшей ногу жертве.

С шумом втянув воздух в лёгкие, я...

Ощутил, что подо мной пусто, и с размаху рухнул на землю. На больную ногу. Прощедив в адрес Германа пару нелицеприятных комплиментов, заметил, что чудовище замерло в двух шагах от Джонатана и повернуло ко мне свою уродливую морду.

Джонатан, не теряя времени, выпустил ещё несколько искр, но, даже стреляя в упор, он бессовестно промахивался, попав лишь единожды. Зато в этот раз на редкость удачно — в торчавший топорик. Металл осветился, будто лампочка на ёлке, а чудовище затряслось всем телом и закатило глаза.

Тут я услышал радостный крик Джессики:

– Нашла!

Девочка выбежала из замка и, замахнувшись, метнула нечто маленькое и блестящее в магнуса. Меня ослепила вспышка, а потом, проморгавшись, я с ужасом наблюдал, как в замедленной съёмке, неторопливое превращение жуткой твари в груды пепла.

– Вот так! – с довольным видом отряхнула ладони Джессика.

Со стороны дома донёлся весёлый смех малышки. Джонатан поднялся и, чуть прихрамывая, дал пять Герману. У них под ногами крутился возбуждённый удачным выступлением Пёсель.

– Мы его сделали!

Нервно рассмеявшись, я пролепетал:

– Я — приёмный папа деток Икс!

И отключился.

Глава 17

– Как думаешь, он не сбежит?

Голос Джессики звенел беспокойством.

– Пусть попробует, – саркастично ответил её брат.

– Не! – авторитетно подтвердила малышка Агнесс. – Не-не-не!

– Вот именно, – фыркнул Джонатан. – Заваривай быстрее свою отраву... Тьфу! Траву. Пора уже доблестного папаню в чувство приводить.

– Не смейся! – возмущённо потребовала Джессика. – Он храбро сражался.

– О да, – ехидно подтрунивал её брат. – Безрассудно сунуться в пасть магнусу — вершина идиотизма!

– Тогда ты тоже дурак, – обиженно буркнула девочка. – Знаешь же, что дар тебя не слушается, но всё равно бросился воевать с магнусом. Я так испугалась!

– А надо было позволить ему сожрать твоего нового папу? – подколот её Джонатан. – В следующий раз так и сделаю.

– Следующего раза не будет, – решительно заявил я и открыл глаза. – Вы мне всё рассказываете, и я думаю, как обезопасить территорию замка. Всё ясно?

– Па-па! – зарыдав, кинулась ко мне девочка.

– Тише, милая, – машинально обняв её, растерялся я. Погладил по волосам. – Со мной всё в порядке... не считая дёргающегося глаза и желания разобрать Германа по косточкам.

– Не! – держась за край кровати, шаталась Агнесс. – Не-е...

– Верёвки из меня вьёт, – растроганно вздохнул я и улыбнулся малышке. – Не трону я скелет. Пусть гремит костями и дальше. Целыми! Пока... Если ещё раз поднимет меня без спроса, пойдёт на холодец!

– А что это? – заинтересовалась Джессика. Она уже успокоилась и смотрела на меня во все глаза. – Что-то сладкое, как леденец?

– Мясной холодный торт, – ответил за меня Джонатан. – Скатерть как-то подавала, но тебе не понравилось.

– Фу, – поморщилась девочка. – Кто вообще такое ест?

– Я ем, – виновато признался я. – С превеликим удовольствием. И желательно с горчицей и хреном!

– Хм... – Джессика перевела оценивающий взгляд на отшатнувшегося Германа. – Ну если так любишь...

Скелет щёлкнул челюстями и, сверкнув магией в провалах глазниц, поскакал к выходу. За ним, восторженно лая: «Германа на холодец!» – побежала собака. Агнесс, устав держаться, плюхнулась на попу и сунула палец в рот. А Джонатан скрестил руки на груди и серьёзно спросил:

– Если ты отдохнул, может, делом займёмся? Или инструменты не понравились?

– Сначала выпей восстанавливающее зелье!

Джессика сунула мне в руки кружку, от которой отходил пар, но парень выхватил до того, как я сделал первый глоток.

– Ты на своих ошибках не учишься? Даже Агнесс не пьёт зелий сестры. Ты как маленький! А ещё папа!

– Я верю, что однажды у неё получится, – смутился я.

Но, если честно, я попросту забыл. Слишком много свалилось. Смерть, второй шанс, трое детей. И этот жуткий монстр... А ещё магия! Она была повсюду, окружая меня. И я почувствовал себя по-настоящему неприкаемым. И бесполезным.

«Брось, Сокол! – приказал себе. – Да, они волшебники. Но всё ещё дети, нуждающиеся в защите».

С этими мыслями я отодрал себя от постели и едва не за шкуру потащил вниз. Герман как раз по одному переносил в дом уцелевшие инструменты.

– Что же не магией? – поддел я.

Скелет щёлкнул челюстями и, оскорблённо глянув на меня, гордо покинул гостиную.

– Он ещё не скоро восстановится, – покачала головой Джессика. – На спасение тебя ушли все его силы. Обычно Герман может удержать защитный купол минуту-две, не больше. Но тебя укрывал почти четыре. Да ещё старался не душить при этом. У старика получилось — ты даже закричал. Это рекорд! Видимо, он очень старался помочь.

Я ощутил укол вины и, вспомнив, что первый раз под воздействием магии Германа даже дышать не мог, пробормотал:

– Хорошо, подарю ему упаковку кальция в благодарность.

– Зачем? – снова заинтересовалась девочка.

– Для костей полезно, – со смехом пояснил я и взялся за кривой, зато целый шпатель. – А теперь слушаем бригадира, мои brave практиканты! Начнём обустройство с самого интересного...

– С чего? – будто замороженные, подались ко мне дети.

– С фирменного безобразия, – подмигнул я им и, выдержав мучительную паузу, лениво поинтересовался: – Вас когда-нибудь ругали за рисунки на обоях? Или за то, что вы оторвали кусок? Или за то, что испачкали?..

– Нет, – скрестил руки на груди Джонатан.

– Да, – тихо повинулась его честная сестра и дёрнула за локоть парня.

– Ну, может, разок или два, – нехотя пробормотал он.

– Тогда вам будет особенно приятно делать это, – вручил я каждому по такому же инструменту, как и у меня. – Сдираем их полностью!

Оба зависли, недоверчиво глядя на шпатели, и я услышал возмущённый голосок Агнесс:

– Не!

Обернувшись, увидел, как малышка тянет ручки и быстро сжимает и разжимает пальчики.

– Ты хотела сказать «мне»? – мягко уточнил я и покачал головой. – Опасно. Шпатели острые и ржавые. Если поранишься, заработаешь заражение крови... Куда тебя потом везти?

– Не-е!

Тон Агнес похолодел на пару градусов, и в нём проявились властные нотки. А воздух вокруг малышки засветился, словно некто сверху рассыпал блёстки.

– Лучше отдай, – торопливо посоветовала Джессика.

– Тогда... – Я оглядел инструменты и, заметив кое-что знакомое, протянул требовательной малышке. – Вот!

– Половник? – удивился Джонатан. – Зачем он Агнесс... Нет, как он тут вообще оказался?!

– История умалчивает, – хмыкнул я и похлопал шпателем по ладони. – Ремонт — дело серьёзное и опасное. Может, Агнесс отнести в её комнату?

– Тебе замок не жалко? – вскинула брови Джессика.

Я вспомнил светящийся воздух и быстро передумал.

– Где-то был ткацкий станок.

– Решил новые занавески состряпать? – саркастично прищурился Джонатан.

– Лучше! – выбирая из кучи инструментов и прочего хлама то, что понадобится, кивнул я. – Принесёшь мне его?

Когда передо мной стояла деревянная конструкция, состоящая из небольшого столика с дыркой посередине и множества рычагов, я взялся за молоток.

– Если нельзя изолировать, – говорил, пока убирал лишние рычаги, – то нужно привлечь. Но при этом обеспечить максимальную безопасность.

– Это же колёса от маминого сервировочного столика! – воскликнула Джессика.

– Сломанного, – минорным тоном поддакнул Джонатан.

– Но колёса-то целы, – упрямылась девочка.

– Поэтому и пригодились, – отозвался я и отодвинулся от уродливой, но внешне крепкой конструкции. – Немного смекалки, пары шурупов и крепкого словца, и станок превращается в...

Выпрямился и покатил результат своей работы к озадаченно сосущей палец Агнесс.

Подняв ребёнка на руки, осторожно усадил в середину дыры и объявил:

– Элегантные ходунки в стиле лофт! Как-то так...

Глава 18

Жуткие тряпичные обои дети сдирали с таким удовольствием, будто ткань лично насолила каждому из них. Хохоча и перекидываясь «снежками» из скомканных лоскутов, Джессика и её брат совершенно преобразились, будто даже сравнялись в возрасте. Джонатан уже не вёл себя как высокомерный неприступный наследник обнищавших аристократов. Как обычный подросток его возраста, он с радостью участвовал в безобразии — разрушении!

– Это долго! – сдунув чёлку с влажного от пота лба и всё ещё посмеиваясь, заявил он. Поднял руку и щёлкнул пальцами. – Можно упростить задачу!

– Джон, не надо! – заволновалась Джессика.

– Не бойся, – снисходительно успокоил её брат. – По стене трудно промахнуться.

– Ты такой талантливый! – протянула она, но похвала не порадовала Джонатана.

Вспыхнув от возмущения, он резко махнул:

– Ну как хочешь.

Мимо, дребезжа ходунками, пробежала счастливая Агнесс. Пёсель Лаврентьевич, удирающий от малышки поджав хвост, глянул на меня так, будто перед ним кровный враг.

– Изобретатель хренов, – услышал я, как взвыла удаляющаяся собака.

Благо не тот ультравой, что едва не свёл с ума магнуса, а меня не оставил без слуха. И на том спасибо! Но теперь, гуляя по замку, я буду внимательно смотреть под ноги — мало ли, какой тёплый подарок ждать от обиженного пса.

– А я бы посмотрел, что у тебя получится, – сдирая большой кусок обоев, подмигнул я парню. – Ведь нам не только гостиную нужно отремонтировать. Было бы прекрасно сэкономить время и силы.

– Пап, – строго вмешалась Джессика. – Джонатан не до конца освоил свой дар, и порой результат магии непредсказуем.

– Я верю, что у него получится.

– А ты готов к последствиям? Возможно, отремонтировать придётся больше, чем ты думаешь.

– Больше только заново строить, – рассмеялся я и обвёл руками гостиную. – На первый взгляд всё красиво и подобрано со вкусом... Старомодным, но всё же. А стоит пожить денёк, как понимаешь: всё нужно менять. Мебель шатается, пол скрипит и прогибается, с потолка что-то сыплется. Чинить эту рухлядь — только время тратить.

Я подтвердил свои слова, слегка надавив на кресло, которое жалобно затрещало под моим нажимом, внутри что-то хрустнуло, и из сидения выскочила пружина.

Герман, который любил читать, сидя на нём, испуганно щёлкнул челюстью и прижал фаланги пальцев к седалищным костям.

– Проще сделать новое, – резюмировал я. – В стиле лофт.

– Это как? – поинтересовалась девочка.

– Просто, просторно и прочно, – с улыбкой ответил я и поднял палец. – Правило трёх «п»!

– Я запомню, – важно покивала она и улыбнулась брату. – Раз папа разрешает, то и я не против. Пли!

– Стой, – осадил я и, поймав Агнесс, вытащил её из ходунков. – Теперь начинай.

Джонатан посмотрел на меня так, будто был первокурсником, которому доверили первую серьёзную работу: с дикой смесью страха и благодарности. Я лишь надеялся, что сочетание не очень взрывоопасное. Запоздало забеспокоился, что провалится пол. Кажется, под нами подвал...

Парень выпустил столько искр сразу, что показалось, начался фейерверк! Сияющие огоньки разлетелись по комнате с космической скоростью. Я едва успел спрятаться за кресло, как надо мной и Агнесс простёрлось целое поле слепящей магии. Коснувшись стен, оно впиталось с булькающим звуком. Но некоторые искры отскакивали, будто горох, и, изменив траекторию, летели вразнобой.

– Ай! – вскрикнула Джессика, и я подскочил в испуге.

Приподняв юбку, девочка, насупившись, показала дыру в подоле.

– Платье испорчено!

– Хорошо, что дело ограничилось одеждой, – облегчённо выдохнул я. – И где была моя голова, когда я разрешил использовать

магию в помещении? Так и до пожара недалеко! Хорошо, что искры растаяли...

И тут, ощутив дрожание под ногами, я прервался. Выдохнул в ужасе:

– Все из замка!

Удерживая Агнесс в правой, левой рукой схватил Джессику и помчался к выходу. Молясь, чтобы пол не провалился под нами, выскочил на крыльцо и тут же спрыгнул на землю. Посадил малышку на траву и помог спуститься её старшей сестре. Джонатан выбежал за нами, пёс уже был здесь, да и скелет, вовремя обидевшись, бродил у реки.

Замок ещё раз содрогнулся, внутри что-то загрохотало, а потом всё стихло. Обняв детей, я удерживал их на месте и опасно смотрел на дом. Но вроде всё действительно закончилось.

– Оставайтесь здесь, – велел им, а сам сделал шаг к замку.

– Не! – возразила Агнесс.

– Она права, – поддакнула Джессика. – Слышал взрывы? Это лопались шары из особого магического сплава. Внутри них была магия, способная убить магнус и даже вышвырнуть магнера в Замирье!

– Оказывается, их много оставалось, – задумчиво произнёс парень и оглянулся на младшую сестрёнку. – Наверняка Агнесс куда-то их попрятала!

– Не, – хитро улыбнулась малышка.

– Тем более, – повысил я голос. – Если внутри всё ещё опасно, то...

– Мы маги, а ты хрупкая душа, – припечатал Джонатан и обогнал меня. – Пойду я!

– И я, – побежала за ним девочка.

– Не! – поползла следом малышка, но я перехватил мелкую.

Проворчал:

– Вот упрямы! Хорошо, идём вместе. Но я первый.

Передал Агнесс сестре, а сам ступил на порог. Внутри было темно и тихо. В воздухе столбом стояла пыль — не видно ни зги! Протянув руки, я нашарил стену и оглянулся на ребят.

– Камень... Обоев не чувствую. Поздравляю, первый шаг к нашему стилю сделан! Но входить не стоит — там дышать нечем! Нет,

я понимаю, что замок почти не убрали, но откуда столько пыли?

– А куда, как ты думаешь, делись обои? – выгнула бровь Джессика. – Даже магия не может сделать так, чтобы что-то превратилось в ничто.

– Они распылились? – догадался я и покачал головой. – М-да... Теперь придётся неделю проветривать помещения! Жить там нельзя.

– А где же мы будем спать? – забеспокоилась девочка.

– Вы когда-нибудь ночевали в палатках? – с улыбкой прищурился я. – В детстве я это обожал! Бабушка не понимала, почему мне так нравится спать на улице под тканевым навесом, а не дома в мягкой кровати. Но это невозможно оценить, пока не попробуешь сам!

– Вообще-то я... – начал было Джонатан, но его сестра ловко закрыла ему рот ладошкой.

– Решено! Спим на улице, – с энтузиазмом заявила она.

После сытного ужина, на котором Джонатан сам покормил маленькую Агнесс, мы с Джессикой отправились искать подходящие палки, а парень — в отдельно стоящую сарайку, где раньше хранились инструменты. Мы надеялись, что там удастся добыть какие-нибудь выжившие покрывала. Как можно больше! Палатки на всех мало — на такую большую семью нужен шатёр.

Все были чрезвычайно заинтригованы и воодушевлены, даже малышка!

– В идеале использовать брезент, – отёсывая колышки, объяснял я Джонатану, когда он притащил стопку отрезков ткани. Скорее всего, когда-то их приобрели, чтобы заменить в замке шторы. Но то ли забыли, то ли решили, что и эти сойдут. – Даже если ночью не пойдёт дождь, всё равно под утро опустится туман. Мы же у реки! Поэтому так важна водонепроницаемость...

– И что делать? – насупился парень.

– Хм, – отложил я готовые стойки. – Мы с друзьями пропитывали старую промокающую палатку смесью парафина, скипидара и оливы... Последние два в Шааде вряд ли завалялись, но свечи-то у вас есть?

Он кивнул и побежал к покосившейся сарайке. Я мысленно поставил галочку снести её в ближайшее время и сотворить домик покрепче. А сейчас, растворив воск, осторожно разливал его на

растянутой ткани. Конечно, застыв, он ломался, но в целом результата мы добились: ткань стала непромокаемой!

Растянув её на стойках, завесили вход, а внутри в несколько слоёв разложили мягкое сено и укрыли его последним лоскутом.

– Сказочное место! – восхищённо прошептала Джессика, когда мы все четверо забрались внутрь. – Я хочу жить здесь всегда!

– Угу, – поддакнул её брат.

– Не, – согласилась с большинством Агнесс и широко зевнула.

– А в каком стиле шатёр? – неожиданно поинтересовалась девочка.

– Лофт, разумеется, – ехидно ответил за меня Джонатан.

– Верно, – улыбнулся я. – Правило трёх «п» исполнено. Значит, это лофт. Как-то так. Спокойной ночи, дети.

– И тебе, – отозвался парень. И гораздо позже, едва слышно добавил: – Пап...

Кажется, я продолжал счастливо улыбаться даже во сне... Но, проснувшись, затаил дыхание. Не понимая, что меня разбудило, быстро осмотрелся. Агнесс, раскинув ручки и ножки, спала на старшем брате. Джессика, скрутившись котёнком, прижалась к нему под бок. Всё было тихо.

Но странное ощущение не отпускало.

Я осторожно, чтобы не разбудить детей, выбрался из шатра и, едва не споткнувшись о дрыхнувшего у порога пса, поёжился на утреннем промозглом ветерке. Зеленоватое небо только-только начало светлеть на краю горизонта. Река таинственно мерцала под воздушной вуалью тумана. Громада замка возвышалась надо мной, подмигивая блеском закрытых окон, за которыми всё ещё стояла густая пыль.

Повинуясь интуиции, я шагнул к дому, но замер у распахнутой настежь двери. Внутри неподвижно зависла пыль, но я будто заметил некий силуэт...

Сердце заколотилось, будто при опасности, и я отступил. Может, внутри магнус? Ещё дети упоминали неких магнеров. Присев, я подхватил что-то с земли и приготовился сражаться.

Но навстречу мне вышел не жуткий монстр, а невероятной красоты женщина.

Глава 19

Когда-то у меня было всё.

Мечты, цели, планы. Я грезил о том, что буду приносить людям радость, и шёл к этому, учась обустривать дизайн жилья так, чтобы заказчики чувствовали надёжный тыл. Настоящий оплот! У меня была цель — построить дом, в котором я жил бы счастливо со своей семьёй. И был план создать отношения с любимой девушкой.

Всего этого я лишился в одночасье, оставшись один на один с несбыточной мечтой.

Мне оставалось жить не больше года, и я решил потратить эти несколько месяцев, чтобы сбылось хотя бы одно желание. Не жалея себя, я помогал каждому, кто просил о помощи. Наплевав на сон и еду, боролся с жадным огнём, отвоёвывая жизнь за жизнью у старухи смерти. Надеюсь победить с разгромным счётом, раз свою уже безнадёжно проиграл...

Карина покинула меня, как только стал известен диагноз.

Молча поднялась и, не подарив даже прощального взгляда, удалилась. Я до сих пор помнил тишину, установившуюся в кафе после моих слов. Посетители, сидящие за соседними столиками, старательно отворачивались, будто от прокажённого. Официантка, смущённо запинаясь, попросила меня уйти. И добавила, что я могу не платить за чай.

Бросив на стол смятую купюру, я вышел в одиночество.

Я не ощущал себя больным. Я чувствовал себя уже умершим. Сердце всё ещё билось, но скорее по привычке, меня никто не замечал, никто не ждал. Меня уже не было.

Всё это промелькнуло перед глазами за мгновение, когда из темноты замка вышла женщина, поразившая меня своей красотой. Я не смог бы объяснить, почему она была прекрасна. Худая настолько, что щёки ввалились, а скулы приобрели остроту. Чёрные волосы были включены, платье висело, как на вешалке... Никогда не был поклонником модельных параметров!

Но огромные, едва ли не мультяшные, глаза лучились такой силой духа, что перехватывало дыхание и сердце билось чаще. Я почти влюбился в невероятное видение, когда она произнесла:

– Неприкаянная душа? – Осмотрела она меня с головы до ног таким взглядом, будто перед ней стоял вчерашний магнус. – Это ты устроил погром в моём доме?!

«Моём доме», – пронеслось эхом в моих мыслях.

Это Флоренс. Живая!

Схватившись за грудь, я постарался унять глупое сердце. Вот идиот! Едва не влюбился в женщину на десяток лет старше себя. Вдову с тремя детьми.

«Мало тебе, Сокол, приключений на неприкаянный зад?»

Она молча ждала, явно ожидая моего отчёта, и я собрался с мыслями, чтобы объяснить, как услышал душераздирающее:

– Ма-ма!

Промчавшийся мимо меня вихрь почти сбил с ног едва живую женщину.

– Джессика, – дрожащими губами прошептала Флоренс.

Прижав к себе девочку, закрыла глаза. По впалым щекам её скользнули две прозрачные капли. К нам не спеша подошёл старший из детей. Удерживая на руках полусонную малышку, он не отрывал от матери взгляда. Смотрел так, будто ждал, что видение вот-вот растает.

– Мам... – Голос Джонатана казался бы спокойным, если бы не напряжение, которое заметно звенело в нём. – Ты в порядке?

– Иди ко мне, – с трудом произнесла Флоренс.

Он шагнул, но Агнесс встрепенулась и, едва не вывернувшись из объятий брата, потянулась ко мне.

– Не!

– Агнесс, – позвала её мама, но малышка вдруг начала хныкать, а потом перешла на дикий крик.

Я не выдержал первым. Шагнув к ним, взял ребёнка, который тут же успокоился и, обвив мою шею маленькими ручонками, прижался мягкой щекой к моей небритой. На секунду Джонатан растерялся, но вскоре отвернулся и обнял мать.

Так мы простояли долго. Джессика, уткнувшись в живот Флоренс, тихо плакала, а её брат молча обнимал их с матерью. Агнесс не

отлипала от меня и даже не смотрела в сторону семьи. Я же не знал, что предпринять.

– Извините за дом, – наконец решился нарушить напряжённую тишину. – Мы с детьми решили сделать ремонт, но кое-что пошло не так. Поэтому придётся пожить пару-тройку дней в шатре, пока пыль не осядет...

– Откуда вы взялись? – перебила женщина и, глянув на меня, с подозрением прищурилась. – Вас забросило в Шаад после смерти?

– Я его пригласила, – отступив от матери, призналась Джессика. Опустила голову и добавила тише: – Теперь у нас есть папа.

– Есть... кто? – изумилась Флоренс и решительно покачала головой. – Нет, это совершенно неприемлемо. У вас был папа, настоящий.

– Но...

– Никаких «но».

Глянув на меня так, что я едва не задымился, Флоренс сделала шаг и попыталась забрать Агнесс, но малышка взвыла не хуже пожарной сирены. Я оглох мгновенно, даже мама девочки покачнулась и, отпрянув, прижала руки к груди. При этом смотрела на меня как на врага всего человечества — словно это я подстроил!

Будто не знает своего ребёнка...

Но спорить я не собирался, потому что ясно видел: женщина измождена и едва держится на ногах. А после всех слухов, что она сгинула в загадочном Замирье, от которого Шаад отгородил некий супермаг, больше хотелось позаботиться о несчастной. Как-то она умудрилась вернуться оттуда, откуда не возвращаются. Не секрет, что ради своих деток.

– Шатёр, – второй раз показал я на своё сооружение, – не очень презентабельный, зато там сухо и не пыльно. Можете отдохнуть внутри, а я займусь домом...

– Нет! – слишком уж поспешно вскрикнула она. И, переведя дыхание, добавила спокойно и жёстко: – Больше вы ни к чему не прикоснётесь. Ясно?

– Не! – неожиданно вмешалась в разговор притихшая Агнесс. И замотала головой: – Не-не-не...

Глава 20

Флоренс

Я была вне себя! Мало того, что незнакомец перевернул вверх дном весь замок, он ещё подверг моих детей страшной опасности. И все живые миры!

Думая об этом, я обнимала сына и дочь, прижимая их так сильно, чтобы поверить: всё это настоящее. Я дома! Вернулась в Шаад... Чудо, и только!

– Мам, как тебе удалось? – отстранившись, поинтересовался Джонатан. – Ты нашла лазейку, которой воспользовался дядя Устин?

Я протянула руку и дотронулась до щеки сына.

– Ты так возмужал... Сколько меня не было?

– Недолго, – мотнул он головой и нахмурился, вызвав у меня учащённое сердцебиение. Уж очень Джонатан напомнил в этот миг отца. – Ты ушла от ответа.

– Потому что у меня его пока нет, – виновато улыбнулась я и быстро огляделась. – Шар! Стекланный шар, покрытый изнутри тонким слоем поющего металла. Вы видели его?

– Нет, – растерянно протянула Джессика. – Откуда он взялся?

– Вот и мне интересно, – пробормотала я, осматривая запылённые инструменты, заполняющие наш некогда чистый и уютный дворик. – Здесь будто стадо магнуса прошлось! Как можно что-то найти?

– Не это ищите?

Услышав мужской голос, я вздрогнула и вскинула на неприкаянную душу неприязненный взгляд. Одной рукой так называемый папа удерживал Агнесс, а в другой поблёскивал зеркальный шар.

– Это, – сухо кивнула я и, приблизившись к гостю, забрала находку.

Едва удержав тяжёлую стекляшку, охнула, но отказалась от помощи человека, который умудрился очаровать мою младшую дочь так, что она отказывалась идти к маме. А ведь мне так сильно хотелось

прижать малышку к груди, поцеловать её густые волосы, вдохнуть их приятный, ни с чем не сравнимый аромат...

– Спасибо. – Делая вид, что мне совершенно всё равно, что Агнесс смотрит на меня настороженно, я направилась к шатру. – Пожалуй, я воспользуюсь вашим предложением.

– Мам, можно с тобой? – подорвалась следом Джессика.

– Нужно, – не оглядываясь, ответила я. – И ты, Джонатан, тоже.

– Мне, я так понимаю, на семейный совет нельзя, – иронично прокомментировал человек.

– А он сообразителен, – поделилась я с дочкой.

– Он замечательный! – закивала та, и я едва сдержалась, чтобы не ответить резкостью.

Вместо этого уселась на ткань, подозрительно похожую на ту, которой мы с мужем планировали оклеить стены нашей спальни... до страшных событий. В груди ёкнуло, но я не позволила себе раскиснуть. С трудом удерживая сознание, цепляясь за злость, не давала себе и шанса от изнеможения лишиться чувств.

– София, – положив руки на шар, позвала я.

Магия, едва искря, наполнила шар призрачным голубоватым свечением. Слабо, словно издалека, я услышала прерывающийся женский голос:

– Фло... Думали, погибл... магнер больше... Рада!

– Я почти ничего не могу понять, – решительно оборвала я взволнованную подругу. – Едва держусь на ногах. Но знаю, ты меня прекрасно слышишь. Передай Устину, что существует лазейка в Замирье, она находится в нашем оплоте.

– ...Произошло?!

– Не могу сказать точно, – ощутив сильное головокружение, прошептала я. – Сначала мне нужно переговорить с Бэтрис.

Оглянулась на детей, миг посомневавшись, стоит ли им слышать дальнейшее. Решилась потому, что они должны быть готовы к последствиям того, что натворили.

– Магнер удерживал меня, питаюсь, – сообщила Соне. – Думала, не вернусь. Но однажды в Замирье разразилась дикая буря и с небес прилетел стеклянный шар. Тот, который вы с дочкой изготовили для нашей связи. Ударил магнера по голове, а потом подкатился ко мне.

Вложенной в него магии хватило, чтобы я сумела освободиться от цепей и нырнуть в появившуюся прореху пространства меж мирами.

Я снова строго посмотрела на детей и добавила:

– Неприкаянная душа своими необдуманными действиями подарил врагу возможность напасть на нас снова. Разве вы не знаете, что замок — это замок? Взрыв что-то повредил, и теперь наш оплот под угрозой. Как и весь Шаад!

С каждым словом Джессика всё ниже опускала голову, вздрагивая и сильнее сжимаясь. А вот Джонатан заявил:

– Зато ты дома. Оно того стоило.

– Жизнь одного стража никак не может стоять больше миллиардов жизней, – холодно процедила я. – Да, я надеялась вырваться, но собиралась найти другой способ. Без разрывов в пространстве. Неужели не понимаете, что мы потеряли наше преимущество?

– Магнеру на тыковку прилетел шарик тёти Софии, – несмело начала Джессика, но голос её постепенно наполнялся уверенностью. – Вряд ли маг выжил! Ведь там магия потомка выходца из Замирья.

– Вот именно, – вздохнула я и пожала руку дочери, понимая, что малышка осознала весь ужас ситуации и ищет решение. – В Замирье она не сработала как надо. Шар лишил его сознания, но не жизни. И будь уверена, магнус попытается проникнуть в наш оплот. Для него это единственный способ выжить!

– А я говорил, что неприкаянная душа к несчастью! – не выдержал Джонатан. Но, прикрикнув на сестрёнку, он сжал руками голову. – Джессика, прости... И спасибо! Мам, я понимаю, что все усилия пошли Пёселю Лаврентьевичу под хвост, но я безумно рад, что ты здесь. А магнер... Мы справимся! Он одинок и слаб. А мы — семья!

– Истощённый родитель, юноша, не научившийся взаимодействовать с даром, и две маленькие девочки против озлобленного мага, которому нечего терять? – убирая ладони с потускневшего шара, уточнила я. Вздыхая, свернулась клубочком и пробормотала, засыпая: – Лучшая битва та, которой не было. Надо восстановиться и исправить то, что натворил этот...

Неприкаянная душа! Я никогда не отличалась высоким ростом, может, поэтому мужчина показался мне большим и мускулистым. Он

излучал силу и уверенность, как Устин. Вот только не обладал и каплей магии. Тогда почему мне так спокойно спалось, зная, что он рядом?

Глава 21

Александр

Некоторое время я ходил вокруг шатра и прислушивался к разговору. Да, подслушивать — нехорошо. Но я не мог оставаться в неведении, ведь речь шла о серьёзной опасности. Об этом говорил и измождённый вид женщины, которая, как я понял, была в плену и подвергалась жутким пыткам.

И от одной мысли об этом внутри всё пылало гневом. Хотелось пойти к гаду, который сделал это, и доходчиво объяснить, что с женщинами так поступать нельзя. И убедиться, что до измочаленной груши точно дошли все мои триста доказательств, предоставленных с лёгкой руки.левой... Хук с неё тяжелее!

Останавливало то, что я — обычный человек, а враг этой женщины — маг! А при мысли о некоем Замирье, вход в который теперь открыт из-за взрыва в замке, по спине прокатывалась волна холода.

И это отрезвило. Оглянувшись на стоящую в замке пыльную завесу, я подумал, что всё можно исправить. Если внутри что-то сломалось, то это стоит починить. И может, тогда лазейка закроется?

Пока я расхаживал, малышка на моих руках уснула, и я осторожно заглянул в шатёр. При виде её старших брата и сестры, которые мирно спали, обняв Флоренс, не сдержал умильной улыбки. Убедившись, что моё появление никого не потревожило, вошёл внутрь и, опустившись на одно колено, аккуратно уложил Агнесс. Повернув голову, она интуитивно прижалась к матери.

Хотел было подняться, но взгляд упал на лицо женщины, и я замер. В первую минуту, когда встретил хозяйку замка, она показалась мне невероятной красавицей. Сейчас считал так же, несмотря на тонкие лучики первых морщинок вокруг глаз, тусклый цвет лица и бледные губы...

Осознав, что люблю мать детей уже некоторое время, поспешно покинул шатёр.

– Что за дурацкие мысли, Сокол? – проворчал, подхватывая топорик и направляясь к замку. – Тебе не пятнадцать, чтобы мечтать поцеловать спящую женщину... – Не сдержал усмешки. – Правильно! Такая не даст пощёчину. Сразу магическим шариком по тыковке — и привет Замирию!

Застыл у входа и неуверенно оглянулся на колодец. Положив инструмент, скинул с себя рубашку и, сбжав со ступенек крыльца, приблизился к стеклянному ведру. Намочив ткань, обмотался ею, как бедуины в пустыне. Но глаза оставались незащищены от мельчайшей взвеси.

Оценив само ведро, я отвязал верёвку и надел стеклянный «шлем» на голову.

Сойдёт!

Сунувшись в дом, я проверил надёжность защиты. Убедившись, что способен нормально дышать и более-менее даже видеть, принялся за работу. Раз вернулась мама моих детей, ждать некогда. Нужно наладить быт и заодно исправить то, что разрушилось при взрыве.

Чтобы побыстрее избавиться от пыли, я распахнул двери и окна. Пока обходил замок, подмечал повреждения, которые могли намекнуть на лазейку в Замирье. Проверил дырки в полу и трещины в стенах. Заглядывал во все подсобные помещения, но так ничего и не обнаружил, кроме сваленного в кучи хлама и набитых старьём сундуков.

Зато отыскал огромный веер, похожий на опахало, и с его помощью принялся выгонять из замка застоявшуюся пыль...

– Что вы творите?

Услышав приглушённый голос, я резко обернулся и едва не задел худенькую Флоренс. Женщина отскочила и, прижимая к носу кусок ткани, иронично осмотрела мой «наряд».

– Что за нелепый вид и странные танцы? При жизни вы были шаманом?

– Можно и так сказать, – смутился я своего обнажённого торса.

Стянул с головы «шлем» и, отбросив его, развязал рубашку. Она была ещё влажная и грязная от осевшей пыли, но я всё равно оделся и вопросительно посмотрел на Флоренс.

– Вам лучше?

– Да, – коротко ответила она и резко добавила: – Чего не скажешь о моём замке!

– Я прошу прощения, – поспешил извиниться я, – если по незнанию что-то испортил. Но я даю слово, что всё исправлю.

– Правда? – иронично изумилась Флоренс и выгнула бровь. – Как же?

– Починю, – решительно кивнул я.

Некоторое время она буравила меня пристальным взглядом чудесных лучистых глаз, и я занервничал от внимания этой невероятно привлекательной женщины... В груди становилось жарко, а затылок сжимало льдом дурного предчувствия.

Вспомнились слова Джонатана о том, что неприкаянную душу необходимо вышвырнуть из Шаада и что его мама прекрасно с этим справляется.

«Вот и закончилось твоё посмертное приключение, Сокол, – понимая, что женщина ничего, кроме неприязни, ко мне не испытывает, уныло подумал я. – Готовься к белому тоннелю и иди на свет».

Было жаль расставаться с милашкой Джессикой. Я обещал научить Джонатана правильно забивать гвозди. К тому же я не успел покормить Агнесс...

– Договорились, – неожиданно согласилась Флоренс.

– Что? – не поверил я.

– Да. – Она скрестила руки на груди и дёрнула уголком рта. – Будь у меня хоть капелька магии, я бы вышвырнула вас из Шаада в первую же минуту, как встретила. Но сейчас, поразмыслив над сложившейся ситуацией...

– Выспавшись? – уточнил я и, желая проявить заботу, предложил: – Может, стоит ещё и поесть?

– ...Решила, что мне не помешает мужская помощь. – Тон её похолодел на пару градусов. – Но помните, кто вы. Душа, которая получила второй шанс на жизнь в Шааде, а вовсе не...

– Папа! – От звонкого голоса Джессики вздрогнули мы оба. – Ты здесь? Ох, как пыльно... Маму не видел?

Я хотел ответить, но Флоренс опередила:

– Отойди от замка, милая. Я немного приберусь.

– А папа? – Встревоженный голосок девочки намекнул, что мне пора бы выметаться.

Но я снова не успел.

Флоренс подняла руки и одновременно щёлкнула пальцами, с которых сорвались маленькие жёлтые искры.

Глава 22

Флоренс

Не стоило делать этого...

После того как я столько долгих дней прослужила едой для магнера, который ежедневно выкачивал из меня крупицы живой силы, следовало как минимум дней десять спать, восстанавливая магический потенциал.

Но неприкаянная душа так раздражал!

Этому человеку, которого занесло в Шаад по капризу моей дочери, надо было вести себя ниже травы, тише воды. Но мужчина воспользовался тем, что я прикорнула, и решил довести начатое до конца — разрушить к лысому магнусу мой дорогой оплот!

Я спросонок не сразу поняла, откуда раздаётся страшный шум. Стук молотка, визг пилы, хлопанье дверей... настоящая какофония! Выглянув из шатра, застыла в ужасе при виде своего замка. Он будто дышал и, как огромный дракон, выдавал из окон и провала двери облака тёмного дыма. Нет, это же пыль!

Я подорвалась с места. Что опять происходит?

Когда нашла гостя, то застыла на месте.

Вот бы выпроводить его из Шаада в эту же секунду, но я не смогла отвести глаз от широкой спины и напряжённых мышц, что играли под атласной кожей. Мужчина вспотел от тяжёлого труда, в руках он держал большущий веер, а сверкающее даже в облаке пыли ведро из магического стекла на его голове создавало чудное, будто магическое, свечение.

Зрелище странное... Загадочно привлекательное! Словно замороженная, я наблюдала за неприкаянной душой, попутно убеждаясь, что мужчина ненормальный. Он так собирался прогнать пыль? Это бесполезно! Надо было остановить и вразумить, но я не могла оторваться от любования его телом. Почему? Да, он красив, но...

Может, это некая магия? В живых мирах совершенно точно есть настоящие маги. Они не так сильны, как потомственные стражи

Шаада, но всё же... Взять хотя бы Софию, жену великого и ужасного Устина. Когда её тайна открылась, она потрясла меня до глубины души!

Может, и этот человек не так безобиден, как в то хочется верить?

– Папа! – Крик дочери вернул меня в реальность.

Мне совершенно не понравилось выражение лица этого человека. Он отреагировал на крик ребёнка, будто орал его собственный. Вот это игра!

Раздражение поднялось внезапно, сметая усталость. Я увидела, что наш гость совершенно точно не белый и пушистый зайка. Он воспользовался отчаянием ребёнка и вырвал шанс остаться в живых. Не желая умирать, решил притвориться папой моих детей. Не бывать этому! Пусть воочию увидит, кто здесь хозяйка.

– Сейчас приберусь, – с усмешкой пообещала я.

Джессика закричала, и на лице мужчины отразилось подозрение, но было уже поздно.

Я была обязана его «предупредить».

Но всё же зря это сделала! И дело не в угрозе.

Когда по щелчку пальцев вызванная магия на миг осветила комнату, ничего не предвещало беды. Начало было весьма многообещающим. Вездесущая пыль завихрилась и красивым потоком окружила неприкаянную душу. К чести сказать, мужчина не испугался... Жаль.

Может, это сработает? С пола сорвало и подняло в воздух прозрачный горшок. Но гость лишь легко увернулся и пнул стеклянное ведро в сторону стены. Я с подозрением прищурилась: слишком ловок для такой комплекции!

Но тут вихрь дёрнул за огромное опахало, которое неприкаянная душа безрассудно продолжал удерживать в руках. Оно сработало как крыло. Мужчина с гортанным вскриком перекувырнулся в воздухе и изящно приземлился на мягкое место.

Прошипев некое заклинание, гость попытался подняться, но тут в комнату влетел второй вихрь, верхом на котором сидел Герман. Скелет осуждающе щёлкал челюстью и в лёгкой панике постреливал зелёными глазками по чему ни попадя.

В воздух, окружённые магической защитой скелета, поднимались молотки, гвозди, доски и какие-то странные инструменты. Всё это

кружилось и звенело, мимо меня пролетела пила, завывающая не хуже Пёселя Лаврентьевича! С треском захлопнулось окно — последняя надежда на спасение.

– Ой...

Обычно я дотошно контролировала свою магию, но сейчас от усталости случайно выпустила сразу несколько искр. Они разлетелись по всему замку и в каждой комнате закрутили вихри. Поднялась туча пыли... Ох! Сколько же искр вылетело? Три? Пять? А что, если все вихри соединятся?

Стоило только представить огромный ураган пыли во главе с летающим скелетом, я отступила и в панике прижалась спиной к стене. Кажется, я и сама способна сделать то, в чём обвиняла гостя. Я попыталась воззвать к магии, но лишь потемнело в глазах.

И как теперь быть? Я так слаба, что не в силах остановить это. Скоро этой части замка просто не станет. Вместе со мной и неприкаянной душой...

Зажмурилась в ужасе. Дети! Главное, чтобы дети не пострадали.

– Могу я прикоснуться к вам?

Я распахнула глаза и непонимающе посмотрела на мужчину.

– Что?!

– Могу я дотронуться до вас? – мельком оглянувшись на творящийся за спиной кошмар, процедил он.

– Зачем? – растерянно моргнула я.

– Ну же, дамочка! – нетерпеливо прошипел мужчина. – Я пожарный, и это наши новые, чтоб их разэдак, правила! Разрешите прикоснуться — и я вас спасу.

Я пожала плечами.

– Да пожалуйста.

– Герман! – закричал гость, неожиданно перекрывая своим звучным сильным голосом творящееся безумие. И, подхватив меня на руки, приказал: – Окно!

Порхающий под потолком скелет послушно щёлкнул челюстями и выпустил по нам зелёный луч из провалов глазниц. Окружив мужчину, обнимающего меня, невидимой, но осязаемой стеной, дворецкий приподнял нас над полом и направил к окну. Остальное сделал вихрь пыли.

Раздался звон стекла и треск выломанной рамы, и мы с гостем, окружённые щитом скелета, вылетели из замка, как ядро из катапульты.

– Ох, – понимая, что вместе со свободой мы лишились магической поддержки скелета, выдохнула я. – Приготовьтесь к жёсткой посадке, пожарник.

– Что мать, что дочь, – только и успел проворчать он, когда опора под нами исчезла.

Глава 23

Александр

Настоящая ведьма! Я почти поверил, что эта хрупкая на вид леди сейчас меня прибьёт. Ни скалка не потребуется, ни коса — сама справится! Но женщина испуганно прижалась спиной к стене, и я догадался, что что-то пошло не по плану. По-хорошему надо было забросить её на плечо и сигануть в окно. Благо там не слишком высоко.

Но я не мог так поступить с едва живой (но всё ещё опасной) дамочкой. Вредной мамашей замечательных деток. Надо было спасти её как можно бережней. И, как всегда в критических ситуациях, мой мозг заработал активнее. Пришедшая идея пугала меня самого, но что я ещё мог противопоставить магии?

Только другое волшебство!

Я лишь надеялся, что удалось правильно рассчитать силу вихря и траекторию полёта магического щита Германа. И, когда мы лишились опоры, повернулся так, чтобы удар пришёлся по большей части на меня...

Но его не последовало.

Мы с размаху плюхнулись в воду. Я помог женщине выплыть на поверхность и, фыркая, посоветовал:

– Быстрее гребите к берегу. Тут рыбы жутко кусачие!

– Да что вы?! – деланно изумилась Флоренс и в гневе начала: – Да вы просто...

И ушла под воду. Я нырнул следом, снова вытаскивая её.

– Вы плавать, что ли, не умеете?

– Представьте себе, не умею! – с вызовом крикнула она.

– Вы же маг, – изумился я. – Неужели нельзя наколдовать себе...

– Жабры? – отплёвываясь и цепляясь за меня, сверкнула глазами эта фурия. – Рыбий хвост?!

– Спасательный жилет, – примирительно ответил я, удерживая женщину и гребя к берегу как можно быстрее.

– Вы обещали меня спасти, – обвинила она. – Но в итоге я в большей опасности!

Я молча принимал все её обвинения. Было за что! Всё же допустил ошибку в расчётах. Боялся, что не долетим до спасительной воды, вот и перестраховался. Примерно до середины реки перестарался!

– Ай! – взвизгнула Флоренс и, взмахнув руками, резко ушла под воду.

Чертыхнувшись, я последовал за женщиной и, высматривая в прозрачной воде кусачих тварей, начал колотить по ним ногами и руками. Прогнать противных рыб оказалось несложно, гораздо больше сил пришлось приложить, чтобы вытащить сопротивляющуюся дамочку из воды.

– А ещё пожарник! – шипела гадюкой она.

Но я лишь сжимал челюсти, потому что помнил, каково быть покусанным теми зубастыми. И, не тратя времени, подхватил пострадавшую на руки, как только ощутил под ногами дно.

– Флоренс?! – Пёсель Лаврентьевич выскочил будто из-под земли. И, мотая хвостом, поскакал вокруг нас. – Невероятно! Так она в воде была? А что она там делала? Утонула? А я думал, её в Замирье утянуло... Ой, ты только детям её не показывай, неприкаянная душа. Впрочем, неплохо выглядит. Даже не объеденная рыбами... Только чуточку ноги погрызены!

– Пёсель, что ты несёшь? – отмахнулась от него очнувшаяся Флоренс. – Лучше Джессика позови, пусть несёт противоядие от зверорыб. Ох...

И снова отключилась. Я же кивнул псу:

– Беги же! Раз-два, раз-два!

Запутавшись в лапах, собака упала в траву. До меня донёсся скулёж:

– Неприкаянные души точно к беде!

– Джесс! – понимая, что от пса помощи не будет, заорал я тем особым голосом, которым мог перекричать и пламя. Ворвавшись во двор, я глянул на замок и, не рискнув вносить туда пострадавшую, осторожно уложил её на траву. Джессика выбежала из шатра, на руках она держала вырывающуюся Агнесс.

– Мам? Ты же не умеешь плавать! Ой, тебя укусили?

– Нужно твоё зелье! – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, подсказал я и протянул руки. – Я подержу Агнесс.

Девочка передала мне сестрёнку и побежала к замку.

– Джонатан, где мои зелья?

Тот показался на пороге.

– Шутишь? Там совершенная чистота.

В руках парня я разглядел подозрительно знакомый череп. Даже показалось, что я уловил беззвучную речь, когда Герман обратил на меня свет зелёной магии в провалах глаз.

«Бить или не бить — вовсе не вопрос!»

– Прости, друг, – улыбнулся я малышке. – Папа обязательно соберёт Германа. Будет лучше прежнего.

– Никакой вы не папа, – не открывая глаз, пробормотала женщина.

– У меня в ящиках ещё оставалось... – не сдавалась Джессика.

– Нет ящиков, – мрачно посмотрел на неё брат. – Внутри лишь голые стены! Не знаю, моя ли это работа или мамина, но... Не осталось ни-че-го!

– Ужас... – Девочка обессиленно села на землю.

Я же посмотрел на укушенную.

– Значит, будем спасать по старинке.

В лесу, раскинувшемся за домиком моей бабули, водилось полно змей. Были даже ядовитые, поэтому я рано и очень быстро постиг науку первой помощи. Рыбы однозначно не витаминки впрыскивают, когда кусаются. Так что можно провести аналогию...

Итак, правило первое — не паниковать.

– Джессика, – обратился я к взволнованной девочке. – Даже если у тебя не осталось зелий, это не катастрофа. Ты их сама делала или мама помогала?

– Сама, конечно! – расстроено буркнула она, и тут лицо её просветлело. – Да! Папа, ты прав. – Она вскочила и была вновь полна энергии. – Я побегу и быстро соберу трав...

Последнее донеслось уже из-за угла. Я повернулся к парню.

– Нужна чистая вода, лучше кипячёная! Пострадавший должен много пить, чтобы быстрее вывести токсины. И бинты... То есть чистая ткань. Нужно будет перевязать рану. Посмотри, что осталось в сарайке.

– Хорошо, что я скатерть повесил во дворе проветрить, – деловито кивнул он и передал мне череп. – Кипячёная вода точно будет. Да и бинты! Я скоро.

Я постарался не замечать полный немой укора взгляд Германа. Агнесс вырвала голову слуги и ревниво выдала:

– Ме!

– Ого, – усаживая девочку на траву, уважительно протянул я. – Новое слово. Делаешь успехи, крошка!

Пока девочка играла с черепом, я осмотрел ранки на тонких щиколотках пострадавшей и, наклонившись, осторожно сжал края одного из порезов (будто острым ножом!). На коже проступила жидкость, женщина застонала.

– Простите, Флоренс, – собираясь с духом, прошептал я. – Придётся сделать вам чуточку больно... Для вашего здоровья.

И присосался к ранке. Ясно осознавал, что здорово рисковал. Это змеиный яд мало усваивается из слизистой, и отравиться таким способом сложно, главное — соблюдать технику безопасности и часто сплёвывать яд. Но здесь... Я понятия не имел, что со мной будет. Но всё равно не мог отступить.

Глава 24

Флоренс

Спать хотелось зверски! Я почти не понимала, где сон, а где явь. Вскрикивала от ужаса, глядя в голодные глаза магнера, но тут же на плечи давили сильные руки. Почему-то их тепло успокаивало и приносило чувство безопасности.

Может, это дух Мортонна? Мне было так хорошо лишь с мужем. Снова проваливаясь в болезненный сон, наполненный мучительным калейдоскопом видений, я ощутила, как щеку щекочет слезинка.

Страшный день, когда магнеры напали на Шаад, мне не забыть никогда. В тот раз они почти победили. Самый сильный из стражей был поглощён Замирьем, а мой муж погиб, защищая наш оплот. Я будто со стороны видела себя, на коленях рыдающую у неподвижного тела.

В нескольких шагах от нас стояли дети. Джонатан прижимал ладони к лицу, а Джессика...

Было страшно смотреть в её огромные, абсолютно сухие глаза. Дочка удерживала на руках младшую сестрёнку и выглядела слишком взрослой для своих лет.

В тот миг она была сильнее всех нас.

– Джесс... – прошептала я, больше всего на свете сейчас желая обнять её.

– Мама, ты должна это выпить, – услышала я деловитый ответ дочери. – Мам, не плачь, а то всё выльется.

– Девочка моя...

Я не могла сдержаться, притягивая к себе Джессику, чувствовала, как тёплый отвар течёт по моему лицу.

– Чертежом меня по ГОСТу! – воскликнула дочь. – Теперь придётся всё заново делать!

Я замерла, не веря ушам. Опять эта тарабарщина? Заклятие неприкаянной души... Он колдун из мира живых?

Нет, но как он посмел учить моих детей своей магии? Вдруг она, как у Софии, имеет что-то общее с Замирьем? Нет, против подруги я ничего не имела. Жена Устина добрая и очень мне нравилась. Но не этот...

– Мам, я скоро.

Дочка высвободилась, и всё стихло. Меня начал затягивать вихрь бредовых видений, как раздался звонкий голосок:

– А-гу.

Я встрепенулась: здесь моя малышка! Но ни открыть глаз, ни протянуть рук сил не было. Яд зверорыб надёжно приковал меня к постели. И только моя вина, что я до сих пор не могу пошевелиться. Лаборатория уничтожена, и дочке приходится собирать травы для противоядия.

Губ коснулась довольная улыбка: у Джессики получается всё лучше. Раньше она всё время путалась в ингредиентах, торопилась сделать задание и бежать к брату. Ей было завидно, что Джонатану достался дар отца, и девочка мечтала, чтобы такой же проснулся и в ней. Потому охотнее занималась с Муртоном, чем со мной...

Даже после гибели отца она упрямо проводила время с братом, стараясь повторить всё, чему тот учился. Но сейчас всё изменилось. Уж не гость ли тому причиной?

– А-гу, – снова чётко произнесла Агнесс.

Будто звала меня. В груди кольнуло, когда я представила, как малышка смотрит на маму и не понимает, почему та лежит и ни на что не реагирует. Так захотелось обнять дочку, прижать её к себе, успокоить...

– Фло?

Голос подруги раздался так неожиданно, что я вздрогнула. Или же это сработало зелье Джессики? Начались судороги? Слуховые галлюцинации? Яд зверорыб не опасен, но неприятен. Наступила тишина, и я расслабилась. Точно показалось.

– Фло, это ты?

Тут я едва не подпрыгнула... Но тело не послушалось. С трудом преодолевая дичайшую слабость, я шевельнула губами.

– Я...

– Хвала Шааду и всем его стражам! – Слышно было плохо, но София радовалась так, что у меня потеплело в груди. – Ты снова

вышла на связь! Как ты? Почему я тебя не вижу? Скажи ещё хоть слово, дорогая!

Собрав все крохи оставшейся магии, проклиная голодного магнера, кусачих зверорыб и одного неуклюжего мужчину, я едва выдавила:

– Позже...

И ухнула в темноту бессилья. Зная, что могу себе позволить время на восстановление, поддалась оздоровительному сну. Да, неприкаянная душа принёс в мой оплот много разрушений. Да и во весь Шаад. Но дети ему доверяют. Джессика только и говорит, что о «папе», а Джонатан и на шаг не отходит от мужчины. Даже маленькая Агнесс с большей охотой идёт ему на руки.

Значит, и я могу довериться... Во всяком случае до тех пор, пока чуть-чуть не отдохну и не наберусь сил.

Но каким чудом я смогла связаться с оплотом Устина? София сильна, но даже чтобы ответить ей, нужно вложить магию.

Которой у меня нет.

Или?..

* * *

Магнер смотрел на меня так, будто мечтал сожрать целиком, но я не боялась. Знала, что враг не мог себе позволить насладиться пищей и лишиться пропитания в будущем. Ведь ему ни за что не добраться до живых миров. Даже Шаад, который эти твари довели до падения, теперь был недоступен. Кормушка прикрыта во веки веков!

И всё благодаря одной храброй женщине, в которую никто не верил. Даже я...

Подружившись с Софией, я впустила её в своё сердце. Было так приятно снова общаться с подругой! Вновь обрести родственную душу... Пусть и неприкаянную. Жаль, что продлилось это счастливое время недолго. И не жаль! Ох, сколько эмоций вызывало во мне то, что произошло. Единственное — я не позволяла себе ненавидеть.

Потому что, если ты ненавидишь, — ты проиграл. Ненависть обесточивает, лишает надежды и веры в лучшее. Забирает радость от жизни. А мне хотелось жить! Даже там, в мёртвом Замирье, я

цеплялась за крохи тающей надежды и мечтала, что случится чудо и я вернусь к детям.

И оно случилось.

Вот только теперь придётся бороться с последствиями.

Я подняла взгляд на свои руки и шевельнула ими. Цепи, которыми я была прикована к скале, рассеялись как дым. Как и сама гора... Магнер и кишащий внизу магнус. Всё исчезло!

Чувствуя свою возрождающуюся силу и ясность ума, я осознала: Шаад изменился. За короткое время, которое меня не было рядом, дети повзрослели. Дар Джонатана возрос. Джессика больше не пыталась стать кем-то другим. Агнесс... Она сумела вызвать Софию!

Неужели всё это благодаря вмешательству неприкаянной души?

Ощутив прикосновение к шее, я распахнула глаза и увидела его.

Того, кто за короткое время перевернул мир с головы на ноги. Кого захотелось вышвырнуть из Шаада в этот же миг.

Мужчина неожиданно подался ко мне, впиваясь странным взглядом. Словно бросал мне вызов. Будто имел право так на меня смотреть...

Сердце моё забилося так часто, что кровь бросилась к лицу.

Глава 25

Александр

Сейчас прошедшее казалось страшным сном. Жизнь начала налаживаться. Наверное...

Легче не становилось. Ни с детьми, ни с их мамой.

– Потому что это в стиле лофт, – заявил я, нахмурившись.

Джонатан не сдавался, задавая всё новые и новые вопросы. Этот парень напоминал меня в том возрасте, когда я ещё верил, что впереди вся жизнь с её взлётами и падениями. И, конечно, первых будет больше, а вторые мягче.

И уж я точно сумею подстелить соломку.

– Я тебе лучше покажу, – устало ответил я и взял в руки молоток. Взвесил его в руке и, передумав, протянул Джонатану. – Нет, делать будешь ты. А я — руководить.

– Ты как папа, – неохотно принимая инструмент, буркнул он.

Эти слова должны были польстить, но почему-то неприятно царапнули. Я молча показал, что нужно делать, и, наблюдая, как парень старается, вздохнул. Почему меня сравнение так задело? И тут же мысли свернули в другое русло. Подумалось, что я уже три часа не навещал Флоренс.

Как она там?

С того дня, как женщина появилась, она всё время спала. Устроившись в шатре, не могла даже подняться на ноги. Я винил себя в ошибке с расчётами. Если бы мы не упали тогда в середину реки, если бы я доплыл быстрее, чем зверорыбы почуяли добычу... Если бы.

Вздохнул снова.

– Неправильно? – заволновался Джонатан.

Инструмент в его руке дрогнул, и парень попал себе по пальцу.

– Ай!

Сунул себе в рот, и я не смог сдержать смеха. С усилием вытащил повреждённую конечность из места, не особо подходящего, и, осмотрев, убедился, что травма совсем незначительна.

– Копируешь Агнесс? – подмигнул парню. – Хорошо, что обошлось без слёз. Я и женских терпеть не могу. Не знаю, как отреагирую, если ты вдруг зарыдаешь.

– Не дождёшься, – вырвался он и посмотрел волчонком.

Но глаза влажными быть мгновенно перестали. Сработала гордость. Я облегчённо перевёл дыхание, но у Джонатана обида переросла в гнев.

– Не понимаю, почему нельзя всё это сделать магией! – вскочил он и едва не пнул почти законченную тумбочку.

Я ловко переставил мебель и встал между ней и раздражённым юношей. С ехидцей заметил:

– Магией вы с мамой отлично поработали. Выполнили первый и самый важный этап — освобождение пространства от старья. Жаль, что ваша сила простирается дальше, чем фантазия... Если вы уничтожили всё, что было в замке, то представь, что было бы, допустим... Захоти ты забить гвоздь! Наверняка он отлично бы сел... Где-нибудь в подвале. Пришпилил крысу к полу!

– У нас нет крыс! – с каменным лицом заявил парень, но глаза прищурил, будто сдерживал улыбку. – Разве что только их скелетики...

– Хм, – поддержал я. – Пришпиленные скелеты навевают мысль о незаконченном деле.

– Герман? – Видно было, что Джонатан хочет сохранить серьёзность, но губы его помимо воли расплывались в ухмылке. – Сколько ещё костей осталось найти?

– Я не очень хорошо помню, – не стал лукавить я. – В общей сложности костей в человеке около двухсот. Череп Германа, к его счастью, остался цел, да и позвоночный столб мы с Джессикой почти собрали. Часть рук и ног ещё неизвестно где.

– Герману повезло, что он живой скелет, – с широкой улыбкой заявил парень. – Будь он нежитью, превратился бы в пепел. А так его лишь разметало по замку. Зря ты с ним возишься. Это же магическое существо, через некоторое время он соберётся сам.

– Каким чудом? – не поверил я. – У него что, кости притягиваются друг к другу, как магнит?

– Ну что-то вроде того, – неопределённо ответил он.

– Я поклялся собрать его сам, – твёрдо закончил я спор.

– К величайшему сожалению Германа, – покачал головой Джонатан.

Ну вот как ему удаётся оставлять за собой последнее слово? Непримируемый упрямец... И этим он мне всё больше нравился. Тем, что не отступал, раз за разом проигрывая, всё равно шёл вперёд. Чтобы на десятую попытку добраться до цели. Покорить вершину. Пусть это всего лишь какая-то тумбочка в стиле лофт.

– Мне больше нравится соединять магией металлические детали, – пробурчал парень, когда я снова протянул молоток. Посмотрел на меня с надеждой. – Может, я буду делать каркас, а с деревом работать ты?

– Ты должен постигнуть все этапы, – возразил я. – Только тогда сможешь понять, что тебе подходит, а что нет.

– Вы с ним так похожи. – Беря инструмент, парень передёрнул плечами. – Это даже пугает.

Я не стал спрашивать, понимая, о ком тот говорит. Мне и самому было неловко. Поэтому, поручив парню домучить тумбочку, я решил сбежать... То есть проведать Флоренс.

Спустившись по свежесрубленным, ещё пахнущим смолой ступенькам, я вышел из замка и быстрыми шагами направился к шатру. У входа на расстеленном покрывале сидела Джессика и, перебирая мелкие косточки, похвасталась:

– Я уже отделила фаланги правой руки от левой!

– Ты невероятна! – искренне восхитился я и от души поблагодарил: – Спасибо, что помогаешь мне. Джонатан сказал, что Герман через какое-то время восстановился бы сам.

– Но ведь так намного интереснее! – лукаво заулыбалась она.

– Шаадские пазлы, – иронично хмыкнул я и вошёл внутрь.

Агнесс играла с зеркальным шаром мамы и на моё появление почти не отреагировала. Да и я в её возрасте не обратил бы внимания на взрослого, если бы по телику шли мои любимые мультики. Я уже давно догадался, что это не просто зеркало, а картинки в шарике возникают вовсе не из-за отражений.

Осторожно приблизившись, я посмотрел на Флоренс.

По обыкновению, она спала.

Раны на её ногах быстро зажили благодаря своевременной помощи... Моей или же зелья, приготовленного Джессикой. Ох, мне

никогда не забыть «побочные действия»! Я искренне надеялся, что у Флоренс обошлось без оных...

Не важно! Я был безумно рад, что всё обошлось. Мама детей быстро восстанавливалась, и скоро жизнь семьи изменится.

Что будет со мной, я не знал.

Лишь надеялся, что и мне найдётся место в этом странном мире.

Чтобы проверить, нормальная ли у пострадавшей температура, я опустился на корточки и дотронулся до её шеи. И тут Флоренс проснулась. Да так неожиданно распахнула глаза, что я вздрогнул и, не устояв, завалился вперёд. В последний момент успел опереться на руки, чтобы не раздавить хрупкую женщину.

Оказавшись почти нос к носу, мы смотрели друг другу в глаза, а по моей спине поползли колкие мурашки. И тут по рукам будто ток прокатился, локти подогнулись, и губы мои невзначай коснулись нежной кожи Флоренс.

Упс...

Глава 26

Флоренс

Когда мужчина коснулся моих губ, меня будто молнией пронзило. То ли от испуга, то ли от злости, но я изо всех сил отшвырнула неприкаянную душу...

Магией.

Миг, и над моей головой уже голубело небо, а малышка Агнесс, играя с шаром связи, посмотрела вслед парящим остаткам шатра. Мужчина с расширенными глазами, раскинув руки и ноги, будто живая звезда, пролетел до самого замка и красиво впечатался в стену.

Как был, так и рухнул на землю лицом вниз, а ткань, которую мы с Мортонем планировали поклеить на стены, мягко спланировала на его неподвижное тело.

– Ни! – строго глянула на меня малышка и, оставив шар, на четвереньках поползла к пострадавшему, но я перехватила дочь.

– Не волнуйся, – поднимая на руки, успокоила я Агнесс. – Мёртвые так громко не пыхтят.

И правда. Мужчина уже поднимался, чуть кривясь и ощупывая себя, – видимо, не верил, что цел. Убедившись в этом, осторожно покосился в нашу сторону и, избегая смотреть прямо в глаза, проворчал:

– Вижу, что вам намного лучше.

– Но я ещё не полностью восстановилась, – смущённо ответила я.

И зачем разоткровенничалась? Видимо, вина всё же кольнула. Не стоило так резко поступать с тем, кто заботился о моих детях. Но и он не должен был делать... это...

– Рад слышать, – потирая поясницу, буркнул гость. – Будь вы в порядке, улетел бы на луну...

Но тут же добавил громче:

– Извините за то, что произошло. Уверяю, это вышло случайно.

– Думаю, это мне нужно извиниться. – Я едва сдержала улыбку. – Но постарайтесь впредь не допускать подобных ошибок.

– Да уж будьте уверены, – донеслось до меня тихое.

– Не! – внезапно заявила Агнесс и начала активно вырываться. – Не-не-не!

– Что такое? – заволновалась я. – На горшочек хочешь? Нет? Может, кушать?

Дочка захныкала и потянула ручки к мужчине, но тот лишь, опасливо глянув на меня, отступил. И ему было за что волноваться — мне стало чрезвычайно неприятно, что я не могу понять, чего хочет моя девочка. И мужчина явно видел, насколько, по выражению моего лица. Во всяком случае, не рвался помочь. Хотя точно знал, что нужно Агнесс. И от этого становилось ещё противнее.

Когда варианты у меня закончились, я сдалась и хмуро спросила гостя:

– Знаете, что она просит?

– Угу. – Кивнув, он отступил ещё на шаг.

– Тогда почему стоите? – возмутилась я, нервничая, что не могу успокоить собственную дочь, и внезапно испытывая из-за этого стыд. – Как вы там говорили?.. Ах да. Я позволяю вам прикоснуться.

– Разрешаю, – внезапно усмехнулся он, и от его белозубой улыбки ёкнуло в груди. – Правила, чтоб их! Но как я выяснил недавно, следовать им надо обязательно... То есть это весьма полезно для здоровья.

И он снова потёр поясницу. Я не выдержала.

– Сколько раз нужно извиниться, чтобы дождаться помощи пожарника?

– Пожарного, – педантично поправил мужчина.

– Послушай, неприкаянная душа... – начала было я.

– Саша, – снова перебил он. – Можно Александр. Или Сокол. Но хватит уже называть меня неприкайным, это нервирует. Будто я недостойн жить и вот-вот вылечу из Шаада.

Я замолчала, опять испытывая укол вины. А вот Агнесс заголосила ещё громче. Отринув бесполезную гордость, я попросила Александра:

– Помогите же!

Он быстро приблизился и принял ребёнка из моих рук, и малышка мгновенно замолчала. Глядя, как девочка, обняв мужчину за шею, трётся, будто котёнок, о его щёку, я застыла в недоумении.

– Она любит так делать, – со смешком пояснил Сокол, – когда что-то чешется! – И немного виновато добавил: – Бритвы тут нет, поэтому...

– Джонатан! – крикнула я и широкими шагами направилась к замку. – Где наша скатерть?

Сына нашла на втором этаже и застыла от увиденного. В пустом зале, некогда бывшим кабинетом моего мужа, стоял жуткого вида стол и пара страшных табуретов. Сотворённые из металлических труб и грубо обструганных досок, они одним своим видом приводили в ужас.

– Что это? – воскликнула я, когда заметила в углу нечто непонятное, но тоже из труб и досок.

Джонатан, который согнулся над предметом непонятного назначения, выпрямился, и в руке сына я заметила молоток.

– Это будет комод! – гордо возвестил он. – Я сам сделал... То есть скоро доделаю.

– Вместо того чтобы совершенствовать магию, ты тратишь время на такое уро... – разозлилась я.

Но меня грубо перебили, закрыв рот ладонью.

– Отрабатывая мои уроки, вы хотели сказать? У Джона неплохо получается, не думаете?

Я возмущённо дёрнулась, желая объяснить бесцеремонно удерживающему меня мужчине, что сейчас не время для бесполезных поделок. Магнер может пробраться в Шаад через прореху, которая появилась после моего возвращения. Надо бросить все силы на защиту нашего оплота! А мой старший сын — единственный, кто способен противостоять злему магу... И то при условии, что освоит свой дар.

Но мне не дали и слова сказать.

Александр упрямо удерживал меня, и я легко бы отправила наглеца в новый полёт, но другой рукой мужчина прижимал к себе Агнесс. Маленькая заложница, весело что-то лепеча, играла с его кудрями и не обращала на маму никакого внимания.

Затихнув, я бросила на гостя Шаада многозначительный взгляд, и если Александр не идиот и не смертник, то немедленно уберёт ладонь от моего лица. А затем отдаст мою малышку и тихо испарится... Или я его сама испарю!

– Вы позволили дотронуться, – хитро прищурившись, тихо напомнил этот хам.

Будто мысли читает!

– Осталось приделать ручку, и будет готово! – счастливо воскликнул мой старший сын и улыбнулся Александру так, как некогда своему отцу.

У меня похолодело в груди. Неприкаянная душа точно владеет магией. Он каким-то образом зачаровал моих детей!

Глава 27

Александр

Я был бесконечно горд тем, что у пацана так замечательно всё получалось! Табурет вышел почти ровным, он даже не качался! Да, придётся подправить кое-что и постараться сделать это незаметно, чтобы у Джонатана пробудилось чувство мастера. Например, подшлифую сидение, чтобы никто не получил занозу в мягкое место. И докручу шурупы тут и там, дабы избежать зацепок и дыр в одежде. А в остальном...

Да парень просто молодец!

Когда всю жизнь получаешь всё по щелчку пальцев (или как они там свою магию творят?), то предмет, сотворённый с помощью мастерства и творчества, становится в личном рейтинге выше всего остального. Это как с богатеями, которые могли купить что угодно... Или кого угодно.

Настроение рухнуло, как прогоревшее здание, – в один миг. И подняло при этом кучу пыли из мучительных воспоминаний и мрачных мыслей. Крошка на моих руках будто ощутила перемену и затихла, глядя на меня слишком уж взрослым взглядом. Сочувствующим...

Почему-то стало ещё больнее. Ведь эта семья — чужая. А моей никогда не будет. Меня купили на время в моём мире и вышвырнули, как только стал не нужен. Так будет и здесь?

Опустив глаза, я передал Агнесс матери и повернулся к Джонатану. Орудую отверткой, тот пропыхтел:

– Так хорошо?

– Недурно, – сделав над собой усилие, оценил я и попросил пацана: – Помогите матери. Она искала скатерть. Думаю, вам всем и правда стоит перекусить. И поговорить без лишних душ... А я пока тут приберусь.

– Что-то не так? – прищурился Джонатан, тоже уловив сгустившиеся тучи. – Мам?

– Всё прекрасно, – нарочито весело отозвалась та. – Саша прав, мне нужна скатерть.

Моё сокращённое и мягкое имя в устах этой красивой и суровой женщины прозвучало как-то инородно. Лучше бы она и дальше звала меня неприкаянной душой... Душой же не кривя.

Они ушли, а я взял в руки рубанок, который долго очищал от ржавчины, чтобы тот работал. И вот получилось! Мечтая вот так же легко состругать с памяти самые неприятные моменты из моей прошлой жизни, я подровнял комод в паре мест, а затем прошёлся шкуркой, делая поверхность гладкой. Чтобы добиться глянца, надо бы покрыть лаком, но где его взять в этом мире? Здесь полно магов, но нет строительных магазинов.

Я задумался, как бы сделать пропитку для дерева из подручных материалов... Размышлять об этом было намного приятнее, чем вспоминать прошлое. Так, воск я достану без проблем — в сарайке полно свеч. Масло тоже не проблема. Канифоль или спирт в Шааде не достать. Или же скатерть Джонатана может мне в этом помочь?

В комнату заглянула Джессика.

– Что делаешь?

Как всегда при появлении этого жизнерадостного ребёнка, тучи быстренько рассеялись, а улыбка девочки озарила мою душу сердечным теплом.

– Смотри, – поманил её. – Это твой брат сделал.

– Не шутишь? – поразилась девочка и указала на табурет. – Можно?

Я согласился, и она осторожно присела. Прислушиваясь к ощущениям, поёрзала и удовлетворённо кивнула:

– Удобно. Не проваливаешься, и пружины не давят... Мне определённо нравится табуретка в стиле лофт!

Я спрятал улыбку, не распространяясь о том, что прежний дизайн жилища тоже был неплох... Когда-то очень давно! Но со временем всё приходило в упадок, и потёртые кресла становились некомфортными, а стиль — устаревшим.

Я взял второй табурет и установил рядом. Устроившись на нём, принялся шкурить комод, искоса посматривая на девочку.

– Знаешь, как появился стиль лофт?

Она помотала головой так активно, что волосы разметались. Я перевернул комод и принялся натирать уже почти лысой шкуркой другую сторону.

– Всё гениальное рождается случайно, – поделился я с Джессикой. – Во время кризиса очень многие люди не могли позволить себе аренду даже самого дешёвого жилья. И предприятия, в которых встало производство, чтобы хоть как-то выжить, начали сдавать им производственные помещения за копейки. Жить в огромных пустых комнатах, где все коммуникации были видны, а стены не покрывались даже штукатуркой, не каждый рисковал. Первыми облюбовали их люди творческие.

Полюбовавшись ровной поверхностью доски, я отставил комод и по одному задвинул все ящики — они оказались идеально подогнанными. Джонатан учился очень быстро!

– Когда на кирпичных стенах начали появляться картины абстракционистов, а производственные помещения стали заполняться самой доступной мебелью, то оказалось, что это не только удобно, но ещё и красиво. И стиль быстро завоевал популярность не только у богемы, но и у обычных людей. Стиль многих покорила простотой и удобством.

– Богема — это твоя девушка? – тревожно поинтересовалась Джессика и, опустив голову, сжала на коленях ткань юбки. – Поэтому тебе нравится этот стиль?

Я поперхнулся от неожиданного вопроса, а девочка широко улыбнулась и, тряхнув волосами, заявила:

– Нет, это не важно! Она осталась в живом мире, а ты здесь, с нами. Я уверена, что моя мама во сто крат лучше какой-то там Богемы... И красивее! Вот увидишь, ты влюбишься в неё, и вы поженитесь, как София и Устин.

– Джесс! Что ты такое говоришь?!

Услышав возмущённый голос Флоренс, я подавился приготовленным ответом. Закашлявшись, схватился за горло, а девочка спрыгнула с табуретки и подбежала к матери.

– Ну мам! Папа хороший!

Джонатан, который пришёл следом, положил свёрнутую скатерть на табурет, а сам склонился над комодом, изучая его.

– Сколько раз тебе говорить, что он не твой папа, – холодно процедила женщина и полоснула меня таким яростным взглядом, будто это я подговорил Джессику. – Это всего лишь неприкаянная... Э-э. Дядя. Да! Это дядя Саша, пожарник.

– Пожарный, – машинально поправил я. – Можно звать меня Александром. Или Соколом, это был мой позывной. Или...

– Пап! – эмоционально воскликнул парень, и мы с Флоренс подскочили от неожиданности. Уязвлённый Джонатан надвинулся на меня с обвинениями. – Ты же сказал, что я буду делать сам. Но подправил тут и тут.

– Прости, – невольно отступил я. – Хотелось как лучше.

Всё же этот юноша — маг. У меня и так от чар на голове не волосы, а мечта барана... Только рогов и не хватает... И не хочется! Но, похоже, добром это не закончится. Если не Джонатан, так Флоренс мне их организует. Судя по косому взгляду, вот этим табуретом и справится...

И тут в распахнутое окно влетел весёлый детский голосок:

– Не! Не-не-не...

Мы всей семьёй заворожённо проследили, как малышка Агнесс, сидя в небольшом магическом шаре, поднимается всё выше и выше.

Глава 28

Я выбежал из замка первым и быстро огляделся. Ни вокруг, ни в небе ребёнка видно не было.

– Где Агнесс?! – воскликнула Флоренс.

Спустившись по ступенькам, она торопливо осмотрелась и приказала сыну, который спешил следом:

– Проверь с другой стороны замка... Герман! Где он?

– Какая его часть? – раздался глухой голос. Из-под крыльца выполз Пёсель Лаврентьевич и, широко зевнув, звучно щёлкнул челюстями. А потом хитро глянул на меня. – Наш Сокол его ещё не полностью собрал.

– От неприкаянных душ одни неприятности, – процедила женщина.

– Мам, а что, если это не дворецкий? – пролепетала испуганная Джессика. – Он и целым долго удержать щит не мог, а в разобранном состоянии...

– Гадать будем потом, – сухо перебила её мать. – Сначала надо найти Агнесс.

– Может, она на крыше? – предположил я и стремглав помчался обратно в замок.

Как-то, не давая магнусу полакомиться иномирной диковинкой, Герман продержал меня довольно долго. Если перед тем, как сфера лопнула, Агнесс поднялась до самой крыши, то сейчас сидит там.

Вспомнив, как непоседа свалилась мне на руки только потому, что на лестнице не было перил, я припустил быстрее. Чудом пролез на чердак и, выбравшись на крышу, прислушался. Тихо...

Прикинув траекторию полёта невидимого шарика, осторожно двинулся по скользкой черепице в сторону, где, как предположил, находилась девочка. Но там никого не было. Я осторожно взглянул вниз и заметил маленькие фигурки матери и дочери.

– Нашёл? – крикнула Флоренс.

Только я хотел ответить, как зацепился стопой за верёвку, зачем-то растянутую здесь, и, рухнув на колени, застонал от боли. Порадовался, что не свалился с крыши... И тут моё внимание привлекли странные светящиеся точки, плавно летящие со стороны озера в нашу сторону. Вскинув руку, сказал так громко, чтобы слышали внизу, но (по возможности) не на берегу:

– Смотрите! Что это?

Флоренс стремительно развернулась и, бросив что-то резкое собаке, побежала к воде. Я же подумал о том, что Агнесс могла испугаться и, как это часто бывает с малышами, забиться в какую-нибудь щель. Поэтому предоставил магам разбираться с летающими светлячками, а сам позвал как можно более спокойным и доброжелательным тоном:

– Агнесс, это дядя Саша.

Ответом мне была тишина, но я не сдавался. Не могла же девочка за короткое время (а бежал я быстро) улететь так далеко, что стало не видно? Небо было чистым, и не заметить парящую в нём малышку было бы невозможно. Осматривая крышу, я сделал ещё одну попытку:

– Отзовись, мелкая!

Заглянул в одну прореху, затем приподнял сломанную доску и, отряхнув ладони от трухи, вздохнул. Возможно, шар всё же был быстрее и перелетел через здание, тогда стоит спуститься и обойти его. Огляделся ещё раз и с последней надеждой позвал, рискуя навлечь новый гнев Флоренс:

– Детка, это папа. Подай мне хоть какой-нибудь знак.

По крыше вдруг пробежались искорки, а одна долетела до меня и коснулась ноги. Я недоверчиво замер, прислушиваясь к малейшему шороху, с надеждой попросил:

– Малышка, покажи папе ещё раз, где ты.

И снова сноп искр, но я уже понял, откуда они летят, поэтому, едва дыша от ужасной догадки, опустил на живот и подполз к краю.

Агнесс зацепилась одеждой за торчащий из стены железный прут и, повиснув, как нашкодивший котёнок, доверчиво посматривала на меня. У меня спина похолодела, и на миг я оцепенел, решая, как спасти ребёнка. Вниз не смотрел, лишь на малышку. И улыбался так, что челюсти сводило.

– Я тебя вытащу, – тихо говорил, выстраивая план. – Только не шевелись!

Мозг, как всегда в страшной ситуации, заработал быстро и ясно. Вскочив, я кинулся к верёвке и, обмотав ею отодранную доску, засунул одним концом в прореху. Дёрнул на себя и, убедившись, что принцип банана сработал как надо, обернул свою талию свободным концом бечёвки. Надеюсь, что конструкция крепкая, начал осторожно спускаться по стене...

– В лунном сия-яньи сне-ег серебри-ится! – раздался знакомый противный голос, а за ним жуткий вой.

Понимая, что серенада означает новых неприятных гостей Шаада, я постарался ускориться. Даже у меня, далёкого от музыки и вообще искусства, уши в трубочки сворачивались. Кроме малышки, надо спасти остальных детей... И Флоренс.

О том, что те и другие способны позаботиться о себе сами, я не думал. В том состоянии, в котором находился, я лишь ставил задачи и шёл к их выполнению.

Агнесс обняла меня за шею, когда я притянул к себе ребёнка, и спрятала лицо на моей груди. Я глянул вниз и убедился, что там нет монстров... Почти.

По земле, сверкая зелёными глазами, бегало странное существо, больше всего похожее на белого паука-переростка. Приглядевшись, я ахнул от удивления:

– Герман?!

Череп решил не дожидаться, когда мы с Джессикой соберём «пазл», и, используя фаланги найденных пальцев как паучьи лапки, научился быстро передвигаться. Значит, девочку поднял именно он, спасая от незваных гостей.

Верёвка закончилась внезапно, и я с опаской нащупал ногой какой-то выступ. Надо бы отвязаться и ползти вниз по стене, удерживая одной рукой девочку. Но тут я понял, что ошибся. Выступа не было. Это Герман вновь объял нас своим щитом.

Понял потому, что снова не мог ни говорить, ни дышать, как в свой первый полёт. Видимо, сил у дворецкого оставалось мало. Испытывая все прелести пойманного в банку насекомого, я беспокоился лишь о маленькой егозе в своих руках.

Когда мы с Агнесс оказались на земле, я судорожно втянул воздух в лёгкие и прохрипел, осматривая девочку:

– Как ты? Не пострадала?

Герман быстро защёлкал челюстью и, когда привлёк моё внимание, по-паучьи перебирая костяшками, побежал в сторону озера.

Когда я приблизился к воде, Пёсель Лаврентьевич уже закончил выступление и сорвал бурные аплодисменты. Я бы тоже похлопал, радуясь, что мучение для ушей завершено, но руки были заняты. А через минуту я и вовсе забыл о собаке...

Светящиеся точки оказались глазами чудовищ. Три огромных страшных зверя, рыча и щёлкая акульими челюстями, бились в большой клетке из спаянных железных труб. Вокруг неё кружились крупные бабочки из папье-маше, и они казались ещё более живыми, чем магнус.

Я заметил на берегу озера Джессику и её брата. Дети о чём-то тихо спорили, а чуть поодаль, скрестив руки, стояла Флоренс. Женщина смотрела на меня так, будто я самолично притащил сюда зубастых тварей. Но даже в несправедном гневе волшебница была прекрасна...

«Сокол, не о том думаешь!»

– Объясните немедленно! – потребовала она. – Но сначала отдайте мне дочь!

Видимо, Флоренс всё же услышала, как я называл себя папой её ребёнка. Вздохнув, кивнул:

– Хорошо.

Обошёл клетку по дуге, держась как можно дальше, и передал перепуганную малышку маме. Агнесс не сопротивлялась, прижавшись к ней.

– Понимаю, что вам неприятно это слышать, и постараюсь больше не...

– О чём вы? – нетерпеливо перебила она.

– А вы? – насторожился я.

– Об этом. – Она указала за мою спину.

Я повернулся к клетке и, оценив конструкцию, похвалил:

– Неплохо сработано, Джонатан. Темница в стиле лофт!

– Я о бодающемся комодe! – не выдержала Флоренс. – И скачущих табуретках!

Проследив за её взглядом, я увидел, что она имела в виду, и, сглотнув, невольно отступил. Магнусов было четверо. Трое заперты в клетке, а последняя тварь пыталась удрать от преследующей её мебели в стиле лофт.

Глава 29

Флоренс

Всё произошедшее было до того странным, что казалось лишь нереальным сном. Я сидела в комнате, которую Александр назвал моей, и невидяще смотрела на шар связи.

– Фло, – позвала меня София. – Ты меня слышишь? Что самое ужасное? Что может быть хуже этих тварей?.. Не считая магнера, конечно. Но он пока в Замирье, пусть так и остаётся.

– А? – встрепенулась я и, опасливо покосившись на мебель, которую неприкаянная душа сделал сам, поделилась: – Стоило мне осознать, что в Шаад проник магнус, я побежала сражаться!

– Так правильно сделала, – слегка опешила она. – Или нужно было позволить этим чудовищам напасть на детей?

– Я не о том, – чуть поморщилась я и, тяжело вздохнув, любовалась перламутровыми переливами магии на поверхности шара. – Не понимаешь? Моя малышка была в страшной опасности, а я бросилась на борьбу с тварями.

– Ты хорошая мать, – серьёзно заявила подруга. – Не кори себя за это. В тот момент была реальная угроза, а Агнесс искал ваш гость из живого мира.

– Вот именно! – Я уткнулась лицом в ладони. – В этом и дело. Разве не понимаешь? Я целиком и полностью доверилась ему в тот момент. И мысли не возникло, что он не справится.

– И правильно, – осторожно поддакнула София. – Он же пожарный. Спасать людей — его работа.

– Да? – Я подняла голову и посмотрела на подругу. – Думаешь, в моём поведении нет ничего предосудительного?

– Уверена, – коротко ответила она. – Ты поступила абсолютно правильно. Если бы бросилась спасать Агнесс, могли пострадать другие дети. Ведь Джонатан пока не полностью освоил свой дар, а Джессика... Ох! И Пёселю Лаврентьевичу мог отказать его знаменитый голос.

Я выдохнула с некоторым облегчением и робко улыбнулась. Стало немного легче. София права. Я доверилась этому человеку, потому что это было правильным решением. Он же пожарник! То есть пожарный... Надо запомнить, а то Александру не нравится, когда я неправильно произношу название профессии.

Стоп! Какая мне разница? Я зажмурилась и помотала головой.

– Что? – тут же насторожилась подруга.

– Да лезут в голову всякие дурные мысли. – И тут же поделилась радостью: – Знаешь, а Джонатан сильно вырос, пока я была в Замирье. Его магия действует великолепно... Пусть и немного странно. Когда я с помощью твоих бабочек загнала тварей в ловушку, сын сделал клетку из металлических прутьев...

– А откуда там были прутья? – удивилась она.

– Это Саша приготовил, – отмахнулась я. – Он учит детей различным поделкам... Примерно как ты когда-то занималась с Анитой. Но твои творения оказались невероятно полезными! А эта чудовищная мебель в стиле лофт...

– погоди, – почти прорычала она. – В каком-каком стиле? Лофт?! Фло, это же ужасно! Ты хоть знаешь, как возник этот так называемый стиль? Люди жили на заброшенных заводах, без тепла и света. Самые незащищённые слои населения... Студенты, художники, поэты. Они пытались выжить! А другим это понравилось, мол, круто выглядит. И стали подражать. Художник вешал картины на разбитые кирпичные стены, потому что его творения не покупали! Ему есть было нечего, спал на лавке, наспех сколоченной из досок и железных труб... Последних на заводах было хоть завались. В прямом смысле! Ведь все коммуникации снаружи!

– Стой, София, – рассмеялась я и прижала ладонь к груди. – Уж я тебя понимаю. Это действительно очень странно выглядит, но Джонатан ничего не хочет слушать. Да и Джессика бредит этим лофтом. Александр даже соорудил жуткое устройство, чтобы Агнесс могла передвигаться.

– Это неправильно! – возмущённо воскликнула подруга.

– Конечно, – согласно кивнула я. – Девочка сама начнёт ходить, как подрастёт.

– Нет, ходунки вещь полезная, – отмахнулась она и добавила с придыханием: – Не позволяй этому пожарному гробить дизайн вашего

замка.

– У меня выбора как бы нет, – пожалала я печами. – Как и дизайна. То ли моя работа, то ли Джонатана, но мы потеряли всё...

– Я перешлю! – перебила меня подруга. – Как Устин вернётся с сенокоса, сразу и начнём... Так! Вам нужны стулья, стол у вас уже есть...

– Кстати... – вмешалась я и замолчала, не зная, как сказать о замужней Александром мебели. Осторожно продолжила: – Сокол предложил заменить его, потому как стол не вписывался в общую концепцию...

– Что?! – обиженно взвилась подруга. – Да я этого твоего Сокола так впишу, что его концепция будет месяц болеть!

– Мам? – раздался весёлый голосок Аниты. – Папа вернулся! Пошли пирожки печь? Януарий уже наш новый стеклянный мангал во дворе развёл...

– Прости, Фло. – Тон Софии тут же поменялся, зазвенел нежными нотками. – Мне пора. Позже Устин с тобой свяжется.

– Конечно, – невольно завидуя их любви, улыбнулась я. И тут же встрепенулась. – Стой! Соня, я самое главное забыла спросить. Как думаешь, Сокол может быть потомком магнера?

Наступила тишина, и у меня быстрее забилося сердце. Я вызвала подругу на связь сразу после того, как накричала на Александра за его бегущие вокруг замка поделки, чтобы спросить именно об этом. Но так и не завела разговор на важную и опасную тему. Боясь даже думать о том, что неприкаянная душа, как и моя дорогая подруга, носитель магии Замирья и к чему это приведёт. Софии повезло, её муж — великий маг Шаада! А что могу противопоставить я?..

– Устин как-то сказал Бэтрис, – негромко проговорила она, – что в Шаад не попадают обычные души, только неприкаянные. А это означает лишь одно.

– Каждая неприкаянная душа — потомок магнера, – осознавая, что сама от себя скрывала правду, прошептала я.

– В какой-то степени, – понимающе согласилась она. – В своём мире они ничем не выделяются, ведь магии в их крови крайне мало. Но близость Замирья усиливает их природные данные... Э... Наши, я хотела сказать!

Она рассмеялась открыто и весело, и я тоже улыбнулась.

– А ещё папа подарил маме кулон с кристаллом из Замирья, – подала голосок Анита. – Он думал, что это отгонит от неприкаянной души магнус, но украшение лишь быстрее пробудило магию.

– Именно это и натолкнуло Устина на размышления, – согласилась София и добавила немного виновато: – Мы пойдём, Фло. Ладно? Если хочешь, свяжемся после того, как ты пообщаешься с Устином.

– Не стоит, – горько скривившись, вздохнула я. – Это будет непростой разговор.

– Будет и Бэтрис?

Я молча отозвала магию, и шар погас. Конечно, будет. Мне не хотелось обсуждать с третьим стражем Шаада, почему она так жестоко поступила со мной, но Устин прав — нас осталось мало. Нельзя, чтобы недомолвки вставали между защитниками живых миров. Пока жив хотя бы один магнер, мы должны доверять друг другу без остатка.

Вот только как это сделать после предательства?

Раздался стук, и я стремительно повернулась. Если это кто-то из старших детей — отошлю заниматься. Если Сокол... Что же, значит, неприкаянной душе не дорога вторая жизнь. Сейчас ко мне лучше не соваться. Я была так взвинчена, что в прошлом лишь Мортон мог принести мне покой и равновесие. Но он умер. Я совершенно одна. Без помощи. Без поддержки. Слабая, растерянная и испуганная...

В комнату осторожно прокралась табуретка. Постоянно останавливаясь и нерешительно переминаясь ножками, она всё же двигалась ко мне и замерла рядом, преданно помахивая отцепившейся частью, на которой крепилось сидение. Подмигнув шляпкой гвоздя, выгнула спину и потёрлась об меня, словно бездомный кот.

Я протянула руку и провела ладонью по слегка шершавой поверхности дерева, и существо задрожало. То, что от удовольствия, я поняла, поскольку это чудо подставлялось под мою ладонь.

Может, стиль лофт не столь уж отвратителен?

Глава 30

Александр

С момента, как Флоренс с помощью Джонатана и Пёселя Лаврентьевича поймала магнус, прошло несколько вполне спокойных дней. Казалось, женщина смирилась с моим существованием, но относилась как к невидимому гостю. Приглашала к столу, передавала что-то через детей, сама же старательно избегала моего общества.

Не то чтобы я обижался на её демонстративное отгораживание, но считал, что мы должны найти хоть какие-то точки соприкосновения. Если не подружиться, то научиться хотя бы сосуществовать, как коллеги. И что тут скрывать, мне было приятно смотреть на красивую женщину.

– Пап! – окликнул меня Джонатан. – Посмотри, вот так надо?

– Тс! – вздрогнул я и оглянулся на приоткрытую дверь. – Ты же знаешь, твоя мама терпеть не может, когда вы так ко мне обращаетесь.

– Что делать? – отложив молоток, ехидно усмехнулся парень. – Одним этим словом я могу добиться больше, чем целой тирадой. Ты сразу становишься внимательным и покладистым!

– Штангенциркулем меня... – поперхнулся я и покачал головой. – А ты хитрюга, пацан!

– Я окликал тебя несколько раз, но ты о чём-то задумался, – внимательно осматривая часть нового шкафа, с удовольствием прокомментировал он. Дотронулся до железной трубы и выпустил искру магии, которая мгновенно спаяла едва заметную щель. – Надеюсь, ты не думал, что я отношусь к тебе как к отцу?

Если честно, я так и думал. Точнее, надеялся, что обрёл в сердцах детей достойное место. Но признаваться в том, что принимал манипуляцию за искреннее проявление чувств, не собирался. В конце концов, это не впервые в моей жизни. Жаль, после первого урока я так ничему и не научился...

Нет! Это совершенно другое. Тогда я действительно открыл душу, позволил другому человеку забраться туда и хозяйничать, как у себя

дома. Стиль лофт? Карина ненавидела его. А я не понимал её нежную привязанность к хай-теку. Но смиренно выбрасывал то, что девушке не по нраву, обставлял комнату стеклом и шпиговал ненужными гаджетами. Потому что любил...

Джонатан же сам сделал шаг навстречу. Желая подружиться, назвал меня так, как мне хотелось. И что с того, что он вложил в это слово другое значение? Мне было приятно... Да что там! Я растаял. Потому что всегда мечтал о большой и крепкой семье. Но Карина и слушать не желала о детях, её девизом было грёбаное чайлдфри!

– Пап!

– А? – встрепенулся я и виновато пожал плечами. – Извини, опять задумался.

– Я вижу, – фыркнул он и указал на свою работу. – Так пойдёт? Или переделать?

Я весело расхохотался, глядя на парня. Он настолько педантичен, серьёзно подходит к любому делу и замечает малейшие недочёты. Скрупулёзен до мозга костей! Взлохматив голову пацана, я попросил:

– Зови меня Сокол. Или Саша. Не будем дёргать смерть за усы... То есть нервировать твою маму.

– Тебя так впечатлило то, как она избавилась от магнуса? – понимающе улыбнулся Джонатан.

– Я был потрясён, – откровенно признался я и одним ударом вставил в пазы криво севшую полочку. – Красивая, хрупкая и жутко опасная!

– Мама слабый маг, – нахмурился юноша и, снова выпустив пару искр по железному основанию, добиваясь совершенства, гордо добавил: – А я унаследовал дар отца... Только бы его освоить, тогда ещё круче смогу! Правда, до уровня великого и ужасного мне не дотянуться никогда. – И вдруг сменил тему. – А ты на самом деле считаешь маму красивой?

– Конечно, – примерив дверцу, рассеянно отозвался я и осёкся, осознав, что ступил на скользкую дорожку. Глянув на прищурившегося пацана, невинно поинтересовался: – Кстати, а где живёт этот великий и ужасный?

– Устин? – с пыхтением прикручивая петлю, переспросил Джонатан. – В своём оплоте, вместе с дочерью Анитой и женой Софией. Она из...

– Моего мира, – повесив дверцу, кивнул я. И продолжил расспросы: – Я всё не могу взять в толк, почему они не помогли одиноким детям, у которых исчезла мать? Могли бы приехать. Или забрать вас к себе.

– Стражи не могут оставлять свои оплоты, – серьёзно посмотрел он. – Нам надо ежедневно наполнять стены магией, чтобы не дать прорваться тварям из Замирья. Каждый замок построен на месте соприкосновения миров, и здесь магнерам проще всего разорвать пространство. То есть магнеру. Он один остался. Поэтому мне нужно как можно быстрее освоить дар, чтобы защитить мать и сестрёнок.

– Вас трое, – повесив вторую дверцу, заметил я. – К тому же среди вас есть сильнейший маг! А магнер один-одинёшенек... Разве так сложно с ним справиться?

– Одинокий опаснее. – Парень наградил меня по-взрослому тяжёлым взглядом. – Ему нечего терять...

– Сокол! – В комнату влетел Пёсель Лаврентьевич. – Там Агнесс во сне ходит!

– Что?! – одновременно вскочили мы с Джонатаном.

– Перила ещё не доделаны! – ахнул я.

– Сестра ещё ходить не умеет, – озадаченно добавил парень.

– Она в этой жуткой конструкции. – Пёс активно замотал хвостом. – Идёт очень медленно и сопит!

– В ходунках? – догадался я и выбежал в коридор.

Да, малышка совсем кроха, но не стоит забывать, что она тоже владеет магией. И поэтому опасна... прежде всего для самой себя. Следом за мной торопился Джонатан. Пёс нас обогнал и поскакал вперёд, показывая дорогу.

При виде медленно ползущих ходунков, в которых, завалившись набок, сладко посапывала умаявшаяся за день Агнесс, я остолбенел. Ноги девочки волочились по полу, она не сделала сама и шага, но конструкция на колёсиках продолжала неторопливо продвигаться вперёд, словно в фильме ужасов...

По спине поползли мурашки. Сглотнув, я невольно отступил на шаг, и тут ходунки замерли. Я затаил дыхание, Джонатан вцепился в мой локоть до ощутимой боли, а Пёсель поджал хвост и спрятался за нас. И тут из-за ходунков выглянуло нечто маленькое, сверкнули зелёные глаза, и я негромко рассмеялся.

– Герман! Как ты нас напугал...

– Я вовсе не испугался, – насупился Джонатан и, торопливо убрал руку, глянул волчонком. – Я вообще ничего не боюсь. Ни магнуса, ни магнеров! А тем более свою маленькую сестрёнку...

– Тише, – осадил я разволновавшегося юношу. – Агнесс разбудишь.

Шагнув к девочке, осторожно вынул из ходунков и поблагодарил скелет:

– Спасибо, Герман. Долго тебе пришлось толкать её? – Не сдержал дружеской подколки: – Лоб не болит?

Ответом мне было раздражённое щёлканье челюстью, я добавил с добродушной усмешкой:

– В следующий раз стоит позвать кого-нибудь, а не пыхтеть самому.

Понёс малышку в детскую, которую мы с Джонатаном оборудовали в нашем любимом стиле. Ажурная конструкция в виде огромной птичьей клетки, спаянная магией Джонатана из железных труб, была подвешена и равномерно покачивалась. Это очень понравилось нашей маленькой принцессе. Как и то, что внутри люлька в стиле лофт была выложена мягкими подушками.

Устроив внутри Агнесс, я несколько секунд полюбовался нашим «птенчиком». Нет ничего милее спящего ребёнка. Даже чужого. Как бы мне хотелось когда-нибудь так посмотреть на своего...

Стоп, Сокол. Запретная зона. У тебя и этих бы не было, но вмещалась маленькая смелая девочка и подарила новую жизнь одному отчаявшемуся пожарному.

– Кстати...

Я оглянулся и посмотрел на троицу, застывшую в дверях. Джонатан хозяйским взглядом осматривал нашу работу, и на лице пацана я ясно читал удовлетворение. Пёсель Лаврентьевич совсем не интеллигентно чесал задней лапой за ухом, а Герман тоскливо перебирал лапками-костяшками.

– Где Джессика? Я давно её не видел.

– Так это, – опустив лапу, посмотрел на меня пёс. – В сарайке сидит.

– И что она там ночью делает? – ужаснулся я.

– Дуется, – хмыкнул Джонатан.

– Надо это прекратить. – Я решительно направился к выходу. – А то...

– Лопнет? – приподнял уши Пёсель Лаврентьевич.

– Простудится, – осуждающе посмотрел я на собаку.

Спускаясь на первый этаж, я слышал позади шаги Джонатана, пыхтенье пса и стук костей.

Глава 31

Сарайка, в которой раньше хранились ржавые инструменты, светилась изнутри, будто избушка волшебницы. В какой-то мере так оно и было... Переливающиеся лучики пробивались через щели, мерцали и меняли оттенки. На миг я застыл, замороженный уникальным зрелищем.

– Как ей это удаётся?

– Шарики Софии, – спокойно пояснил Джонатан и зевнул. – Жена Устина придумала, как сделать их из обычного песка, магии Аниты и палящего взгляда Януария Второго...

– Кого? – нахмурился я.

– Привидение, – пожал плечами парень и, шагнув к сарайке, громко постучал. – Джесс, выходи. Хватит изображать из себя самую обиженную во всех мирах!

– Уходи, – было ответом. – Не хочу тебя видеть.

– Будто я горю желанием, – развернулся юноша. – Сиди там, раз так нравится. Сама себя наказывай!

– Злыдень! – буркнула девочка. – Смотри, не слишком злорадствуй, а то в магнера превратишься!

– Язва, – беззлобно бросил ей брат. – Никто с тобой не уживётся, будешь, как Бэтрис, одна-одинёшенька...

– Я и так одна! – перебивая его, вскрикнула девочка. – Мама с Агнесс возится и замок укрепляет. А ты всё время с папой...

– Соколом, – поправил Джонатан.

– Папой! – упрямо заявила она и добавила со злостью: – Моим папой! Это я его привела из мира живых, а ты крадёшь наше время. Он со мной должен играть, а не с тобой. Ясно?

– Постой-ка, – опешил я и удивлённо посмотрел на притихшего пса и сжавшегося Германа. – Джессика, неужели ты ревнуешь?

– А с тобой я не разговариваю, – процедила она. – Иди, стругай доски с Джо. Стройте ваши железные штуки... Ненавижу их! Тебя ненавижу!

Я заметил, как из щелей посыпались искры магии оттенка свежей зелени. Касаясь земли, они шипели, и трава вокруг старой деревянной сарайки начала темнеть. Дотронувшись до плеча Джонатана, я указал на метаморфозу.

– Что это?

– Такого раньше не было, – заволновался юноша. – Надо позвать маму.

И, повернувшись к замку, побежал со всех ног.

– Ой, пожалуй, я прослежу, чтобы парень не заблудился, – поджав хвост, пролепетал Пёсель Лаврентьевич и быстро попятился от позеленевшей сарайки.

– Эй, куда?..

Но было уже поздно — собаки и след простыл. Мы со скелетом посмотрели друг на друга.

– У тебя магия случайно не такая же? – с надеждой поинтересовался я. – Глаза зелёные, как эти искры.

Скелет уязвлённо щёлкнул челюстью и мстительно приподнял меня над землёй, лишая движения и дыхания. Благо всего на миг, намеренно напоминая о своих возможностях. Судорожно втягивая воздух, я с радостью ощутил под ногами землю и проворчал:

– Ладно, понял. Цвет магии — ещё не диагноз.

И внимательно осмотрел переливающуюся, будто новогодняя ёлка, сарайку. Не зная, что предпринять, нерешительно потоптался на месте. Одно дело, когда перед тобой реальная и знакомая опасность, – мозг сразу переходит в режим усиленной работы, предлагая одно решение за другим. Но сейчас задача другая...

И дело даже не в цвете магии или в непредсказуемости её последствий.

Я не знал, что делать с обидевшейся на меня девочкой.

– Я виноват, – вздохнул я.

Усевшись на траву, которой ещё не коснулись искры, подтянул к себе Германа. Скелету и так несладко пришлось, не хотелось бы собирать и череп! Как я помнил со школы, в нём двадцать три кости и тридцать два зуба. Так и зубрил: двадцать три и тридцать два...

Но эта бесценная информация не поможет мне получить прощение ребёнка.

– Я действительно слишком увлёкся восстановлением замка, – продолжал говорить, глядя на разгорающуюся сарайку. – Обучать Джонатана не планировал. Как-то само получилось. Пригодилась его магическая способность соединять железки. Это безопаснее сварки, не говоря о том, что быстрее...

– Ты постоянно с ним! – обвинила меня Джессика. – А когда не с ним, то с Агнесс. А я? Обо мне ты думал?

– Думал, – честно ответил я и нехотя добавил: – Но, признаюсь, меньше, чем ты того заслуживала. Сначала мне хотелось привести в порядок наш дом, а потом...

– А что, если не будет «потом»? – мрачно перебила она. – Что, если завтра нападёт магнер и... – Голосок её дрогнул. – И ты погибнешь? Как папа, покинешь меня.

– Не покину, – твёрдо пообещал я.

– Как ты можешь обещать такое?

Я заметил, что свечение сарайки поутихло, и молча порадовался маленькой победе. Пока не знал, что делать дальше и как вести разговор, но Джессика уже немного успокоилась, а это первый шаг к примирению.

– Никто не знает, что будет, – доказывала девочка. – Я верила, мама и папа всегда будут рядом, но сначала нас оставил один, потом пропала другая. Завтра может не стать меня...

– Джессика, не стоит думать о плохом, – уловив дрожание её голоска, торопливо вмешался я.

«Только не плачь!» – взмолился про себя.

Я и так не знал, как поступить и что сказать в утешение девочке, но если она разревётся, то и вовсе запаникую.

– Я и не думаю, – тихо ответила она. – Но я всегда помню об этом. Что «потом» может не наступить. Поэтому хочу жить сейчас.

Мы замолчали, и у меня в груди заскреблись кошки. Сарайка уже совсем перестала светиться, и я перебрался ближе. Привалившись спиной к стене рядом с покосившейся дверцей, посмотрел на небо. Бархатисто-чёрное полотно завораживало сверкающей россыпью чужих звёзд.

– Когда-то и я верил, что будет непостижимо счастливое будущее. С той, кого считал единственной. Но её «потом» было совсем другим. Сверкающим и воздушно-прозрачным, а моё — приземлённым и

устойчиво-надёжным. Таким разным, как хай-тек и лофт. Однажды «долго и счастливо» превратилось в быстротечные несколько месяцев. Это разбило все стеклянные замки, показав, что я жил одним только ожиданием счастья, а потом смерти. И лишь умерев, я начал по-настоящему жить. Потому мне хотелось вас хоть чем-то отблагодарить.

Мой голос звучал тихо, но я знал, что Джессика ловит каждое слово. И понимает мои чувства гораздо больше, чем кто-либо другой. Даже больше, чем я сам. Как-то незаметно мы превратились из обиженного ребёнка и взрослого...

В друзей?

– И не придумал ничего лучше, чем создать для меня счастливое «потом»? – строго уточнила Джессика.

Я ощутил, что улыбаюсь.

– Ты права. С этого момента мы будем жить настоящим. Обещаю тебе! Ты веришь?

Дверь распахнулась, и на пороге показалась девочка. Она вдохнула, собираясь ответить, как вдруг что-то сверкнуло. Сарайка вскочила и, гремя оставшимися внутри железками, резво побежала к реке.

– Эй, стой! – бросился я следом. – Это опасно...

Удивился уже на бегу:

– Что вообще происходит?

– Пёсель Лаврентьевич! – услышал позади крик Флоренс. – Гоните *это* к лесу! Пожарник...

– Да! – наплевав на неправильное название профессии, с готовностью отозвался я.

– В сторону, – процедила женщина, явно намереваясь атаковать магией.

И тут я понял, почему сарайка сорвалась с места. А ещё догадался о другом, поэтому развернулся и развёл руки в стороны.

– Не стреляйте!

– Что? – на миг растерялась женщина.

– Сарайка испугалась вашего первого залпа, – торопливо пояснил я. – Вот и побежала. А потом ещё и собака... Не надо её сильнее пугать. Скоро она сама остановится. Джонатан, – обратился я к приближающемуся парню. – Выпусти табуретки и комод из загончика. Пусть принимают в семью избушку без курьих ножек. Цыпа-цыпа!

– Не верится, – нахмурилась женщина, – что это Джессика постаралась. Я думала, это магия неприкаянной души.

– Я же не маг, – приманивая пугливую сарайку, хмыкнул я.

Смеясь, Джонатан уже открывал дверь ограждения, где мы держали ожившую мебель.

– Это всё обида Джесс!

– А можно мне ещё немного покататься? – выглянув, восторженно попросила Джессика.

– Утром, – строго ответила её мама и подняла на руки Германа. – Джонатан, унеси его в комнату к Джессике.

– Mam, я не сбегу ночью! – выпрыгивая из сарайки, насупилась девочка.

– Хочу быть уверенной в этом, – осадил Флоренс и посмотрела на меня. – Не хотите немного прогуляться?

Я так изумился, что она обратилась прямо ко мне, и смог лишь кивнуть. Пожелав детям спокойной ночи, потопал за хозяйкой оплота. За нами увязался комод, а табуретки радостно скакали вокруг боязливо жмущейся к загончику сарайки.

Глава 32

Флоренс

– Простите, – выдохнула я, не оборачиваясь к гостю из живого мира.

Смотрела то на тёмное небо, то под ноги и неторопливо брела по тропинке. Та убегала вперёд и, петляя вокруг крупных камней, стремилась вдоль реки к темноте леса. Где-то вдалеке трещали цикады, от воды доносилось бульканье — рыбы поднимались на поверхность и тут же исчезали в мутной глубине.

Прошло время, но ответа я так и не услышала. Впрочем, как и ожидалось.

Наблюдая за Александром всё это время, я догадывалась, что он не владеет магией, но признаться в собственных ошибочных подозрениях было непросто. Гораздо спокойнее было подозревать мужчину и видеть в нём опасность. Ведь он — потомок магов Замирья!

Остановившись на берегу реки, я понаблюдала за играющими рыбами. Обхватив себя руками, нехотя добавила:

– Мне следовало поблагодарить вас за заботу о детях. И о замке. Уверена, вам непросто пришлось.

И снова в ответ звенящая тишина. Это начинало раздражать, ведь произнести эти слова было непросто. Сдержав волну нахлынувшего гнева, я холодно уточнила:

– Вам совсем нечего мне сказать?

Оглянулась на мужчину и замерла при виде его белозубой улыбки. Александр играл с комодом, как с псом, и, поглаживая живую мебель, беззвучно смеялся.

Я головой покачала: ну совсем как мальчишка!

– Это странно, да? – поинтересовался Пёсель Лаврентьевич.

Когда пёс оказался рядом, я не заметила. Впрочем, это было неудивительно — Пёсель умел исчезать и появляться совершенно

незаметно. Эта способность не раз спасала животному жизнь, когда нападения магнуса были чаще и опаснее.

– Да уж... – передёрнула я плечами.

Действительно, видеть результат проснувшейся магии дочери было волнительно. Я ещё не определилась, как относиться к этой её способности. И всё равно думала, что без силы Замирья тут не обошлось. Не зря же Джессика смогла оживить лишь творения Сокола?

– Со мной он так не играл, – буркнул пёс и, озадачив меня этим, вздохнул. – А ведь я единственный с самого начала хорошо относился к неприкаянной душе. Несправедливо!

И, ещё раз тяжело вздохнув, побрёл прочь по привычному пути своего ежедневного обхода к замку. Пробегая мимо Александра, недовольно рыкнул на комод. Тот затрясся и вжался в мужчину — совсем как пугливый щенок. Но, стоило Пёселю Лаврентьевичу гордо удалиться, потрусил следом. Было забавно наблюдать, как ожившая мебель подлизывается к собаке...

– У вас красивая улыбка.

Вздрогнув от неожиданности, я поджала губы и сурово глянула на Сокола. Тот лишь усмехнулся и, присев на траву, приглашающе похлопал рядом.

– На самом деле мне есть, что вам ответить.

И замолчал, глядя на реку.

Мне хотелось остаться стоять и, скрестив руки на груди, наблюдать за мужчиной сверху вниз, но пришлось опуститься рядом, чтобы услышать ответ. Когда я устроилась и тоже устремила взгляд на воду, в которой резвились рыбы, Александр тихо проговорил:

– Вам не за что извиняться. Не знаю, как бы сам повёл себя на вашем месте. У меня нет своих детей... Хотя всегда хотел большую семью! Поэтому мне радостно слышать «папа». Но волноваться вам не о чем.

Он повернулся ко мне и снова обезоруживающе улыбнулся.

– Эти хитрецы вкладывают в это слово немного иное значение. Уверен, они нарочно говорят это, чтобы смутить меня и подразнить вас.

Я отвернулась и, испытывая некоторую неловкость, опустила голову, скрывая предательский румянец. Втянув воздух, наполненный

ароматом разогретых за день цветов, призналась:

– Да! Я тоже догадываюсь, зачем Джессика упрямо и демонстративно называет при мне отцом чужого человека. Джонатан всегда наблюдает, как я отреагирую на слова его сестры, и сам не упускает случая дёрнуть за струны моих нервов.

– Вам непросто приходится.

Я удивлённо глянула на мужчину. Думала, его покоробят слова о чужом человеке, но он не только не обиделся, но даже посочувствовал мне. Будто читая мои мысли, Александр кивнул и негромко добавил:

– Я действительно понимаю, каково. Защищать семью от страшной опасности, всегда находиться в напряжении и ожидать нападения. В одиночестве. Без поддержки. Это страшно.

У меня дрогнуло в груди, а на глаза навернулись слёзы. Прикусив нижнюю губу, я вскочила и, прогнав неуместную волну слабости, процедила:

– Больше никогда не смейте жалеть меня. Не такая я жалкая, как вам кажется. Я страж! Защищать Шаад и живые миры от магнуса — мой долг!

Развернувшись к замку, пошла прочь. Проклиная себя за решение попросить прощения и за эту ночную прогулку, во время которой едва не расплакалась, ни разу не оглянулась. Зря я поговорила с неприкаянной душой. Надо было и дальше избегать его. Захотелось повернуть время вспять.

– Флоренс, подождите! – Услышав голос Александра, почему-то замедлила шаг. Мужчина догнал меня и, застыв в метре, извинился: – Простите меня. Поверьте, я никогда не считал вас жалкой или слабой. Нет! Вы невероятно сильны духом. Я восхищён вашей стойкостью, но...

Он замолчал и глянул так, что у меня всё сжалось в груди. Резко отвернувшись, я направилась к замку. Мужчина, удерживая небольшую дистанцию, пошёл рядом.

– Но это неправильно, – упрямо закончил он. И тише пояснил: – Вы женщина и имеете право проявлять слабость...

– Вот как? – усмехнувшись, перебила я. Обернувшись, остановилась и саркастично приподняла бровь. – Женщина?

Остолбенеv, мужчина торопливо добавил:

– Я неправильно выразился... Не женщина. Хотел сказать, что вы — живой человек, а не робот!

– Не робот, не женщина, но живой человек, – совсем развеселившись, подытожила я.

– Вы очень красивая женщина...

Казалось, Александр смутился, и это было неожиданно приятно. Голос мужчины дрогнул, взгляд потемнел. Но через миг гость Шаада расправил плечи и твёрдо предложил:

– Я хочу разделить бремя, которое вы держите на своих хрупких плечах. Пожалуйста, позвольте мне это. Я не владею магией, но буду сражаться бок о бок с вами и защищать детей, Шаад и живые миры до последнего вздоха.

Всё веселье сдуло, будто ветром. Меня накрыло такой горячей волной удушающих эмоций, что я, не выдержав, разрыдалась.

Александр отпрянул, будто от удара, и сначала сделал шаг назад, но тут же замер. Осторожно протянув руку, он дотронулся до моей щеки и аккуратно стёр мокрую дорожку.

– Простите, если я вас расстроил... Но каким будет ваш ответ? Это действительно важно для меня. Вы... Согласны?

Зажмурившись, я смогла лишь кивнуть, и тут же ощутила себя в тёплых объятиях. Александр успокаивающе похлопал меня по спине и мягко произнёс:

– Спасибо.

А я могла лишь всхлипывать. Потому что, уткнувшись лбом в рубашку моего погибшего мужа, впервые с его смерти почувствовала себя не одинокой.

Глава 33

Александр

Я был потрясён и не знал, что сказать. Мог лишь обнимать эту хрупкую с виду, но такую сильную духом женщину и мысленно благодарить её за доверие. Чувствуя за спиной крылья, в этот момент я был готов в одиночку справиться с жуткими монстрами и их опасным хозяином, но понимал, что это не в моих силах.

Зато я мог поддержать эту милую молодую женщину и обеспечить ей и детям поддержку. И уютный дом. Я уже на полпути к этому и не планировал останавливаться. А теперь, после того как мне официально разрешили, желал горы свернуть!..

Ведь разрешили?

Я осторожно отстранил притихшую Флоренс и заглянул в блестящие от влаги глаза.

– Вы не передумаете?

Женщина коротко отрицательно покачала головой и отвела взгляд, будто смущалась своего вида. Я деликатно отступил и повернулся, делая вид, что люблю рекой.

Флоренс тоже отвернулась и с преувеличенным рвением принялась играть с комодом.

– Думаю, нам стоит обсудить права и обязанности сторон, – натянуто предложила она. – У вас есть идеи по этому поводу? Какие функции... отца вы готовы принять на себя?

Я призадумался. Одно дело — мечтать о большой семье, но совсем другое — получить её вот так. И хоть я уже некоторое время жил в Шааде с детьми, до сих пор был им не отцом, а скорее другом. Теперь же, став партнёром их матери, должен был принять и не очень приятные стороны. Например, наказание...

И вдруг понял, что хотел бы избежать этого. Быть для детей добрым дядюшкой, а не карающим злодеем. И это была лишь одна из многих мыслей, которые диким табуном промчались в моей голове за пару секунд.

– У вас странное выражение лица, – искоса глянув на меня, усмехнулась Флоренс. – Неужели бравый пожарный испугался ответственности? Тогда я вас спрошу: вы не передумаете?

– Нет, – убедительно ответил я, а затем выпалил: – Как вы обычно их наказываете?

– Наказываю? – удивилась она и чуть поморщилась. – Мне бы не хотелось этого делать, но иногда приходится. В основном это серьёзный разговор и некоторые ограничения. – Повернулась ко мне и твёрдо заявила: – Можете отдать эту обязанность мне? Я не уверена, что смогу сдержаться, если увижу, что вы наказываете кого-то из моих детей...

Она нахмурилась и поджала губы, будто ожидая сопротивления и готовясь чуть ли не к битве, а я едва не расхохотался и хлопнул в ладоши.

– С радостью!

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнула она и тише добавила: – Боюсь представить, на что способна, если увижу, как кто-то обижает их. Спасибо, что понимаете. Но будьте готовы к тому, что они будут пользоваться своей безнаказанностью.

– Уверен, что найду способ договориться с каждым, – поспешил я заверить Флоренс. – В конце концов у меня получилось даже Агнесс накормить!

О количестве неудачных попыток и полученных шишек я тактично умолчал.

– Хм, – не повелась мама малышки и наградила меня слишком уж сочувствующим взглядом, но тут же сменила тему. – Кстати о договорах. Мне бы хотелось обсуждать изменения в замке до того, как вы приступите к делу.

– Без проблем, – торопливо покивал я. – Готов всё обсуждать на стадии проектирования и приму во внимание все ваши претензии и предложения...

– Нет-нет, – перебила она и, погладив комод, со смехом призналась: – Я в этом ничегошеньки не понимаю. Более того, точно буду возражать против малейших изменений! Вы должны понять меня, ведь...

Она осеклась и, оглянувшись на тёмную громаду замка, неторопливо пошла по направлению к нему.

– Это ваш дом, – догнав, тихо закончил я за женщину. – Я понимаю, поверьте. Это место, где вы долгое время прожили с теми, кого любите. И хотели бы оставить всё, как было.

– Да, – вздохнула она и продолжила: – Вот только перемен не избежать. Можно сказать, из них и состоит жизнь... И, как ни крути, в большинстве своём они к лучшему. Только это сложно принять.

Она замолчала, и я тоже не знал, что сказать. С одной стороны, мне было приятно, что мою работу так красиво и завуалированно похвалили. С другой — я сочувствовал горю вдовы, которая видела в старой обстановке моменты из прошлой и наверняка счастливой жизни.

В груди неприятно царапнуло, и я помотал головой, избавляясь от странного наваждения и желания наполнить замок (и жизнь Флоренс) не только новой мебелью, но и новыми светлыми событиями, о которых женщина будет вспоминать с такой же лёгкой и немного таинственной улыбкой.

– Прошлое должно оставаться в прошлом, – неожиданно серьёзно заявила Флоренс и, обернувшись, придавила меня тяжёлым взглядом. – Чтобы выжить, нам всем нужно смотреть в будущее. И я благодарна вам за напоминание этого простого правила, Александр.

Я затаил дыхание, а сердце ёкнуло. Несмотря на строгость тона Флоренс, услышать своё имя из её уст оказалось очень приятно. И я хотел бы наслаждаться этим снова и снова, наблюдая за оттенками женского голоса, – от вопросительного или восклицательного до нежного шёпота...

Когда мы приблизились к замку, она протянула руку для рукопожатия и открыто улыбнулась.

– Спокойной ночи?

– Доброго утра, – глянув на светлеющий горизонт, со смехом ответил я. – И спасибо за эту ночь, мы прекрасно провели время...

Замер, удерживая руку женщины в своей ладони. Очень уж двусмысленно прозвучали мои слова. В этот миг я осознал, что действительно не против большего количества обязанностей...

И прав.

Глава 34

Флоренс

У меня после ночного разговора с Александром будто гора с плеч рухнула!

И пусть с того момента прошло уже несколько дней, до сих пор в груди ёкало, когда я вспоминала его тёплый ироничный взгляд. И мягкое пожатие руки.

– Ты покраснела? – изумилась София, её лицо увеличилось в магическом шаре и сильно исказилось — сначала забавно вырос нос, потом глаз. Моргнув, подруга потребовала: – А ну наклонись! Нет, мне определённо не померещилось. И с каких это пор ты смущаешься от простого вопроса о госте из живого мира?

Она отстранилась, становясь более гармоничной. И тут же подскочила так, что шар полыхнул магией. Закрыла ладонями губы и округлила глаза.

– Неужели вы...

– Что? – нахмурилась я.

– Ну это... – Она подмигнула и прошептала: – Теперь парочка?

– Тише ты! – Я быстро оглянулась на дверь своей комнаты и, убедившись, что та плотно прикрыта, вздохнула с облегчением. Погрозила подруге пальцем. – Я понимаю, тебе повезло влюбиться в Устину, вот и хочешь устроить личную жизнь всем вокруг... Может, ограничишься Бэтрис?

– Кстати о ней, – посерьёзнела подруга. – Пора уже это обсудить.

– Нет, – отрезала я.

– Устин волнуется, что недомолвки между стражами приведут Шаад к гибели, – продолжала настаивать она. – Скажи, что точно произошло. Может, Бэтрис заперла тебя в Замирье случайно?

– Может быть, – согласилась я.

– Я тебе не верю, – тут же заволновалась София.

– Тогда почему спрашиваешь то, во что изначально не веришь? – по-дружески поддела я. И с тяжёлым вздохом добавила: – Соня,

послушай. Что бы тогда ни произошло, это уже в прошлом. Ты же не думаешь, что Бэтрис встанет на сторону магнера?

– Нет, конечно, – фыркнула она.

– Она страж и будет защищать Шаад до последнего вздоха, как любой из нас, – пожала я плечами. – А угроза нападения с каждым днём растёт. Чем дольше не появляется магнус, тем яростнее будет битва.

– Магнер остался один, – отмахнулась София. – Мы справимся! Лучше расскажи, как поживает у вас Сашка. Мне жуть как любопытно...

– Вижу, – невольно рассмеялась я.

Живой интерес подруги к земляку развеял тучи, которые душили меня во время этого непростого разговора. Устин не одобрял моего решения простить Бэтрис, и отношения между стражами натянулись, как струнка.

Я же держалась за свой выбор, потому что отчасти чувствовала себя виноватой. Да, я вернулась к детям, но при этом снова открыла магнеру путь в Шаад. И пусть никто из стражей ни разу не упрекнул меня в этом, не могла избавиться от давящего чувства ответственности.

Ведь я понимала, что должна была пожертвовать собой, но сердце рвалось к детям... И поэтому я с отчаянием ухватилась за возможность. Переложила ответственность на Александра, обвинив его во всех грехах. «Прости», сказанное в ту ночь, было и об этом тоже.

– Ну же, – поторопила меня София. – Я умираю от любопытства! Что он ещё натворил?

– Ох, вытворяет он, конечно, во что горазд, – хихикнула я и, подняв с пола шар, направилась к двери. – Я тебе лучше покажу!

– Стой-стой! – воскликнула подруга. – Это что за уродство рядом с твоей кроватью?

– Ты имеешь в виду картину?

Я повернула шар к стене, на которой красовалось аляповатое нечто, один взгляд на которое вызывал у меня улыбку. Я возразила:

– А мне кажется, это мило... Знаешь, когда Саша рассказывал детям о стиле лофт, Джессика загорелась написать портрет Агнесс, чтобы повесить его на этой стене. Хотела оживить её...

– Оживить эту стену может шпатлёвка и покраска, – вставила София свои вечные «пять копеек». Что означало это выражение, попаданка примерно объяснила. – Понять не могу, как ты могла позволить этому пожарному так изуродовать свой замок. Он превратил твой дом в пещеру допотопного человека. Лофт? Да этот стиль выбирают только ленивые холостяки. Чтобы обои не клеить!

– Да-да, – рассеянно отозвалась я, уже наученная, что вступать в спор о стилях с Софией лучше не надо. – И вот, когда на картине уже был нарисован ребёнок... Надо признать, было довольно похоже! Так вот, Джесс решила продемонстрировать работу младшей сестре. Я лишь на минутку отвернулась, чтобы обсудить с Александром меню ужина...

– Агнесс не понравилось? – со смехом предположила подруга. – Посчитала, что Джессика недостаточно достоверно её изобразила, и решила исправить?

– Нет. – У меня потеплело в груди от одного воспоминания. – Мы сами не сразу догадались... Смотри! Ничего не напоминает? Маленькая подсказка: посчитай вот эти пятна.

– Малышка дорисовала остальных? – догадалась София. – Это, наверное, Джонатан с сестрой, ты... Хи-хи! Какая красotka с глазом на носу... Точнее, на морде собаки! Пёсель Лаврентьевич получился великолепно, особенно все его шесть хвостов!

– И как ты всё это видишь? – заулыбалась я. – Мы лишь по количеству пятен догадались.

– Некоторое время я увлекалась абстракционизмом, – ехидно заметила подруга и добавила серьёзнее: – У Агнесс настоящий талант. Она ещё ходить не научилась, а как рисует! Но всё-таки, что это за уродство?!

Я покачала шаром, пытаясь понять, какая из задумок Александра так сильно раздражает Софию.

– Нет, эта громадная люстра мне даже нравится, – вела меня подруга. – Кстати, хорошая задумка. Надо попросить Януария Второго просверлить в трубе веранды такие же отверстия и поставить в них светящиеся шарики моей дочки. Знаешь, что в живом мире вот-вот будут праздновать Новый Год? Почти гирлянда получится!

– Может, вешалки? – повернулась я.

– Так это вешалки? – угрюмо проворчала София. – А я подумала, что у Сашки материала на что-то не хватило, вот он махнул рукой и наплёл тебе, что так и задумано... Нет, ты мне скажи — где у этих стульев вторые половинки?

– Внутри, – честно призналась я. Настроение подскочило до отметки «чудесно». – Когда Сокол их сделал, Джонатан решил пододвинуть их к стене, чтобы не мешались... Магией! Ну и...

– Ясно, – расхохоталась подруга. – Они могли разбиться, но впаялись в стену. И теперь это вешалки?

– Между прочим, это оказалось удобно, – поделилась я. – К тому же я с самого начала говорила Александру, что стулья в спальне не нужны. Но он настоял... А после утверждал, что это была моя идея. Как тебе?

– Да как всегда, – поддакнула София. – Мне кажется, у мужчин в ушах встроенный фильтр, который пропускает из всех слов лишь те, которые они сами хотели бы услышать. Я вот думаю, что пора писать Устину письма и требовать подпись о получении, как у секретаря!

Смеясь, мы перекидывались шутками на тему взаимоотношений, а я показывала подруге обновлённый замок. И пусть София ненавидела стиль лофт, но даже она признавала: Александр проделал огромную работу.

– И всё же хай-тек красивее и удобнее, – упрямо подытожила она. – Но уговорила... Хай так! Где же твой иномирный герой?

– Спит, – шепнула я, приближаясь к комнате Сокола. – Он наконец отыскал все части Германа и с детьми собирал его до самого рассвета. А теперь... Смотри!

Я аккуратно приоткрыла дверь и просунула шар. И сама прикусила губу, чтобы не улыбаться слишком умиленно при виде раскинувшегося на добротной кровати храпящего Сокола.

Под одним его боком клубочком свернулась Джессика, под другим притулился Джонатан, а Агнесс вольготно расположилась на самом мужчине. Свесив ручки, она посапывала и во сне подёргивала ножкой, периодически пиная небритый подбородок Александра.

– А где же счастливый пазл? – громким шёпотом уточнила София.

Я с трудом оторвалась от милой картинки и перевела взгляд на пол, где были разложены кости... Не хватало лишь черепа и фаланг пальцев.

– Ой, смотри, – перепугалась София. – Паучий скелет!

– Это Герман, – успокоила я подругу, когда тот, перебирая косточками, выбежал в коридор и направился по своим делам. – Оказалось, ему так удобнее.

– Мини-версия, – понимающе хмыкнула подруга. – Фло, меня дочка зовёт... До связи!

– Привет Устину, – попрощалась я и, поколебавшись, добавила: – И Бэтрис.

Всё же однажды придётся серьёзно поговорить с ней.

Глава 35

Александр

После того как доктор озвучил мой диагноз, а девушка, которая была для меня всем, отвернулась, я не ждал, что когда-нибудь почувствую себя абсолютно счастливым. Более того, перешёл в режим «дожития», стремясь лишь к одному — успеть спасти хоть кого-то, раз сам всё равно скоро загремлю в ящик...

Но жизнь оказалась не так проста. Не знаю, кто на небесах играл со мной в покер (или в «дурака?»), но, когда «карта пошла», я был готов расцеловать это нечто в обе щёки. Если они у него есть.

Я и не рассчитывал на то, что мы с Флоренс так быстро придём к взаимопониманию!

В один прекрасный момент что-то будто щёлкнуло, и между нами растаял лёд. Одно тихое «прости», и красивая сильная женщина открылась мне с другой стороны. Оказалось, что непримиримый страж Шаада может мило улыбаться и выглядеть хрупким и беззащитным!

Я вздрогнул и, смущённо кашлянув, отвёл взгляд. Кажется, я уже некоторое время пялился на Флоренс, которая сидела напротив меня и, попивая чай, что-то внимательно читала. И судя по тому, как многозначительно переглядывались дети, а их мама, наоборот, не отрывала внимания от книги, это не укрылось ни от кого...

И тут мне прилетело по лбу.

– Агнесс! – схватившись за ушибленное место, возмутился я. – Ты опять? – Отобрал у ребёнка половник и всучил ложку. – Кушай! А то Сокол сделает а-та-та!

– Сокол лишь может предложить твоей маме сделать тебе а-та-та, – не поднимая головы, строго поправила меня Флоренс. – Поэтому не бойся, дочка.

Малышка довольно засмеялась и, опустив ложку в тарелку, зарядила свой метательный снаряд, но от прямого попадания меня спасла быстрая реакция. А вот Пёселя Лаврентьевича, который, развалившись на полу, деловито обгрызал кость (надеюсь, не из пазла

Германа), провидение не пощадило. И прилетевшая карма... то есть ложка, полная манной каши, мгновенно преобразила собаку, придав ушастому очаровательной гламурности.

Шалунья радостно захлопала в ладошки, но Флоренс сурово произнесла:

– Агнесс.

И ребёнка будто подменили. Ручки сложила, на милом личике невинная улыбка, и в глазах ни искорки радости от удачной проказы. Лишь ротик открыла, как самая послушная девочка в мире.

– А-ам!

Честно, я каждый раз диву давался. Как?! Одно слово — и передо мной другой человек! Нет, это нечто фантастическое... Связь матери и ребёнка непостижима.

Впрочем, волшебство обычно продолжалось недолго, и не стоило тратить время зря. Поэтому я подхватил другую ложечку и ловко всунул малышке в рот немного каши. Потом ещё чуточку, и поспешил повторить фокус пару раз, пока...

Она всё же фыркнула. Мы с Джессикой стремительно скрылись под столом, а вот Джонатан не успел и возмущённо воскликнул:

– Агнесс! Я весь в каше!

– Ему полезно, – хихикнула под столом Джесс и прошептала: – Пойдём после завтрака на речку?

– А мама разрешит? – так же тихо уточнил я.

– Разрешит, если она уберёт со стола, – скучающим тоном проговорила Флоренс, и мы сели на свои места. – Но проследите, Александр, чтобы дочь в воду не лезла. Зелья против яда зверорыб ещё не настоялись. Не хочу рисковать здоровьем девочки.

– Разумеется, я присмотрю, – торопливо заверил я, помня своё обещание уделять внимание каждому из детей. И до сих пор пытался следовать своим словам, выбирая такие игры, которые больше всего понравились бы тому ребёнку, с которым я проводил время. – Не волнуйтесь.

– Возьмите с собой комод, – наконец оторвавшись от книги, попросила Флоренс и едва заметно улыбнулась. – Он совсем застоялся в стойле. Пусть побегает и разомнёт ящики.

Я ощутил, как уголки губ машинально дрогнули, отзеркаливая её улыбку, и, отвернувшись, прокашлялся. Радуюсь, что отросшая за эти

недели борода скрыла её, провёл ладонью по всё ещё кудрявым волосам. Причёска тоже изменилась — ведь мои волосы были прямыми, а магический завиток остался лишь на кончиках, — и выглядела забавно. Джессика пару раз порывалась меня подстричь, но я мужественно отбивался.

Поднявшись, я аккуратно вытер малышку и, вынув её из стульчика, усадил в ходунки. Агнесс с криком индейцев тут же умчалась к загону с весело скачущими табуретками. Я отметил, что комод действительно держится в стороне и выглядит унылым.

– Джонатан?

– Что? – вытирая лицо, недовольным тоном отозвался парень.

– Больше уважения в голосе, – спокойно потребовала Флоренс.

И юноша, отбросив полотенце, широко улыбнулся:

– Слушаю тебя... Папа!

Но его шпилька пролетела мимо — Флоренс уже несколько дней никак не реагировала на такие выходки, а мне и вовсе было приятно, когда Джонатан или его сестра так обращались. Лишь парень всё ещё не верил, что утратил рычаг управления мамой и её гостем из мира живых.

– Принеси ящик с инструментами, – помогая Джессике собрать посуду, попросил я. – Возможно, комод требует некоторого ремонта.

– А можно я? – тут же загорелся Джонатан. – Пожалуйста, Сокол! Я хочу сделать это сам!

– Угу. – Сложив тарелки, я отступил на шаг. – Если что, я исправлю.

Флоренс, продолжая читать, приподняла книгу, а Джессика в этот момент, от усердия прикусив нижнюю губу, сложила пальцы и, щёлкнув ими, выпустила зелёную искру. Скатерть на миг обрела травянистый оттенок, и посуда с остатками еды испарилась. Когда ткань снова побелела, девочка хотела её сложить, но услышала:

– Подожди.

Флоренс постучала по столу сначала два раза костяшкой безымянного пальца, затем три раза — мизинца, и потом один раз — среднего. Ткань на мгновение окрасилась в жёлтый, а когда посветлела, я увидел самую настоящую бритву. С триммером.

– Кажется, это вам пригодится, – не глядя на меня, пояснила женщина и хитро усмехнулась. – А то я всё чаще ловлю себя на мысли,

что путаю вас с Пёселем Лаврентьевичем!

– Да?! – Пёс возмущённо приподнял уши. – А как же моё неповторимое и непревзойдённое пение? Флоренс, этот мужлан так не сможет!

– И то верно, – смеясь, поддержал я расстроенную в лучших чувствах собаку. И поблагодарил хозяйку замка: – Спасибо. Я пробовал использовать нож, но...

– Да, я видела, как Джессика в доктора играла. – Оторвавшись от книги, Флоренс окатила меня задорным весельем во взгляде. – Я вам действительно посочувствовала...

– Моё счастье, что зелья от яда зверорыб ещё не настоялись, – смутившись, отшутился я.

Взяв бритву, покрутил в руке и нажал на кнопку. Прибор зажужжал, и я улыбнулся.

– На аккумуляторах! Хорошо, а то здесь нет розеток.

– Кстати о них. – Флоренс отложила книгу, когда Джессика сложила и убрала скатерть. – София установила на крыше солнечные батареи, и в их замке...

– Да-да, ваша подруга весьма изобретательна, – поторопился перебить я её и махнул рукой. – Джесс! Спорим, я быстрее добегу до берега?

Счастливо взвизгнув, девочка бросилась к реке.

– Но... – поднялась Флоренс.

– Спасибо за бритву! – крикнул я, поспешно удаляясь.

Я очень хорошо относился к Флоренс и был готов исполнить почти любое её желание... Звезда с неба, самородок из-под земли, переделать всю мебель заново... Даже, если надо, построить новый замок! Всё сделаю, кроме одного: в моём доме никогда не будет и следа стиля хай-тек!

В нашем доме.

Глава 36

Флоренс

Жизнь моя потихоньку вошла в новое русло. Я привыкла вставать, когда высплусь, а не когда Агнесс потербит меня или поднимет рёвом, – младшая дочь предпочитала проделывать всё это с Соколом.

Стало обыденностью то, что не приходится следить за занятиями Джонатана — сын сам спешил развить свой дар и предпочитал делать это с Александром.

Может, ему необходимо мужское внимание, которого он был лишён по воле злого рока? Или на фоне человека без капли магии ребёнок ощущал себя всемогущим? Или парню просто интересно соревноваться с сестрой, которая неожиданно проявила недюжинные способности, и впервые наследие старшего оказалось под вопросом?

Кто знает. Я лишь понимала, что дети обожают своего нового «отца»...

Я поморщилась и, отставив чашку с бодрящим зельем, которое принимала после ежедневного укрепления магией стен, перевернула страницу.

– Что такого понаmeshала Джессика, что тебя так перекосило? – Пёсель Лаврентьевич вильнул хвостом и облизнулся. – Ты бы сначала на мне проверяла. Меня, если что, не жалко... А ты страж Шаада!

– Тебя жалко. – Я посмотрела на пса и понимающе улыбнулась. – Таких уникальных собак днём с огнём не сыщешь. Кто ещё способен убивать наповал искусством?

Видимо, его сильно задела шутка, брошенная мною несколько дней назад. И хоть шпилька была направлена на нашего гостя, животное обиделось. Ведь я задела гордость этого невероятного существа. Настало время признать это и извиниться, что я и сделала. Очень аккуратно, чтобы в мою искренность поверили.

Собака польщённо оскалилась и, жмурясь, нежно пропела:

– Очаро-ована, околдо-ована...

Я отложила книгу и закрыла глаза, позволяя себе насладиться пением. Невероятный голос собаки вибрировал где-то в районе сердца и наполнял глаза влагой. Пёсель Лаврентьевич редко баловал жителей Шаада такими выступлениями. Он тщательно охранял свой голос — действенное оружие против магнуса — и позволял себе лишь раздражающие окружающих распевки.

Но когда собака старалась, это трогало до глубин души. И сейчас я слушала признание животного и его искреннюю благодарность за моё возвращение, с трудом сдерживая слёзы. Пёсель Лаврентьевич никогда не сказал бы прямо, что скучал и переживал за кого-то. У каждого свой способ выражения чувств.

Когда песня завершилась, я ничего не сказала, зная, что пёс смущён и мечтает поскорее скрыться. Я и сама не желала открывать глаза, чтобы дать себе минутку успокоиться.

– Позвольте присоединиться?

Вздвигнув, я посмотрела на Александра и тут же отвела взгляд. Бежевые брюки моего мужа слишком сильно облегли мышцы длинных ног мужчины, а небесный цвет рубашки подчёркивал загар шеи чересчур откровенно.

– Что? – Александр дотронулся до подбородка. – Всё ещё смешно?

Когда мужчина побрился, дети потешались забавным переходом от тёмного оттенка кожи лба и вокруг глаз к белому на щеках и у губ. Постепенно разница перестала быть заметной, но я всё равно кивнула.

– Будто маска на вас.

– Дети говорили, – добродушно хмыкнул он и, не дожидаясь предложения, уселся напротив. Отхлебнув из своей кружки, посмотрел в сторону реки. – Утро выдалось прохладным. Вы не замёрзли?

Я повела плечами, прислушиваясь к себе.

– Нет... Я же насыщала магией наш оплот.

– Угу.

Продолжая любоваться пейзажем, Сокол снова шумно отхлебнул напиток. Уголки моих губ дрогнули, потому что показалось милым, что этот крупный накачанный мужчина в некоторых делах ведёт себя как ребёнок.

– Это очень сложно? – Отставив кружку, Александр посмотрел на меня так неожиданно, что я невольно затаила дыхание. – Вам

приходится восстанавливать силы. Значит, это непросто.

Я машинально открыла книгу и начала листать страницы. Не потому, что меня смущал сочувственный взгляд его голубых глаз. Я не запомнила, где остановилась...

– Вам всё ещё неловко со мной? – осторожно уточнил Сокол.

– Я не привыкла жаловаться, – помолчав минуту, с трудом произнесла я.

– Мы просто разговариваем. – Он подхватил свою кружку и уткнулся в неё. Смотрел на реку, обращаясь ко мне. – Как друзья. Можете поделиться своими переживаниями? По утрам вы такая тихая, будто магия выкачивает из вас все силы. И физические, и душевные. Мне кажется, что вы полностью истощены и даже двигаетесь с трудом.

Нужное место в тексте никак не находилось, и я раздражённо захлопнула книгу. Откинулась на спинку кресла-качалки, которое сделал для меня Александр, и прижала ладонь ко лбу.

– Дело не в магии! Да, это утомляет, но не так, как вы описали. Раньше я так огорчалась, что нет времени просто посидеть в тишине, почитать книгу, выпить чашку зелья... Банально восстановиться! Меня постоянно что-то заботило. Дети требовали внимания, замок — уборки, безопасность Шаада — сил. Мне казалось, что я живу в центре урагана и не понимаю, куда нас всех несёт!

Я осеклась и, выпрямившись, задержала дыхание. Что в меня вселилось? Отложив книгу, цапнула чашку с зельем и допила последние горькие капли. Оценив вкус остывшего напитка, изумлённо обернулась на замок. В окне комнаты Джессики мелькнуло светлое личико дочери. Спряталась?

– Вот хитрюга!

– Что? – удивлённо покосился на меня Александр.

Я лишь рассмеялась и, покачав головой, глубоко вдохнула. Посмотрела на мужчину.

– Хотите знать, что со мной?

– Да, – без обиняков ответил он.

– Мне скучно, – спокойно призналась я. – С тех пор как вы появились, мне стало легче жить. Вы взяли на себя многие заботы, и у меня вдруг стало много свободного времени. Выяснилось, что я понятия не имею, что с ним делать.

Высказавшись, я оперлась на металлические подлокотники и поднялась из кресла. Скрипнув, оно покачнулось и замерло перед основательным столом. Тот занимал много места на небольшой площадке, окружённой выложенными из кирпичей столбами.

Александр немало потрудился, чтобы создать беседку в стиле лофт. И пусть камин всё ещё был недоделан, это сооружение каждый день напоминало мне, как трудолюбив и продуктивен человек из живого мира. Он успевал всё! И играть с детьми, и заниматься с ними, и ремонтировать замок, и строить беседку...

А я? Что могла я?

Признаться в том, что начала завидовать Соколу, я не смогла даже с зельем проказницы-дочки.

Ко мне, перебирая ножками-фалангами, подбежал Герман, и я поставила пустую чашку на череп нашего преданного слуги. Мини-версия (как выразилась София) бодро побежал относить её на место, а я проследила за скелетом задумчивым взглядом. Не понимала, почему старику нравилось быть таким...

– Не хотите помочь? – вдруг предложил Александр, и я обернулась.

Мужчина встал и, сложив руки на груди, задумчиво посмотрел на кладку кирпичей в углу беседки. Удручённо цыкнул:

– Джонатан сегодня занят с комодом. Тот снова загрузил, и ящики перекошились... Да и табуретки что-то прихрамывают. А Джессика рисует с малышкой новый шедевр. Один я тут точно не справлюсь. Если у вас появилось свободное время, может...

– Конечно! – обрадовалась я.

Глава 37

Александр

Проснулся я оттого, что кто-то дышал мне в ухо. По телу прокатилась волна жара, в груди ёкнуло.

Вчера мы с Флоренс доделали камин, и по этому поводу Джессика угостила нас какой-то новой отравой... То есть зельем собственного приготовления.

После ничего не помню.

Я приоткрыл глаза и понял, что нахожусь в своей комнате. Тот же небелёный потолок с балками, те же кирпичные стены и недоделанный шкаф в углу — у меня на себя никогда не хватало времени, да и пользовался я вещами умершего мужа хозяйки замка. Там и свои немногочисленные пожитки хранил. Это было поводом почаще заходить к женщине.

На талию легла чья-то тёплая рука, и я затаил дыхание, а сердце зашлось как сумасшедшее.

Что же это получается? Девочка нарочно напоила нас любовным зельем? Значит, дети не против, что мы с их мамой будем парой? А сама Флоренс? Что она думает? Как отреагирует?

«Спокойно, Сокол, — осадил я себя. — Она лучше всех знает своих детей. И понимает, кто на что способен. И что мордашка у Джессики, когда она предложила нам „чайку“, была уж очень проказливой...»

Уголки губ дёрнулись, и я зажмурился. Неужели я понравился Флоренс, но приличия не позволяли женщине признаться в этом? И тогда она воспользовалась помощью дочери, сделав вид, что не знает о зелье?

Хотелось смеяться, плясать, обнимать свою женщину и выдумщиков-детей!

Но сначала я должен жениться. Надо узнать, как это делается, ведь в Шааде нет церквей или загса. А кольцо? Где я достану кольцо? Я не маг! Может, Джонатана попросить? Флоренс умело действует

через скатерть, а вот у её сына не всегда выходит получать то, что пожелал. Всё же работа над даром предстоит ещё серьёзная.

Я уже представлял себя в чёрном костюме с галстуком, а Флоренс — в роскошном белоснежном наряде, как мне облизали ухо.

Резко обернувшись, я столкнулся нос к носу с Пёселем Лаврентьевичем и, ощутив себя так, будто благополучно вывалился из окна, заорал.

Собака, не открывая глаз, присоединилась, выводя ноту настолько высокую и чистую, что оперный певец сожрал бы от досады палочку дирижёра! Болтая лапами, животное бежало за кем-то во сне и таранило при этом мои барабанные перепонки.

Я сдался первым и, замолчав, заткнул уши.

Пёс тоже замолчал и, пробормотав: «Куда ты от меня денешься, подлый магнус?» – свернулся клубочком.

Я сел и потёр горящее лицо.

– Приснится же... Свадьба? Сокол, полёту твоей фантазии позавидовали бы и бабочки.

Дверь распахнулась, и в мою комнату влетел косяк поделок из папье-маше. Будто вызвал! Они покружились под потолком и, видимо, не дождавшись приказа, покинули помещение. Я поднялся с постели и, ощутив неожиданное головокружение, покачнулся.

– Да что такое? – проворчал, опираясь о стену.

Когда тёмные мушки, что заплясали перед глазами, рассеялись, я шагнул к выходу. Затылок ломило, да и всё тело тоже. Возникло чувство, что я не камин, а целый замок построил. Причём в одиночку. Едва передвигая ноги, с трудом спустился по ступенькам, и каждый шаг отдавался болью перетренировавшегося спортсмена.

Когда оказался внизу, беспомощно огляделся в пустынном холле. Здесь даже Герман не пробежал! Пахло свежестью и цветами, а на диване блестел магический шар, с помощью которого Флоренс частенько связывалась со своей подругой. Значит, хозяйка замка недавно была здесь.

Я двинулся к входной двери, как стекло вдруг осветилось, будто мигнуло изнутри. Остановившись, я недоумённо посмотрел на шар — сейчас тот казался тусклым. Может, это мелькнул луч солнца, отразился, вот и показалось? Пожав плечами, снова направился к выходу, как услышал треск и глухой мужской голос:

– Неприкаянная душа-а-а...

Я замер и вздохнул: наверняка это Устин. Флоренс отзывалась о нём не иначе, как о великом и ужасном. Мол, он самый сильный страж Шаада, и только яйца зверорыб круче его!

Я недовольно скривился: бла-бла! Но отвечать было нужно. Я действительно в Шааде гость и лишь благодаря доброте Флоренс, которая могла бы вышвырнуть меня из мира, нахожусь здесь. Да и с соседями стоит поддерживать если не дружеские, то хотя бы нейтральные отношения.

Развернувшись, я сделал шаг к дивану.

– Что?..

Да так и застыл, с ужасом глядя на *это*.

– Впусти меня, неприкаянная душа-а! – Шёпот существа, казалось, прошёлся шкуркой по нервам.

И тут меня с места снёс маленький вихрь, оказавшийся Джессикой. Наваждение немедленно разбилось. Девочка обняла меня и, прижавшись так сильно, как могла, завизжала:

– Сокол, ты в порядке!

– Джесс, ты когда-нибудь его добьёшь, – со смехом прокомментировал Джонатан.

Сестра показала ему язык.

– Сначала тебя.

– Злюка!

– Язва...

– Не! – По полу прогрохотали ходунки Агнесс. Сама она, удерживаясь в конструкции, бежала ко мне со всех ног и, размахивая поварёшкой, угрожающе кричала: – Не-не!

Я смиренно приготовился к звенящему посвящению в адепты маленькой шалуньи, как малышка внезапно остановилась и протянула мне своё грозное оружие.

– Ня-а!

– С-спасибо, – опешил я, принимая подарок. Впервые она добровольно отдала свою любимую игрушку. С подозрением покосился на детей. – А почему вы такие добрые? В брюки клея мне налили? Табуретки в столовой подменили на живые? Или...

– Саша? – В холл вошла Флоренс. Женщина замерла на пороге и обеспокоенно осмотрела меня. – Почему вы встали? Как себя

чувствуете?

– Э-э... – Я уже не знал, что и предположить, поэтому ухватился за самое очевидное. – Я что, вчера переборщил с зельем Джессики? Хлебнул лишнего и отключился? – Обхватил голову ладонями. – Ох, простите! Сильную штуку ты сварила, детка. Могучие в Шааде грибы! Чувствую себя так, будто на меня потолок рухнул.

– Да он и рухнул, – заметил Джонатан. – Как и вся твоя беседка в стиле лофт!

– Ты не успел зелья попробовать, – обиделась Джесс. – Мы полдня тебя откапывали. Ты ни на что не реагировал... Знаешь, как я напугалась?!

Она снова обняла меня.

– Но я был в своей постели, – растерянно прошелестел я.

– Герман тебя отнёс, – пояснил Джонатан.

– А Пёсель Лаврентьевич поклялся ухаживать за тобой, пока я собираю травы для зелья, которое помогает ускоренному срастанию костей, – сухо добавила Флоренс и осуждающе покачала головой. – А вы бегаєте как здоровый.

– Но... – Я прислушался к себе. – Если не брать в расчёт странную слабость, головную боль и некоторые галлюцинации... – Я покосился на шар, который снова выглядел безжизненным. – То в целом я здоров. Уж я бы понял, будь у меня что-нибудь сломано.

– Сядьте, – отставив корзинку с травами, потребовала женщина и, когда я подчинился, быстро пробежалась ладонями по моему телу. – Хм. Странно.

Я смущённо покосился на детей и, отодвинувшись от озадаченной Флоренс, предположил:

– Может, в Шааде я обрёл ускоренную регенерацию?..

– Он пропал! – раздался сверху дикий визг, а через пару секунд показался и его обладатель. Пёсель Лаврентьевич, перескакивая через несколько ступенек, мчался сообщить новость. – Сокола нет. Совсем исчез!

– Насчёт «совсем» я бы поспорил, – успокоил я собаку.

От неожиданности та едва не покатила по лестнице кубарем, благо Герман оказался на месте и подхватил животное в свой волшебный щит. Но то ли пёс слишком активно болтал лапами, то ли

сил у скелета осталось немного, но призрачный шар повело, и собака с воем вылетела в распахнутое окно.

Повисла недолгая тишина, затем кто-то взвыл во дворе.

– Далеко улетел, – отметил Джонатан. – Наверное, боднул комод. Что же ты, Герман?

Скелет сверкнул зеленью глаз, меланхолично подполз к корзине с травами и установил себе на череп.

– Неси в лабораторию, – вздохнув, приказала ему Флоренс и повернулась к Джессике. – Поможешь? Сокол, а вы принесите больного.

– Заодно проверим, как себя чувствуют табуретки, – улыбнулся мне парень и вышел первым.

За ним, гремя ходунками, умчалась довольная Агнесс. Оставшись в одиночестве, я невольно обернулся и посмотрел на шар, но тут же отвёл взгляд и стремительно вышел во двор.

Флоренс говорила, что для связи нужны два мага.

Это точно была галлюцинация.

Глава 38

Флоренс

Дни потекли, как река около нашего оплота. Как-то незаметно выстроился распорядок дня. Я просыпалась раньше всех и обходила замок, усиливая стены магией. Магнуса после последнего нападения мы не видели, магнер тоже не спешил атаковать Шаад, поэтому вложенная в замок сила не утекала так быстро, как прежде.

Но я всё равно едва не падала от усталости по окончании своей работы.

Выходила во двор и устраивалась в новом кресле-качалке, как и сегодня. Брала в руки горячую чашку восстанавливающего силы зелья и любовалась видом из нашей новой беседки. Сокол принялся за её восстановление сразу, как Пёселю стало лучше.

Александр поднимался после меня, но раньше детей. И отправлялся сюда, чтобы продолжать работу. К нему присоединялась Джессика — она приносила мне зелье, и они оба шли купаться.

Как раз сейчас я наблюдала, как эти двое плещутся в речке, а вдоль кромки воды наперегонки с Пёселем Лаврентьевичем скачут табуретки... Кажется, малышам лучше. Но комода сегодня не видно, это удручает. Джонатан сильно переживал за совместное создание, ведь никто не мог сказать, что с ним не так.

Я собиралась посоветоваться с Устином по этому поводу, но всё никак не подворачивался случай. То разговоримся с его женой, то маг снова заведёт разговор о Бэтрис.

Мне же не хотелось и думать об этой женщине. Если в первые минуты своего возвращения я была готова выцарапать ей глаза, то с течением времени таяло желание как-либо общаться с этим стражем. И это тревожило: я не понимала саму себя.

— Вы выглядите недовольной, — услышала я хриловатый мужской голос и вздрогнула. — Снова переживаете по поводу зверорыб? Я же поклялся, что они не проникнут через установленную мною сетку, а вы всё не верите!

Задумавшись, я и не заметила, как эти двое вернулись с реки. Александр излучал свежесть и силу, когда вытирался полотенцем. После того как я подарила бритву, мужчина не пропустил ни дня, чтобы не воспользоваться ей. Я же жалела о своём щедром жесте — под густой растительностью и милыми кудряшками не было видно мужской привлекательности пожарного...

– У меня что-то на лице? – Поймав мой взгляд, Сокол провёл ладонью по гладковыбритой щеке. – Водоросли прилипли? Или рыба чешуя пристала?

Я съехидничала, чтобы скрыть смущение:

– Не могу привыкнуть к вашей новой причёске.

– А, это. – Он пригладил свои очень короткие волосы. – Я так и ходил в старом мире. Очень удобно, не нужно тратить время на мытьё волос. Да и здесь этот стиль пригодился... – Он усмехнулся, и вокруг глаз мужчины собрались лучики мимических морщинок. – Не рискую проснуться с разноцветным ирокезом, антеннками для связи с космосом или африканскими косичками на голове. Нет материала для творчества — нет проблемы! Или вам нравятся более гламурные мужские образы?

– Джессике очень нравится возиться с вами, – ушла я от ответа и уткнулась в почти опустевшую чашку.

– А мне с ней. – Перекинув полотенце через плечо, он уселся рядом и повернулся к ребёнку.

Дочка играла с Пёселем Лаврентьевичем, бросая палку, но та каждый раз была перехвачена табуреткой. Собака, отчаявшись опередить шуструю мебель, уселась на землю и, тяжело дыша, недовольно высунула язык.

Из замка вышел Джонатан. Потянувшись, он широко зевнул и приоткрыл дверь шире: на улицу одна за другой вылетели бумажные бабочки и, обгоняя друг друга, направились на утренний дозор вокруг замка.

– Пора позавтракать, – рывком поднялся Александр и посмотрел на меня сверху вниз. – Разбужу малышку и принесу.

– Агнесс снова спала с вами? – глянув на него исподлобья, уточнила я.

– Вам это не нравится? – виновато улыбнулся он.

«Слишком нравится, – стараясь не смотреть на бугрящиеся под атласной кожей мышцы его широких плеч, вздохнула я. – Меня это даже немного пугает».

А вслух ответила:

– Я потратила немало времени, чтобы приучить дочь спать одной, и все старания пошли прахом.

– Но она с Джесс... – начал было Александр, но тут же осёкся и серьёзно пообещал: – Я постараюсь всё исправить.

Слишком часто он даёт обещания! И очень уж многие из них выполняет. Я не привыкла к такому. Мортон был отличным мужем, мы любили друг друга очень сильно! Но ему постоянно было некогда, и приходилось прощаться со своими желаниями... Или брать всё в свои руки.

Я задумчиво смотрела вслед Соколу, когда на меня налетела Джессика.

– Мам, мам, ты видела нашу новую картину? Мне не терпится связаться с Анитой! Офигейро голову потеряет, когда в оплоте Устина увидят наш шедевр!

– Рыцарь и так её не имеет, – рассмеялась я и, обняв, поцеловала дочь.

Она счастливо вздохнула и прижалась ко мне ещё сильнее.

– Что такое? – удивилась я. – Неужели так соскучилась за ночь?

– Раньше ты меня не целовала, – глухо напомнила она. – А в последнее время делаешь это так часто, что я начинаю привыкать.

– К чему? – опешила я, понимая, что Джессика права.

Я сама не заметила, как начала проявлять к детям больше нежности.

– Быть счастливой, – выдохнула она.

У меня защипало глаза, я судорожно втянула воздух и посмотрела вверх, быстро моргая. Ещё расплакаться на пустом месте не хватало! Что-то я в последнее время стала излишне сентиментальной. Во времена, когда мы ежесекундно ждали нападения магнуса, никто на это не тратил время.

Сейчас же с каждым днём росла надежда, что защита Софии всё же не нарушилась, когда я вернулась. Нападений не было долгое время — ещё никогда за всю мою жизнь магнеры не давали нам таких длительных передышек.

София предположила, что тающие силы злодея не позволяют ему пробиться в Шаад, а подкрепиться ему теперь негде. Возможно, магнер уже мёртв...

Но я не верила в то, что наш враг так легко сдался. Мне до сих пор снились его белёсые глаза, в которых читалась неутолимая жажда. Живой магии покорённых миров. Безграничной власти, которая некогда отравила потомков сильнейших существ и стала угрозой всему живому...

– Мам!

Я встрепенулась и вопросительно посмотрела на Джонатана. Сын за это время вытянулся и возмужал, его голос начал ломаться, и порой я не узнавала его. Вот и сейчас я смотрела на юношу, который поигрывал молотком, и задавалась вопросом: когда мальчик успел так окрепнуть?

– Так что ты скажешь? – нетерпеливо спросил Джонатан.

– Прости, кажется, я задремала, – потёрла веки. – Не слышала твоего вопроса.

– Ты сидела с открытыми глазами, – повысил голос он и сверкнул глазами. – Так и скажи, что не считаешь меня готовым!

Подхватив сумку с гвоздями, он быстрым шагом направился к Джессике, которая склонилась над неподвижной табуреткой. Наверное, мебель упала и снова что-то сломалось.

– О чём он? – глядя на сына, задумалась я.

Тут послышалось знакомое «не-не-не», и я поднялась. С улыбкой приняла на руки дочку и, поблагодарив Александра, усадила девочку в детский стульчик. Сокол уже раскладывал волшебную скатерть, готовясь к завтраку. Я шутливо щёлкнула малышку по маленькому носику и вручила любимый половник — Агнесс тут же заколотила им по столу, будто созывая всю семью.

– Что случилось? – глянув на детей у реки, поинтересовался Александр.

– Судя по всему, табуретка сломалась. – Я встала рядом и тоже посмотрела на суетящихся Джессику и её брата. – Джонатан задал мне вопрос...

– Какой? – повернулся ко мне Сокол.

– Не услышала, – хмыкнув, призналась я. – Наверное, задремала. Или задумалась. Но, думаю, я знаю, о чём он. – Губ моих коснулась

улыбка, в груди разгоралось пламя гордости с горьковатым дымом сожаления. – Хочет стать настоящим стражем. Укреплять стены и защищать Шаад от магнеров и их тварей.

– Вы позволили?

Мне показалось, голос его был немного напряжён, будто Александр переживает за мальчика. Я посмотрела пожарному в глаза и спокойно ответила:

– Он вспылал, и мы не поговорили.

– И правильно, – выдохнул Сокол и подмигнул Агнесс, которая лепетала что-то на своём тарабарском и стучала по столу с таким энтузиазмом, будто желала его проломить. – Он ещё ребёнок, рано на баррикады.

– Нет, он уже вырос, – с лёгкой улыбкой наблюдая за сыном, который деловито чинил табурет, возразила я. – Думаю, стоит привлечь его к работе.

– Уверены? – осторожно поинтересовался мужчина. – В последний раз, когда он магичил в замке, внутри ничего не осталось. Вы сами упоминали, что истинные причины вашего возвращения неизвестны.

– Они такими и останутся, если мы ничего не будем делать.

Я обхватила себя руками, будто мне стало холодно. Что толку жаловаться о страхах? Как матери, мне боязно довериться ребёнку, но если я хочу, чтобы Джонатан повзрослел и стал сильным магом, как его отец, мне придётся сделать это. Пойти на риск и смириться с возможной неудачей. Возможно, с несколькими.

Как сынок учился у Александра владеть пилой и молотком, осторожно добавляя своей магии в процессе ремонта, так он освоит и работу стража...

На мои плечи легло нечто мягкое и тёплое, сразу стало уютно. Я удивлённо покосилась на плед, который Александр накинул на меня, и подняла взгляд на него самого. Произнесла с чувством:

– Спасибо.

– Не за что. – Он потоптался на месте, будто не знал, куда себя деть. Завёл руки за спину и добавил, будто оправдываясь: – Мне показалось, вы замёрзли, вот я и...

– Спасибо, – перебила его, повторяя благодарность. И, встав на носочки, мягко прикоснулась губами к его щеке. Отступив,

посмотрела на ошарашенного мужчину и пояснила: – Я только что поняла, что вы научили меня быть родителем.

Глава 39

Александр

– Скажи, если женщина — маг, то и поцелуи у неё волшебные? — сурово спросил я.

Агнесс плюхнула ложечку в кашу и, высунув от усердия язык, приподняла её над тарелкой. Довольная, что получилось, сунула себе в рот... Вот только каши зачерпнуть не удалось, ведь ложечка была перевернута. Малышка обиженно осмотрела предательницу, не понимая, почему та вредничает.

Я поправил прибор в маленьких пальчиках и помог девочке взять ею немного еды. Агнесс тут же возмущённо взвилась, и я привычно стёр кашу с подбородка. Задумчиво проговорил:

– Иначе как объяснить, что с того дня я не могу спать? Почти неделю бессонница! Я доделал беседку, Джонатан укрепил её... Если это так называется. Даже камин новый поставили! Я переделал дел столько, что пора просить повышение! Только какова следующая должность? Я был неприкаянной душой, стал гостем, затем дядей Соколом. Кто теперь?

– Па, — услышал громкое.

– И ты туда же, — усмехнулся я, потирая гудящие от недосыпа веки. — Старшие над мамой подшучивают, называя меня так, теперь и мелкая присоединилась...

И тут я застыл, невидяще глядя перед собой. Медленно повернул голову и уставился на ребёнка. Агнесс продолжала ковырять кашу и, сражаясь с ложкой, пыталась накормить себя самостоятельно.

– Что ты только что сказала? — Голос прозвучал сипло, и я прокашлялся. — Агнесс, повтори. Ты сказала «папа»?

– Чему ты учишь ребёнка, Сокол?

Джонатан вошёл в столовую и поставил у стола табурет. Сел на него и постучал по скатерти особым образом. Ткань поглотила две магические искры, и начали появляться тарелки. Одну из них парень пододвинул мне.

– Твой любимый плов.

– Спасибо, – поблагодарил я и решил прояснить ситуацию: – Я не учил Агнесс, она сама сказала.

– Что сказала? – Влетев в помещение, Джессика оставила дверь распахнутой и нетерпеливо заёрзала на своём стуле. – Вы снова без меня играете? Сегодня моя очередь!

– Сокол учит Агнесс говорить «папа», – уплетая румяный тост, сообщил Джонатан.

– Нет, я...

– И как успехи?

– Говорю же, она...

– Так когда мы пойдём в лес?

– Зачем вам в лес? – беспокожно глянув в окно, поинтересовался Джонатан. – Ты не видела тучи, Джесс?

– Ой, да брось! – беспечно отмахнулась девочка и откусила кусок пирога. – Магнус давно не появлялся. Даже Устин не помнит, чтобы было такое. София думает, они не выжили в замкнутом пространстве её магии.

– Глупости, – буркнул парень. – Бэтрис правильно сказала — они копят силы на один удар, ведь магнер остался один. Он будет действовать наверняка, потому что второго шанса нас победить у него не будет.

– Не копят, а скопытились давно, – не сдавалась девочка. – Нет у магнера выхода из Замирья. Нечем ему питаться!

– Вы считаете, что обсуждение монстров уместно за завтраком? – грозно спросил я.

– Да! – дружно ответили дети.

И только мелкая егоза затараторила:

– Не-не-не... – И добавила весомо: – Па!

– Вы слышали?! – подскочил я.

– Что? – невинно хлопнув ресницами, уточнила Джессика.

– Хочешь чая? – лениво предложил мне её брат.

Я вперил руки в боки.

– Вот значит как? Подтруниваете над отцом?

– Кто тут отец? – ехидно прищурился Джонатан, но, глянув за меня, тут же сменил тон. – Пап, ты посмотришь сегодня комод? У него снова задняя стенка отвалилась.

Догадавшись, в чём причина такой резкой перемены, я обернулся.

– Вы уже закончили с укреплением стен, Флоренс? Доброе утро!

– Глядя на вас, этого не скажешь. – Женщина подошла и взволнованно осмотрела меня. – Вы плохо себя чувствуете? Что-то болит? Скажите, я подберу травы, а Джессика сварит зелье.

– Прямо сейчас! – радостно подпрыгнула девочка.

– Всё в порядке, – попытался я их успокоить. Флоренс продолжала пристально рассматривать меня, и я решил отшутиться. – Плохо спится с тех пор, как Агнесс ночует в детской. Я скучаю. Никто не пинается и не сопит в ухо...

– Тогда не выгоняй Пёселя Лаврентьевича, – хохотнул Джонатан, – и будет тебе не только сопение, но и храп. Отлично выспишься!

– Па! – поддержала малышка, и я затаил дыхание.

Одно дело радоваться, услышав это, или же бодаться с детьми, гордо демонстрируя новое слово в лексиконе Агнесс. Но вот реакции Флоренс я побаивался. Казалось, мир между нами очень уж хрупкий. Мне не хотелось рушить его, затрагивая болезненные струнки её раненого сердца. Всё же потерять любимого мужа — большая трагедия. И неизвестно, можно ли оправиться от такого горя.

Но Флоренс будто не услышала. Она присела за стол и придвинула к себе тарелку с салатом. Отхлебнула восстанавливающего зелья и, подхватив на вилку ярко-зелёный лист, поинтересовалась:

– Почему вы завтракаете в замке?

– Мне показалось, что ветер сырой, – переведя дыхание, пояснил я. – Не хочу, чтобы Агнесс простудилась. Да вы на небо посмотрите! Кажется, собирается дождь.

Флоренс крупно вздрогнула и выронила вилку. Обернувшись к окну, она будто только заметила затянутое серыми облаками небо.

– Мам? – заволновалась Джессика. – Тётя Соня сказала, что они умерли!

– Я в этом сомневаюсь. – Джонатан сжал пальцы в кулак.

– Надо предупредить Устина.

Голос Флоренс прозвучал тускло и как-то обречённо, даже в груди защемило. Захотелось обнять её, произнести слова утешения, пообещать защиту, но я остался на месте.

Что я мог? Слабый человек!

Женщина поднялась и попыталась улыбнуться.

– Продолжайте есть, а я пока поговорю с другими стражами.

– Мам, твоё зелье...

Джессика схватила чашку, но Флоренс уже вышла и прикрыла за собой дверь. Наступила тишина, напряжение которой мне совсем не понравилось. Даже Агнесс будто стала ниже и незаметнее. Я решительно обратился к детям:

– Отставить панику. Давайте соберём совет.

– Давайте! – сразу обрадовалась Джессика. Она распахнула окно и громко позвала: – Пёсель Лаврентьевич! Идите на совет!

Через некоторое время послышались быстрые шаги со стороны коридора, дверь распахнулась, и ворвался возбуждённый пёс. Едва переведя дыхание, он облизнулся и восторженно спросил:

– Кому тут нужен мой ценный совет?

Джонатан кивнул на меня, и собака едва лапы от предвкушения не потёрла.

– Чего тебе, неприкаянная душа?

– Ладно, – смирился я с неизбежным. – Этот магнус и магнер. Как они нападают? Как вы сражаетесь? Надо обсудить это всем вместе. Если подозрения вашей мамы не беспочвенны, мы должны быть готовы!

– Вот оно что, – сразу поскучнел пёс и уселся у моих ног. – Уговорил, слушай. Я тут после Флоренс самый главный...

– Кхе!

Джонатан многозначительно глянул на него и щёлкнул пальцами, на ногтях которых сверкнули искры магии.

– После Флоренс и Джонатана, – быстро добавила собака.

– Эй! – возмутилась Джессика. – Давно от табуреток не бегал?!

– И Джессики, – твякнул Пёсель.

– Не-не-не!

Агнесс треснула половником по столу, и собака совсем сникла.

– Как выяснилось, Агнесс тоже сильнее меня.

– Но ты незаменим, – сжалился я над псом. – Твоё пение убивает магнус.

– О да! – оскалился пёс. – Но только определённые октавы. И ещё очень важно расположение монстра. Если он ко мне спиной, скорее всего, моё уникальное оружие не сработает.

– Значит, надо быть к врагу лицом к лицу, – заметил я и задумался. – Или морда к морде?

– Мы с Джонатаном можем бить магией, – подала голос Джессика. – Но сразу убить вряд ли получится.

– Ясно, – кивнул я. – А магнер?

– С ним может справиться только мама, – спустя некоторое время проговорила Джессика.

– Мне бы хотелось больше уверенности в твоём голосе, – нервно заметил я.

– На самом деле вряд ли, – возразил её брат. – Только если объединит силы с другим стражем. Или же воспользуется шариками Аниты.

– Это те светильнички? – встрепнулся я.

– Совместное творение Софии и дочери Устина, – напомнила девочка. – Они могут убить магнус и остановить магнера. Сама тётя Соня способна даже убить им!

– Потому магнер не полезет в их оплот, – вздохнул Джонатан. – Наш — самое слабое звено! Шанс злодея получить хоть что-то...

– Тогда нам нужно стать сильными!

Я стукнул кулаком по столу. Агнесс захохотала и тоже принялась колотить по нему, как заяц по весне. Джессика сбегала за листом бумаги, и мы принялись перечислять наши преимущества и недостатки. Где нужно укрепить защиту, что починить, а что убрать.

– Табуретки чувят магнус, – напомнил Джонатан и погрузился. – Только они всё чаще болеют. Не понимаю, в чём причина.

– Бабочки Софии, – подняла палец Джессика. – Они могут не только обнаружить врага, но и некоторое время удержать его. Но магия их быстро иссякает, поэтому чаще раза в день их в дозор не отправишь.

– Я укрепил стены беседки, – перенял эстафету её брат. – Её тоже при необходимости можно использовать как оплот.

– Кстати, – вмешался я. – Что значит оплот? Замок стоит на некой пространственной дыре между мирами, а укреплённые магией стены — нечто вроде крышки?

Дети переглянулись, и парень осторожно произнёс:

– Ну, как-то так. А что?

– Тогда почему те магнусы, которых мы поймали, появились со стороны леса?

– Это те, что прорвались в Шаад во время битвы стражей, – пояснил парень. – С тех пор, когда тётя Соня запечатала Замирье, к нам не проник ни один. Мы боролись с теми, кто спрятался. Как и эти. По мнению Софии, её защита всё ещё держится, ведь магнус не лезет. Но Устин сомневается, потому что мама вернулась.

Наступила тишина. Я водил карандашом по строчкам, перечитывая их и раздумывая. Что-то крутилось в голове и казалось важным, но я никак не мог ухватить мысль за скользкий хвостик. А когда поднял голову, заметил на стекле первые капли.

Начался дождь.

Глава 40

Флоренс

– Встретимся в межмирье, – положив ладонь на шар связи, проговорила я и тут же отняла руку.

Щёлкнув пальцами, выпустила искорку магии, которая снова пробудила стеклянную поверхность. Некоторое время он лишь мягко светился, затем появилось румяное лицо Софии. Волосы её были растрёпаны, рот приоткрыт. Подруга дышала быстро и часто, будто только что пробежалась вокруг замка.

– Что случилось, Фло? – едва выговорила она.

– Ой, – догадалась я. – Прости, что я не вовремя.

– Да всё нормально, – нервно улыбнулась подруга и попыталась пригладить бардак на голове.

– Ты действительно помешала, – раздался холодный голос Устина.

Вскоре показался он сам, и в шаре было видно, что мужчина в одних только брюках. Я смущённо отвела взгляд.

– Извините. Но это важно... У нас идёт дождь!

Наступила тишина, от которой мне стало ещё тревожнее.

– Ясно, – сурово ответил великий и ужасный.

– Я передам через поющий металл все шарики, что у нас есть, – взволнованно засуетилась подруга. – Сейчас же разбужу Аниту, и мы с Януарием сделаем столько, сколько успеем! А потом...

– Не надо, – перебила я и тихо призналась: – Я уже вызвала Бэтрис на изнанку твоей магии.

Они снова замолчали, и я кожей ощутила растущий гнев Устина.

– Нет, Флоренс. Я запрещаю тебе.

– Выбора нет, – покачала я головой. – Я должна спасти детей и защитить оплот. Ты знаешь, что я не справлюсь с магнером один на один. У меня нет столько силы, чтобы остановить его. А если я погибну... Джонатан ещё не готов.

– Ты сдаёшься до боя! – возмутилась София. – Ещё ничего не известно! Вспомни, мы думали так же, когда они напали на наш оплот.

Но совместными усилиями нам удалось победить. Ты и Бэтрис...

– Вот именно, – перебила я подругу. – Только Бэтрис способна закрыть межмирье, если я не справлюсь.

– То есть ты подтверждаешь, что страж Шаада Бэтрис сознательно бросила тебя в Замирье? – негромко уточнил Устин, но от его тона по коже побежали мурашки.

Губ моих коснулась горькая улыбка.

– А чего ты ожидал? – спросила его. – Только один из нас может легко проникать в межмирье. Один из троих, я хочу сказать, потому что София появилась в Шааде позже и не отравлена Замирьем, в отличие от... – Я осеклась и тяжело вздохнула. – Она прямой потомок магнера. Дочь врага... Возможно, ты его и прикончил! Потому я и не хотела поднимать этот вопрос, Устин. Не устаю удивляться, что Бэтрис до сих пор на нашей стороне. И не могу её винить в том, что она так легко пожертвовала мной, чтобы закрыть Замирье.

– Что?! – изумлённо воскликнула София и тут же нахмурилась. – Стой... А как ты собираешься попасть на изнанку моей магии, если это может лишь Бэтрис?

– Однажды ты уже вынесла меня туда, – намекнула я.

– Ни. За. Что.

Подруга была непреклонна, но её муж положил ладонь на плечо супруги, и она сразу поникла. Глаза молодой женщины наполнились слезами, голос задрожал.

– Фло... Неужели нет другого пути?

– Ждать, когда магнер уничтожит всю мою семью? – сухо поинтересовалась я. – Ты этот путь имеешь в виду? – И мягче прояснила: – Соня, мой оплот самый слабый, и магнер это знает. У врага один шанс отыграться, и он сделает это через прореху, которую оставила я, сбежав из Замирья. Если это неизбежно, лучше я вернусь, и пусть всё станет по-прежнему.

Наступило молчание. Устин сурово поджимал губы, а София откровенно рыдала.

– Зачем ты вернулась, если всё-таки готова пожертвовать собой?

Я посмотрела на великого и ужасного и призналась:

– Проявила слабость. Мои дети, они...

Эмоции переполняли меня, хватали за горло, не давали говорить. И друзья прекрасно понимали, как мне страшно. Что я не хочу делать

того, на что решилась. И что другого выхода нет, тоже осознавали. Поэтому и не переубеждали. Но и согласиться были не в силах.

Это моё решение, которое никто не поддержит. Но мне и не нужно их разрешение, лишь небольшая помощь. Прогнав приступ душевной слабости, я твёрдо заявила:

– Я волновалась за них, но теперь спокойна. О детях есть кому позаботиться.

– Неприкаянная душа? – выгнул бровь Устин. – Ты настолько ему доверяешь?

– Дети его любят. А Саша обожает их...

Я замолчала и, кусая губы, боролась с подступающими слезами. Надо было собраться с силами и твёрдо потребовать от Софии исполнения её долга. Как только вышла замуж за Устина, она приняла удел стража Шаада. Обязалась не только любить мужа, но и защищать бок о бок с ним все живые миры от страшной опасности. Она не посмеет отказать в моей просьбе.

Но как тяжело её повторить...

Мне хотелось жить! Обнимать своих детей, ругать их и хвалить. Я мечтала увидеть, насколько сильным магом станет мой сын и какими красавицами вырастут любимые доченьки. Возможно, Замирье будет заперто навсегда, и они обретут любовь в лицах неприкаянных душ, которых лихой судьбой занесёт в Шаад. Создадут свои семьи...

Я не желала умирать, не покачав на руках внука!

Да и при мысли о том, что ждёт меня в Замирье, леденела кровь.

Не просто смерть, а долгая мучительная пытка без малейшей надежды на сострадание.

Но счастливое будущее моих детей могло состояться, только если их мама принесёт жертву. Сжав губы, я шумно втянула воздух в пылающие лёгкие и твёрдо посмотрела на подругу. София вытерла слёзы и молча кивнула, увидев мою решимость. Как мать, она понимала, почему я на это иду, хоть и не могла смириться с моим решением.

Но я ошиблась — подруга вовсе не собиралась сдаваться. Вместо того чтобы согласиться и отправить меня на изнанку своей огненной магии, Соня предложила:

– А что будет, если вместо тебя пойду я?

– Нельзя! – испугалась я. – Ты же беременна! Устин, скажи ей!

– Она сама знает, что ждёт ребёнка, – холодно проронил великий.

– Ты ужасен, – возмутилась я. – Неужели отпустишь свою беременную жену сражаться с магнером?

– Разумеется нет, – было ответом, и я облегчённо выдохнула, но он добавил: – Я отправлюсь сам. Если София смогла перенести тебя, то и меня забросит на изнанку.

Он обнял жену, и они улыбнулись друг другу. Но как бы ни было мило смотреть на влюблённую парочку, я горько поинтересовалась:

– А вы не забыли, что это я вырвалась из запертого Замирья? Что толку отправляться тебе, Устин, или твоей жене? Магнер пройдёт по моему следу... Или хуже — проведёт свою армию тварей, и магнус уничтожит мой оплот. Потому я и прошу помочь.

– Хочешь закольцевать прореху? – задумался Устин. – Хм... Это может сработать. Ты победишь без боя.

– И останется там! – воскликнула Соня. Махнула кулаком. – Должен быть другой выход!

– Его нет, – печально вздохнула я.

– Ладно, – через пару минут сдалась подруга и вытерла слёзы. – Я воспользуюсь шаром связи, чтобы вынести тебя на изнанку. Приготовься...

– Остановитесь!

Услышав звенящий от ярости голос Александра, я подскочила на месте и испуганно оглянулась, ожидая увидеть и детей. Но Сокол был один. Он тщательно закрыл за собой дверь и стремительно приблизился к шару. Уселся перед ним и, не глядя на меня, быстро проговорил:

– Вы сказали, что должен быть другой путь, и я поддерживаю это! Нельзя сдаваться до боя.

– Саш...

– Мы с детьми обсудили стратегию, – не повернув головы, продолжал пожарный, – и я составил несколько путей развития конфликта.

Он принялся раскладывать на столике рисунки и записи.

– Посмотрите. Вот наши возможности. Уверен, мы сможем остановить магнус, даже если тварей будет много. А что насчёт злодея, у меня есть идея...

Выдохшись, он замолчал. Я заметила, как подрагивали крупные ладони мужчины, и в груди защемило. Хотелось обнять Сокола, поблагодарить его за заботу, заставить поклясться, что защитит детей. Но я и так знала, что этот мужчина не пожалеет себя ради каждого из них!

А сейчас он боролся за жизнь их мамы.

– Говори, – велел Устин. – Времени мало.

– Я построил беседку в стиле лофт, – заторопился Александр, и я заметила, как поморщилась Соня при звуке последнего слова. – Первая развалилась...

– Разумеется, – ревниво возмутилась подруга.

– Не время, – осадил её Устин, и Соня виновато прижала ладонь к губам. – Значит, была вторая?

– Есть! – кивнул Саша. – Флоренс предположила, что стены не выдержали вибраций прорехи, и Джонатан насытил их своей магией...

– Ничего себе! – подскочила Соня. – У него получилось?!

– Жена, – со вздохом обнял её Устин и посмотрел на нас. – Простите, она в положении, поэтому гиперэмоциональна. Что с беседкой?

– Это отдельное здание, но, по сути, мини-копия замка, – пояснил Саша. – А вы говорили, что магнеры старались разрушить стены, чтобы пробиться через Шаад в живые миры. То есть сломать крышку ловушки и вырваться на свободу. Для начала в этот мир, а затем и в другие. Так?

– Верно, – нахмурился Устин. – Я не понимаю, к чему ты ведёшь.

– Что будет, если при нападении магнера обрушить беседку? – прищурился Сокол. – Магнер может решить, что он победил.

– Да, – сухо подтвердил великий. – И он немедля отправится в твой мир.

– Куда при желании могут переместиться все три стража? – вкрадчиво уточнил пожарный. Глянул на Софию и, усмехнувшись, поправился: – То есть четыре с половиной...

– Смешно, – фыркнула моя подруга и повернулась к мужу. – Это же опасно, любовь моя! Магнус дорвётся до ресурсов, о которых мечтал. А Шаад падёт!

– Нет, если мы поймаем врага на стыке Шаада и живого мира, – хищно оскалился Устин. – Против нас троих ему не выстоять!

Невероятно рискованный план, но он может сработать. Неприкаянная душа... Да ты гений!

Саша довольно улыбнулся и обнял меня за плечи.

В груди ёкнуло.

Глава 41

Александр

Когда мы с детьми внесли в списки все возможные варианты защиты и нападения, я решил показать наш труд Флоренс. Нашёл её, как и ожидалось, в спальне. Стараясь не обращать внимания на предметы женского гардероба, игриво свисающие с встроенных магией в стену стульев, я хотел позвать её, но передумал.

Всё, что я невольно услышал, поразило меня в самое сердце. Так Флоренс решила пожертвовать собой и добровольно бросить детей? Я не мог допустить этого! Но от моего желания ничего не зависело — София вот-вот перенесёт её в межмирье.

Там, как я понял, ждала Бэтрис.

Я пытался вспомнить хоть одно доброе слово об этой леди и не мог. Да, стража уважали, ведь она была на стороне Шаада. Но если об Устине и даже Софии Флоренс могла говорить часами, она замолкала при любом упоминании Бэтрис.

И теперь я понял почему.

Эта женщина с лёгкостью пожертвовала сослуживцем.

Как некогда случилось со мной.

Я должен что-то сделать. Не допустить беды! Мне даже представить было больно, как отреагируют дети, если мама снова исчезнет. Джонатан снова замкнётся в себе, Джессика выплечет все глаза, а Агнесс...

Я не смогу посмотреть в глаза малышке, если не предотвращу катастрофу.

И, как всегда в критических ситуациях, мозг заработал активнее. Кусочки информации, оброненные слова, замеченные факты, словно пазлы, вставали на места, и общий план обретал чёткую картинку.

– Это безумие, – прошептала Флоренс и посмотрела на меня так, что защемило в груди и внезапно стало нечем дышать.

Не в силах говорить, я просто обнял её, чтобы поддержать...

И понял, что не хочу выпускать эту женщину из кольца своих рук.

Никогда!

И пусть я для неё лишь усатый (в прошлом) нянь, я был готов смириться с любым положением в Шааде, при условии, что и Флоренс останется здесь.

Живая и здоровая!

– Так и поступим, – подвёл Устин конец обсуждению.

– Ты с ума сошёл?! – накинулась на меня Флоренс, когда шар погас.

– Можно и так сказать, – не отпуская её, улыбнулся я. Считая, что должен объяснить своё вмешательство, добавил: – Прости, но я не дам тебе умереть ради нас.

– А вместе с вами позволишь? – саркастично фыркнула она и решительно высвободилась. – Ты только что разрушил мой идеальный план вашего спасения...

– И предложил не менее гениальный по спасению всех, – перебил я. Обхватил её ладони своими и слегка сжал. – Флоренс, вы столько времени просидели в обороне, что забыли, что такое свобода. Привязанные к одному месту, всё время в ожидании нападения, прожили много жутких моментов. Я понимаю, что для вас это обыденность, но это неправильно. Ваши дети достойны лучшего. Ваша жертва лишь на время отсрочит нападение. Уверен, враг не отступит, найдёт другую лазейку... А даже если этого не случится, Джонатан, Джессика и Агнесс всё равно будут настороже. Спокойное будущее для них возможно только в том случае, если магнеры перестанут существовать. Наступил момент выйти за пределы крепости и сразиться со злодеем не на жизнь, а на смерть. Ради...

Я набрал воздух в пылающие лёгкие и хрипло выдохнул:

– Ради наших детей.

Она прикусила нижнюю губу, глаза женщины заблестели от влаги.

Сейчас Флоренс была такой хрупкой и ранимой, что хотелось обнять её, прижать к груди и оберегать от опасностей всех миров, но я не мог себе позволить подобную вольность. Ради себя.

Но я способен остановить смелый, но безумный поступок отчаявшейся матери, предложив альтернативу. И мне казалось, что женщина согласна с моими доводами. Молчание затягивалось, мы стояли, глядя друг другу в глаза, и вокруг нас будто сгущался туман.

Сердце моё забилося чаще, взгляд скользнул по губам Флоренс. Бог ты мой, зачем она покусывает их? Это невыносимо!

– Можно считать молчание согласием? – не выдержал я.

Флоренс молча кивнула и, привстав, подарила мне короткий и солёный поцелуй.

В губы.

Вот снова рухни на меня в этот момент беседка, уверен, я бы и не почувствовал. Прикосновение этой женщины будто током ударило! Нет... Молнией поразило! Казалось, я сейчас развалюсь на части, как дерево в ужасную грозу.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Когда я успел влюбиться?

Почему моё глупое сердце снова начало испытывать это дурацкое чувство?

Уверен, Флоренс я нужен не больше, чем моей бывшей девушке.

– Вы недовольны?

Я едва не рассмеялся, но веселья во мне не было ни капли.

– Не стоит так делать, – проговорил глухо. – Мужчина может принять вашу благодарность за нечто большее.

– Вы о чём? – Она невинно похлопала ресничками, будто не поняла, на что я намекаю.

Я был готов взвыть зверем, и даже Пёсель Лаврентьевич бы позавидовал этому воплю, но сдержался. Флоренс не виновата, что в моей неприкаянной душе пророс сорняк новой привязанности. Надо выдернуть его с корнем, чтобы не причинил ещё больше боли!

– Об этом?

Приподнявшись на носочки, она обхватила мою шею тонкими руками и прильнула к губам так жарко, что не осталось сомнений: никакая это не благодарность!

Заклучив женщину в объятия, я вжал хрупкое тело в своё, поддаваясь смелому напору этой отчаянной хулиганки. Неужели она серьёзна? Не верится... Скорее, решила пощекотать нервы мне или себе. Или же хочет насладиться мужским вниманием перед битвой, исход которой не ясен.

Плевать, что у неё за причины! Я живой мужчина, который внезапно обнаружил, что снова попал. Решила поиграть?

Сама напросилась!

Глава 42

Флоренс

Считалось, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Я не могла ни подтвердить эту гипотезу, ни опровергнуть её. Мы с Мортонем поженились, потому что двум потомственным стражам надо было создать семью. Ради Шаада, ради живых миров. Ради будущего без магического гнуса.

Любовь пришла со временем. Я глубоко уважала и ценила своего мужа, мы прекрасно ладили и растили наших детей в строгости и согласии. Жизнь стража была расписана по минутам от рождения до последнего вздоха. Защищать Шаад во имя жизни, не жалея ни себя, ни других. Как Бэтрис...

Я так не могла. Иногда мы спорили с мужем, когда я считала, что он слишком строг с детьми, и вступалась за них. Мортон же обвинял меня в преступной мягкосердечности. Мол, с таким воспитанием они не сумеют позаботиться о себе сами.

Малыши едва ли не с рождения должны были становиться солдатами. В этом Устин и Мортон так похожи! София сумела смягчить каменное сердце мужа и уговорила его позволить Аните быть ребёнком, ведь она на самом деле ещё не взрослая!

Мне же не удалось. Хуже того, как Мортон погиб, я начала вести себя точно так же, взяв бразды правления семьёй... Нет! Принимая командование своими маленькими войсками, забыла, что это просто дети.

Саша напомнил, что это не солдаты.

Более того, он дал мне в полной мере ощутить, что я не только страж, но и женщина. Окружив меня и детей своей ненавязчивой заботой, поддерживая словами и делом, будто создал щит вроде того, на который способен Герман.

Вот только сила его не иссякала, а, наоборот, множилась. Замок потихоньку становился домом, где было приятно и комфортно жить. Раньше я думала, что это заслуга ремонта и обстановки. Стиль,

который так любил Александр и ненавидела моя подруга, сделал своё дело.

Но нет.

Когда слушала слова этого большого, порой неуклюжего, чаще доброго и смеющегося мужчины, я приходила к осознанию самого главного. Желая пожертвовать собой и закрыть пролом в Замирье навеки, я без сомнений оставила детей на этого человека.

Но с сожалением оставляла его самого...

Сейчас же, принимая правдивость слов Сокола и признавая, что план Саши действительно лучше моего, – особенно если смотреть глобально на будущее детей, – я решила не оставлять мужчину.

Ни-ког-да.

И не важно, будет это «никогда» коротким, как наше дыхание в эту минуту, или бесконечно длинным, словно жизнь Германа.

Я хочу быть с этим человеком.

Стать настоящей семьёй.

Чуть позже, нежась в объятиях друг друга, мы смотрели на стекло, по которому сползали капли дождя. На душе было легко и спокойно. Да, вот-вот эта минута безмятежного счастья закончится.

Принесут ли страшную весть бабочки Софии, которые облетали замок в последний раз, – даже магия не спасёт бумагу от пагубного действия влаги? Или же прискачут табуретки, гремя друг о друга в сигнале тревоги? Ясно одно: нападение магнера неизбежно. Когда это случится, мы спустимся вниз, выйдем во двор, где разрушим с таким трудом возведённую беседку в стиле лофт.

Погибнут в обломках и толстые кирпичные столбы, канет в небытие уютный камин. А мы тут провели немало приятных минут за занимательной беседой. Исчезнут рисунки детей, что украшали необработанные стены. Не станет мебели, которую Саша и Джонатан изготовили собственноручно.

Я шагну в образовавшийся разлом, чтобы бок о бок с другими стражами уничтожить врага. Вернусь ли обратно? Неизвестно. Но одно неизбежно — смерть магнера. Злодей не устоит против стражей!

Погладив плечо своего мужчины, я повторила слова Устина:

– Ты гений!

– Хм... – поцеловав меня в макушку, отозвался он. – Тебе нельзя упустить шанс стать женой такого уникального человека.

– Ни за что не упущу, – улыбнулась я.

– Правда? – Приподнявшись, Саша полоснул меня удивлённым взглядом. – Почему ты согласна? Думаешь напоследок повеселиться на свадьбе? Или хочешь сделать меня официальным папой детей?

Я потянула мужчину за нос и спросила:

– А тебе не приходило в голову, что ты мне нравишься?

– Нет, – честно ответил он, и я не сдержала улыбки. – Эй! Не смейся! Кто ты? Непобедимый страж Шаада! Не только сильный маг, но и умопомрачительно красивая женщина. А кто я? Занесённая лихим ветром не...

Я заставила его замолчать, подарив сладкий и неторопливый поцелуй. Когда Саша обвил меня руками, шепнула в горячие губы:

– Не знаешь, кто ты? Так я скажу... Мой. Любимый. Муж.

Сокол недоверчиво буравил меня настороженным взглядом, и я не выдержала:

– Что тебя беспокоит?

– Ты знала, что нравишься мне? – поинтересовался он.

– Разумеется! – фыркнула я и прижалась щекой к его груди. – Ты и не скрывал. Трудно было выносить все эти пристальные взгляды... А как ты мило краснел, если у меня бретелька сползала с плеча или ветер трепал подол моего платья! Впрочем, веселее было, когда ты занимался ремонтом моей спальни.

Я многозначительно замолчала, давая мужчине вспомнить все казусы, которые он списывал на магию Джонатана.

– Я болван, – простонал Александр. – Выставил себя посмешищем!

– Нет, это было мило, – возразила я и посмотрела мужчине в глаза. – Ты ухаживал за мной без малейшей надежды. Вкладывал силы и время в замок, который не был твоим домом. Завоёвывал расположение и привязанность моих детей не для того, чтобы оказаться в моей спальне, а ради них самих. Это подкупило меня. А потом и покорило.

Я снова поцеловала Сокола.

Путь к мужскому сердцу лежит через желудок? Может быть, я не знала точно. Зато теперь была уверена, что путь к сердцу женщины лежит через сердца её детей.

Глава 43

Александр

Я молился.

Не знаю кому. Но я не мог сдержать поток слов в своей голове. Я просил того, кто управляет нашими судьбами, дать нам ещё минутку. Ещё хоть чуть-чуть. Я был на седьмом небе от счастья, когда держал в объятиях женщину, утомлённую моей страстью. Я уже размечтался, что у нас появится малыш, а подросток Агнесс будет пытаться накормить его кашей...

Но все мои сладкие грёзы таяли стремительнее, чем сахар под дождём.

Я понимал, что битва стражей с магнером неизбежна.

Но хуже того, я осознал, что придётся отпустить эту смелую женщину на сражение...

Одну.

Да, рядом с Флоренс будут другие стражи, но это ничего не меняло.

Она будет без меня...

Нет.

Я буду без неё.

Сидеть в Шааде и ждать, чем всё закончится.

Это выжимало моё сердце заранее.

Я не хотел отпускать Флоренс, понимая, что сделаю это. Как и сказал, ради наших детей. Как же я ненавидел себя в эту минуту! Почему я так слаб? Отчего судьба, что подарила мне второй шанс на счастье, так жестоко обделила магией? Мне бы хватило хотя бы крошечки. Хоть капельки, чтобы Устин позволил мне сражаться вместе с ними.

Нет.

Биться вместо моей женщины!

Секунды, остающиеся до момента икс, вытягивали из меня нервы, причиняли дикую нестерпимую боль, которой не видно. Но я знал, что

для Флоренс это не секрет. Оказывается, для любимой я — открытая книга.

Ох, если бы она не ответила взаимностью, я бы умер от стыда!

Я до сих пор не вполне осознавал, что произошло между нами, потому что отчаянно боялся за Флоренс. И пытался найти другой выход. Но его не было.

Как и времени.

Окно внезапно разлетелось вдребезги, и я прикрыл своим телом Флоренс. Спину ожгло от впившихся в неё осколков, а вокруг нас падали мокрые бабочки из потемневшей бумаги. Едва трепыхаясь, словно рыбки на берегу, они затихали навеки в лужах холодного дождя.

– Пора.

Одно слово, которое отсекло все надежды твёрдым и уверенным взмахом топора.

Флоренс оделась быстро, я же, морщась от боли в спине, успел натянуть лишь брюки, когда дверь открылась. Заглядывая в комнату, в проёме показались три любопытные мордашки.

– Па! – громко произнесла Агнесс и, гремя ходунками, бросилась ко мне, но Джонатан удержал малышку, чтобы не поранилась об осколки.

– Теперь его можно называть папой? – ехидно уточнил он.

Я смутился, но Флоренс оставалась спокойной. Она молча обняла старшего ребёнка и проговорила:

– Держи оплот. Я верю в твою силу.

– А в мою? – Джессика ревниво влезла между ними. – Не веришь?

– А ты красивая, – съехидничал брат.

– Злыдень! – буркнула Джесс.

– Язва, – тепло отозвался Джонатан и, обняв сестру, отступил, освобождая маме путь. – Я позабочусь о них, не беспокойся.

Флоренс обернулась, и я остолбенел от бури в её взгляде. Прежде никогда не видел подобного, но, может, эта милая и коварная женщина прятала от меня свои чувства. Сейчас же меня едва не сбило с ног сильнейшее беспокойство и яростная любовь, отчаянная мольба и мучительная печаль.

Всё это я мог понять, потому что чувствовал то же самое.

– Ты можешь на меня положиться, – шепнул, не в силах говорить громко.

Глаза защипало, и я сжал челюсти до ноющей боли. Нельзя показывать слабость рядом с сильной женщиной. Чтобы Флоренс была спокойна за семью, я должен на порядок превосходить самого себя. И я смогу! Ради неё и наших детей.

– Надо разрушить беседку, – твёрдо заявила она и кивнула сыну. – Помоги мне.

– Я... – Сделав шаг, я поморщился от боли в босых стопах.

– Останешься с девочками, – холодно осадил меня Флоренс и посмотрела на Джессику. – Присмотри за сестрёнкой и папой, моя милая.

Губы девочки задрожали, из глаз потекли слёзы, но она лишь коротко кивнула и вынула малышку из ходунков.

А Флоренс ушла.

Всё во мне стремилось следом, но я стоял, будто пригвождённый к месту. Помочь я не в силах, а вот помешать — запросто! К тому же надо готовиться к битве с магнусом. Джессика говорила, что нападение мага всегда сопровождается этими тварями. И чем дальше враг не прорывался в Шаад, тем больше с ним приходило монстров. Потребуется все наши силы...

И волшебный реквизит.

– Табуретки! – вспомнил я.

– Вот именно. – Джессика, толкнув, усадила меня на кровать и всучила Агнесс. – Но их тут нет, так что сиди на чём есть. Ох, что вы тут натворили!

Деловито оглядев усеянный осколками и мокрой бумагой пол, девочка щёлкнула пальцами, выпуская зелёные искры магии, и по комнате промчался мутный вихрь болотного цвета. Я едва успел поднять ноги. Пол мгновенно стал чистым, зато весь мусор врезался в стену, обезобразивая кирпичи и картину Агнесс.

– Не! – возмутилась малышка.

– Другую нарисуешь, – буркнула смущённая Джессика и тут же сменила тему. – Лучше помоги мне лечить папу!

– Па!

Радость неугомной егозы немного пугала, лечиться совершенно не хотелось. Но кто меня спрашивал? Пока Джессика аккуратно

вынимала из моей спины мелкие осколки, Агнесс внимательно изучала мои ноги.

– Не! – вынесла она вердикт и ткнула на них пальчиком.

Всё бы ничего, но с крохотного ноготка сорвалась одна маленькая искорка и, описав дугу, врезалась рядом с моей ногой в пол. Тот тут же засветился и покрылся инеем.

Мы с Джессикой испуганно переглянулись, но произнести ничего не успели — в спальню Флоренс влетел Пёсель Лаврентьевич. Вытаращив глаза, он смотрела на меня.

– Всё, Сокол, допрыгался! Флоренс с Джонатаном твою беседку ломают. Что ты сделал нашей хозяйке? Признавайся, пока не поздно. А лучше попроси прощ... Е-е-е!

Скользя лапами по заснеженному полу, собака поехала по нему, как по льду, набирая скорость. В финале, прежде чем врезаться в стену, животное выдало звонкую высокую октаву, и я заметил, как за окном, рухнув с крыши, пролетел магнус.

Раздался стук — собака состыковалась со стеной. Потом ещё один — из магического гнуса получился оmlет. А потом стук участился и превратился в барабанную дробь — это табуретки принялись за дело.

– Началось, – одновременно произнесли мы с Джессикой.

Глава 44

Флоренс

Живые миры в последний раз я посещала ребёнком возраста Джессики. Сейчас жутко нервничала не только из-за грядущей битвы с магнером и магнусом, наводняющим Шаад, но и от предстоящей встречи с мирами, которые мы защищаем ценой своей жизни и свободы.

– Флоренс?

Устин протянул мне руку, и я с благодарностью ухватилась за неё, бросив прощальный взгляд на Джонатана. Он выглядел как настоящий мужчина! Его магия действительно стала намного мощнее. Задания Сокола по ремонту замка подействовали как упражнения, а то, что сын выполнял их с удовольствием и у него получался отличный результат, вселило в юношу уверенность в своих силах.

– София! – Я обняла подругу. – Как приятно вас видеть воочию, друзья мои!

– Где застряла Бэтрис?! – сурово уточнил Устин.

Он медленно огляделся, стараясь рассмотреть в живом плавающем тумане межмирья фигурку третьего стража Шаада.

У меня по спине побежали холодные мурашки, я прижала ладонь к груди и ахнула:

– О нет!

– Что? – заволновалась Соня.

– Я забыла её предупредить, – сдерживая панику, прошептала я. – Когда мы решили дать бой магнеру, собиралась связаться с Бэтрис и рассказать о новом плане, но...

Я зажмурилась, понимая, что моя ошибка может стоить не только наших жизней. На кону стояли живые миры, до которых так долго и настойчиво старались добраться магнеры.

– Простите, – беззвучно повинилась я и опустила голову. – Это моя вина.

– Не важно, – отрезал Устин. – Нас трое. Мы справимся с одним магнером.

И пошёл вперёд, разгоняя клубы магического межмирного тумана.

– Кстати, а почему вас трое? – шёпотом спросила я подругу. – Я была уверена, что Устин не разрешит тебе сражаться.

– Да кто спрашивает разрешения? – взвилась она и широко улыбнулась. – Неужели ты думала, я тебя брошу? И, как видишь, даже неприкаянная душа с неправильной магией оказалась к месту!

Соня подняла руку, в которой был круглый щит. Некоторое время он служил крышкой безголовому рыцарю графу Офигейро. Подмигнув, подруга постучала по металлу.

Ощувив волну благодарности, я обняла молодую женщину, которая некогда прибыла из другого мира и уже внесла ощутимую лепту в борьбу с магнерами.

– Приготовьтесь! – Услышав голос Устина, мы отпрянули друг от друга и опасливо осмотрелись. – Он идёт.

Туман вокруг медленно и неравномерно начал темнеть, местами становясь совершенно чёрным. Внезапно стало нечем дышать, будто мы оказались на вершине заснеженной горы, о которых я читала в книгах из других миров.

Кожу неприятно покалывало, местами она уже утрачивала чувствительность. Силы неожиданно стали покидать меня, даже колени задрожали.

– Он... – Голос мой прозвучал хрипло и тихо, но Устин обернулся. – Пьёт меня...

Каково это — встретиться с самым страшным кошмаром наяву? Я дважды испытала это. Но в первый раз я не имела возможности ничего изменить, сейчас же была готова сражаться до последнего вздоха. За живые миры. За своих детей. За семью!

И в глазах стражей видела то же самое. Никто из нас не сдастся.

– София, щит! – коротко приказал великий маг Шаада.

Его иномирная жена шагнула ко мне и принялась чертить вокруг моего тела металлическим предметом круги. Будто отсекала нечто невидимое глазу. И становилось легче, я сделала первый вдох полной грудью, ощущая, как сила заново заструилась по моему телу.

Закончилось всё так же внезапно, как и началось.

– Он отступил? – настороженно уточнила у мужа София.

– Не думаю, что магнер себе это позволит, – жёстко усмехнулся Устин. – Будьте настороже, он может ударить откуда угодно. Магия здесь похожа на замирную, и враг это использует в свою пользу, прячась от стражей.

– А что, если он уже пробрался в живые миры? – тревожно поёжилась София.

– Нет, – хищно оскалился Устин. – Я его чую. А ещё... Встаньте позади меня и смотрите.

Он опустился на одно колено и, сняв с плеча небольшую сумку, раскрыл её. Изнутри, подбадривая друг друга криками, выкатились коричневые существа. Клацая огромными зубами, они сверкали десятками глаз. Устин кивнул, и жуткие создания, которые некогда были обыкновенным картофелем, покатались в разные стороны.

Великий маг Шаада опустил руку в клубящийся у наших ног туман, и тот осветился ультрафиолетом, вырисовывая перекрещивающиеся линии.

– Магнер в моей ловушке, – довольно сообщил Устин. – Теперь ему некуда бежать. Сражение неизбежно!

Он выпрямился, и к спине мужа прислонилась София. Красивое лицо моей подруги выражало полную сосредоточенность. В одной руке женщина держала щит, пальцы другой крутили маленький светящийся шарик. Каждый из стражей был готов отразить нападение. Атака может последовать со стороны, которую маги определили для себя.

Я была уверена, что враг атакует слабое звено.

Соня несёт в себе кровь предков магнеров, поэтому её огненная магия способна убить их потомков. Устина могут побороть лишь несколько злодеев. Победить их у врага не было и шанса.

Слабым звеном была я.

И всё равно, развернувшись, смело посмотрела в муть живого тумана. Приготовилась выпустить искру или десяток.

Мне есть что защищать!

Он напал внезапно. Миг, и на меня уже летит огромная тень, вокруг которой тёмным огнём пылает магия Замирья.

– Фло, в сторону! – раздался крик Устина.

Я стремительно пригнулась, и великий маг Шаада среагировал мгновенно, излив на врага сноп магических искр. В это время на

магнера набросились коричневые существа и, утробно урча, принялись грызть добычу. Злодей завыл и завертелся волчком, пытаясь сбить зверокартофель.

Я пустила в него искру, но смертельный удар был нанесён шариком Софии. Замахнувшись, она попала магнеру в лоб, и подобие человека застыло в недоумении.

А потом растаяло, будто туман под солнцем.

Картошка, обиженно визжа, повалилась в туман.

– Победа, – выдохнул Устин, совсем не как великий и ужасный, улыбнулся и поцеловал свою жену.

Я перевела дух, пытаясь осознать, что всё позади, но не смогла расслабиться. Всё моё существо кричало об опасности, и я внимательно осмотрелась в её поисках, но в мутном тумане межмирья ничего не увидела.

– Что такое, Фло? – обратила на меня внимание София.

– Не знаю, – деревянным голосом ответила я. – У меня такое чувство, что мы упустили нечто важное. И смертельно опасное...

По спине прокатилась волна льда, а грудь сжало так, что я присела от боли.

Глянув на друзей снизу вверх, прошептала в ужасе:

– Дети...

Глава 45

Александр

Магического гнуса было много.

Я и представить себе не мог, что такое возможно!

Огромные акулopodobные морды, которые, без признаков шеи, сидели на телах, лишь отдалённо напоминающих человеческие...

Жуткое зрелище!

Чудовища, выкорчёвывая деревья, хлынули из земли. Начали валиться с неба, падая и разбиваясь. Даже вылезали из-под стен замка! И тот дрожал, будто наполненный рассерженными пчёлами улей.

– Джо, стены! – завизжала Джессика.

Парень бежал к замку со всех ног, по пути отстреливаясь от чудовищ. Его сестра прикрывала отход брата от разрушенной беседки, метая в монстров светящиеся шарики. Падая, те взрывались, ослепляя магнус вспышкой света. А при прямом попадании от чудовища не оставалось ничего, кроме пепла.

– Хорошее оружие, – похвалил я и проверил, как там малышка.

Агнесс я привязал к спине так, как видел в кино, – так делали восточные женщины. Мелкая егоза громко возмущалась, но, хвала небесам, вылезти не пыталась.

Я же управлял нашей табуреточной армией, которую возглавлял комод. Казалось, он воспрянул сразу после нападения, будто и не было никаких болезней. Возможно, волшебной мебели просто было скучно, а теперь она наконец занялась делом.

Деревянная стая прекрасно загоняла магнус в реку, где твари гибли десятками. Зверорыбы были рады неожиданной подкормке, а мы — плодотворному сотрудничеству с местной фауной.

Дальше — больше! Вокруг замка сверкала магия, напоминая фейерверки в новогоднюю ночь. И твари падали одна за другой, отступали и под победный стук табуреток бежали к лесу. Но и там им не было укрытия. Пёсель Лаврентьевич душевно выводил романс за романсом, сея среди врага панику и смерть.

Даже Герман оказался полезен. Мелкий скелетон, оставив свою фулл-версию в замке, паучком бегал в гуще врага, поднимая в воздух то одного монстра, то другого, когда первый задыхался в магическом шаре дворецкого...

Как ни удивительно, но мы с детьми дали отпор превосходящим силам врага!

Помогли мои записи и чёткая организация защиты оплота.

Больше всего порадовал Джонатан. Парень так старательно концентрировал магию, распределяя её по стенам замка, что тот вскоре перестал дрожать. На то, чтобы восполнить силой и восстановить «крышку», у юноши ушло времени в три раза меньше, чем у Флоренс!

Даже малышка Агнесс не осталась в стороне, постреляв ледовыми искрами и заморозив парочку тварей.

Когда всё закончилось и наступила тишина, я даже не поверил глазам и ушам.

– Неужели всё? Не верится, что всё получилось так легко.

– А ты поверь, – шутливо ударил меня в плечо измазанный непонятно в чём Джонатан. И добавил с чувством: – Я горжусь тобой. Папа!

То, как он впервые произнёс это слово, – без иронии и намерения поддеть, – растрогало. Я притянул парня к себе и, крепко обняв, хлопнул по спине.

– Раздавишь, медведь в стиле лофт, – прохрипел он, и, когда я отпустил пацана, мы оба расхохотались.

– Весело вам? – приблизилась к нам Джессика. Девочка хмурилась до тех пор, пока я не обнял и не поцеловал её в щёку. Обвив ручонками мою шею, она прижалась ко мне и проворчала: – То-то же! Как там Агнесс?

Я завёл руку за спину и похолодел, только осознав, что привычной тяжести больше нет.

Малышка всё же высвободилась!

Я понятия не имел, когда и как это случилось... Сглотнул. А вдруг она упала и сломала себе что-то? Но крика не было. Повреди девочка себе руку или ногу, она бы громко плакала. Я повернулся вокруг своей оси, высматривая непоседливого ребёнка.

– Да где же она?

– Ты потерял Агнесс? – в ярости зарычал Джонатан.

– Будто ты не знаешь эту мелкую, – серьёзно осадил его сестра. – Агнесс невозможно удержать на месте, если она не хочет. Ох! Как бы малышка не напоролась на магнус... Давайте поделимся! Я ищу во дворе, Джо у реки, а папа, как не маг, в...

– Хорошо, – не теряя времени, перебил я и побежал к входу в замок.

Ворвался в холл и крикнул:

– Агнесс! Детка, отзовись!

Ребёнка не было ни внизу, ни на крыше. Я проверил все комнаты и в отчаянии сжал гудящие виски. Перед глазами была повреждённая Джессикой картина девочки, и почему-то при взгляде на алые краски к глазам подступили слёзы.

Флоренс положилась на меня, а я не справился! Я сам себя не прощу, если с ребёнком что-нибудь случится.

– Без паники, Сокол, – проворчал я, приводя себя в чувство. – Надо спуститься и ещё раз всё проверить. Вдруг Агнесс забила в какую-нибудь щель?

Только я собрался покинуть спальню, как магический шар вдруг осветился. Я замер и с опаской глянул на него. Помня странные галлюцинации с участием магнера, ущипнул себя. Но видение не растаяло — стекло переливалось, словно огромная перламутровая лампа, установленная в супермаркете для привлечения клиентов и украшения зала.

– Неприкаянная душа!

Голос был ни мужским, ни женским. Я даже не смог бы угадать возраст говорившего. Но и на хрип магнера он был не похож.

– Подойди, – приказал голос.

Первым порывом было отступить, но тут я увидел, что туман внутри шара немного рассеялся и показалось...

При виде круглой мордашки я кинулся вперёд и приник к гладкому стеклу.

– Агнесс!

Глава 46

Флоренс

Я стояла на развалинах беседки, которую построил Александр и которую мне пришлось разрушить, и беспомощно озиралась. Весь двор был усеян магическим гнусом, и пусть уродливые тела были неподвижны, я приходила в ужас от их количества. Испытывая ледящий кровь страх за детей, не могла даже позвать их.

Ко мне подбежал мини-Герман и, тронув ногу косточкой фаланги, сверкнул магической зеленью в пустых глазницах.

– Где они? – только и могла выдать я.

Скелет, бодро перебирая лапками, побежал в сторону замка, и я пошагала за ним на негнущихся ногах. Да, мы ожидали нападения магнуса, но я и предположить не могла, что тварей будет столько...

Отчаянно надеясь, что никто не пострадал, я взбежала по ступенькам и влетела в свою спальню. Застыв на пороге, с замирающим сердцем посмотрела на спины Джонатана и Джессики. Они молча смотрели на что-то, и у меня всё поплыло перед глазами. Покачнувшись, я рухнула на колени.

– Кто?..

Дети обернулись, и я заметила, что на кровати нет тел. Лишь блестел шар связи, по которому я общалась с другими стражами. Сейчас он был тусклым.

Пёсель Лаврентьевич, который лежал на полу, поднял голову и оскалился.

– О! Флоренс жива.

– Мама! – бросилась ко мне Джессика и, врезавшись, сильно обняла. Я ощутила, как дочь содрогается от рыданий. – Агнесс... И папа!

– Что с ними? – деревянным голосом спросила я.

– Их нет, – ответил за сестру Джонатан. Взгляд сына был тяжёлым, на лице написано отчаяние. – Их нигде нет. Ни в замке, ни во

дворе... Мы с Пёселем Лаврентьевичем прочесали весь лес, Джессика ныряла в реку.

Я перевела взгляд на дочь, и она поспешила пояснить:

– Зверорыбы насытились на месяц вперёд. Я не пострадала.

Пытаясь прийти в себя от жуткой новости, я забежала взглядом по комнате.

– Но почему вы стоите здесь? При чём тут шар? Дядя Устин и София не могут знать, где Саша и Агнесс, ведь они были со мной. А Бэтрис...

Сердце пропустило удар, и на меня снова нахлынуло предчувствие страшной опасности. Такое же предчувствие посетило меня в межмирье. Так угроза связана с ней? Но это же страж!

– Поэтому.

Джонатан протянул руку, указывая на шар.

Высвободившись из объятий дочери, я шагнула к кровати и склонилась над магическим передатчиком. Только сейчас заметила, что изнутри он едва заметно светился, а на внутренней стороне стекла расцвели морозные узоры.

Дотронувшись дрожащей рукой, ощутила холод.

– Агнесс замораживала магический гнус. – Голос сына звучал глухо. – Наша малышка очень сильна! Но внезапно она пропала. Мы бросились искать, разделившись. Папа пошёл в замок...

– Понятно, – шевельнула я немеющими губами. – Дети, мне нужно ненадолго уйти. Прямо сейчас. Эй, София!

Искра моей магии коснулась шара, оплавив морозную красоту, – сигнал моей малышки. Некоторое время ничего не происходило, затем в шаре появилось мутное изображение подруги. Обнимая Аниту, она весело засмеялась:

– Неужели уже соскучилась? Фло, мы празднуем, и вы...

– Переведи меня на изнанку твоей магии, – едва сдерживая слёзы, попросила я.

София замерла на миг, а потом помотала головой.

– Зачем? Всё кончено, Фло. Мы победили!

– Бэтрис забрала мою дочь, – глотая соль, прошептала я. – Саша тоже с ними.

– Зачем ей это делать? – удивилась Соня.

– Пап! – крикнула Анита. – Тётя Бэтрис украла Агнесс и неприкаянную душу!

В шаре появилось лицо Устина. Кольнув взглядом, он уточнил:

– Уверена?

– Да, – прорыдала я.

– Милая, перенеси меня... – обратился он к жене.

– Нет! – вскрикнула я и сжала шар обеими ладонями. – Это должна быть я, Устин. Я чувствую это.

Мужчина подумал пару секунд, а потом коротко кивнул.

– Сделай это, дорогая. Джонатан!

– Да, великий, – уважительно отозвался мой сын.

– Если мама не вернётся до заката, вызови меня.

А потом мир завертелся волчком, пропали запахи и звуки, и меня вынесло на изнанку пламенной магии Софии. Здесь было светло и тихо. Над головой розовело прозрачное небо, под ногами хрустел напоминающий ржавчину пепел. Место, где София заперла Замирье, сильно изменилось.

Лёгкий ветерок коснулся моего затылка и взерошил волосы. Я резко обернулась, ощутив спиной её.

– Бэтрис.

Она стояла в двух шагах, будто соляная фигура, неподвижная и холодная.

Бездушная.

У меня ёкнуло в груди. Губы дрогнули.

– Почему?

Только сейчас, практически осязая волны неприязни этой женщины, я поняла, что в прошлый раз попала в Замирье неслучайно. Бэтрис воспользовалась моментом, чтобы сделать это и остаться безнаказанной. И я искренне не понимала, за что она меня так ненавидит. Ведь мы — стражи!

Плечом к плечу мы защищали Шаад и живые миры от магнеров. Общее дело и ни единой ссоры — какие могут быть разногласия у людей, прикованных к своим оплотам?

Но, видимо, я ошибалась.

– Ты такая глупая, – выплюнула она и гадливо скривилась. – Не понимаю, что Мортон нашёл в тебе!

У меня похолодела спина.

– Так причина... в моём муже? Поэтому ты ненавидишь меня? Но наш брак был договорным!

– О да, – горько воскликнула она и сухо сообщила: – Вот только перед этим он отказался от обязательств передо мной. Бросил меня перед алтарём! И всё из-за глупой девчонки с симпатичной мордашкой.

Я выпрямилась. Внутри бушевало пламя ярости, но внешне я старалась сохранять спокойствие. Эта женщина ненавидела меня так давно, что чувство пропитало её, как злоба магнера. Бэтрис была скрытым врагом, о котором я и не догадывалась. Снедаемая ревностью, она страдала в полном одиночестве, издали наблюдая за нашим счастьем. А потом...

– Мортон мёртв, – холодно напомнила я. – Он не может принести тебе свои извинения, но я...

– На черта мне ваши извинения? – взвилась Бэтрис. – Я хочу мести.

– Почему именно сейчас? – устало спросила я, размышляя, что она могла сделать с заложниками.

– Потому что магнеры мертвы. Или ты думаешь, я пошла бы на это перед лицом опасности?

Она скрестила руки на груди и вскинула подбородок.

– Не думаю, – пожала я плечами. – Знаю. Ты уже пыталась избавиться от меня, бросив в Замирье...

– И тебе надо было там сдохнуть! – в ярости выкрикнула Бэтрис. – Тогда бы не пострадал твой новый мужчина.

У меня колени подкосились, едва устояла. Прошипела:

– Что ты с ним сделала?

– Угадай, – хищно скривилась она.

Я изо всех сил старалась не поддаваться панике. Понимая, что свихнувшаяся от ревности женщина не ответит на первый вопрос, я задала второй, ещё более животрепещущий:

– А что с Агнесс?

Бэтрис молча улыбнулась, мгновенно меняясь в лице. Сейчас оно выражало нежность и даже стало почти симпатичным.

– Она в твоём оплоте, – с ужасом догадалась я.

– Справедливо, что я получу некую компенсацию, не так ли? – выгнула она бровь.

– Компенсацию?! – взвилась я. – Бэтрис, это ребёнок! Малышка даже ходить ещё не умеет!

– Зато сражается отлично, – холодно парировала она. И примирительно добавила: – Не думай, что я причинила бы вред дочке Мортон. Я не монстр!

– Поспорим? – Я глянула на неё исподлобья. – Знаешь, почему Мортон отказался от тебя? Да, ты сильный маг. Хороший страж. Но ты больше магнер, чем человек. В тебе осталось так мало светлого...

Я умоляюще сложила ладони.

– Но выбор за тобой. Не будь чудовищем... Пожалуйста, скажи, где Саша!

– Твой любовник в Замирье, – с мстительной усмешкой заявила она. – Неприкаянная душа сгинет там, а ты — здесь. И не надейся на Софию... Как видишь, это место изменилось под воздействием моей магии. Никто тебя не найдёт! Знаешь почему? Я выверну мир обратно. Ты окажешься взаперти, а Замирье освободится. Ведь в нём больше нет опасности.

И она исчезла.

Глава 47

Александр

– Обмен! – предложила Бэтрис. – Девчонка вернётся, если ты займёшь её место.

– Согласен, – без сомнений ответил я.

И оказался на голой скале.

Как и куда страж перенесла меня, я не знал, но был уверен: это Замирье!

Только так может выглядеть умирающий мир. А в том, что этот мир скоро исчезнет, сомнений не возникало. Над головой плыли кровавые тучи, иногда на землю падали тягучие чёрные капли, похожие на нефть. А у подножия горы, на которой я оказался, кишело море живых существ. Пока живых...

Некоторые ещё слабо шевелились, другие с трудом дышали.

Магический гнус!

Наверное, это те, кто не сумел подняться, чтобы в последний раз последовать за своим предводителем и напасть на Шаад.

Рядом упала вонючая капля, и я поспешил укрыться под небольшим каменным навесом. При виде торчащих из камня цепей похолодел. Тронул металл — здесь держали Флоренс?

Вздохнув, уселся на каменный пол.

Что же, я рад, что смог помочь хоть чем-то. Лучше я, чем она! Пусть дети и их замечательная мама будут счастливы там, в Шааде! Эта мысль будет греть меня, пока голод и жажда потихоньку убьют.

Через некоторое время я поёжился и внимательно осмотрелся.

– Как же здесь скучно! Неудивительно, что магнеры строили злодейские планы. Делать-то больше нечего.

Поковырял камни, размышляя, поиграть самому с собой в крестики-нолики или же построить пирамиду... как под ладонью что-то блеснуло.

Магический шарик Аниты? Я покрутил находку в пальцах и прищурился. Тусклый, давно утративший искру магии. Но даже будь

это иначе, ничего не изменилось бы. Для связи нужно два мага: вызывающий и принимающий, – а я лишь человек.

От безделья я поднёс шарик к глазу и, как в детстве, представил, что это подзорная труба.

– Вызываю Шаад! – чтобы не думать о близкой смерти, дурачился я. – Командующий комод, передайте всем табуреткам новый приказ. Всем немедленно сменить дислокацию и отправиться в Замирье. Бегом марш!

И тут, откуда ни возьмись, с неба начали падать табуретки.

Вскочив, я едва успел отпрыгнуть в сторону, чтобы не быть придавленным комодом. Волшебная мебель встрепелулась и, выстроившись в ряд, замерла в ожидании дальнейших указов.

Я взглянул на алое небо, чтобы убедиться, что на голову не рухнет, допустим, уродливый стеклянный стол, подаренный Софией. И лишь потом осмотрел своё неожиданное подкрепление.

– Э-э... – пытаюсь сообразить, что делать дальше, протянул я. И указал на магический гнус. – Фас, ребята.

Вы видели, как боевой комод прыгает со скалы и, угрожающе гремя ящиками, врывается в море монстров?

Кажется, в этой жизни меня уже мало что может удивить.

Табуретки смело последовали за своим командиром, а я задумчиво посмотрел на шарик. Что, если в нём всё ещё теплится магия? Я буду хвататься за любой шанс вернуться к своей семье!

Удерживая стекляшку в ладонях, я закрыл один глаз, а другим всмотрелся в муть, что белела внутри магического снаряда. Позвал негромко:

– Агнесс?

И увидел её. Девочка сидела в новом красивом детском стульчике и со всей силы колошматила силиконовой поварёшкой по голове рассерженной Бэтрис. Женщина пыталась защищаться, но двигать руками ей мешала магическая заморозка моей малышки.

Услышав меня, мелкая проказница замерла и прислушалась. А потом завизжала:

– Па-а!

И вскинула ручки, оглядываясь.

– Иди ко мне, мелкая, – нежно сказал я.

Хлоп! И ребёнок уже был в моих руках. Шарик выпал и покатился к обрыву. Я едва успел задержать его ногой. Прижимая к себе смеющуюся девочку, поднял шар и холодно усмехнулся:

– Обманула, значит? Вот стерва! Иди-ка сюда, поговорим, Бэтрис.

Она появилась мгновенно, будто выросла из-под земли, и, беспокойно оглядываясь, прошипела змеёй:

– Как ты сделал это?!

– Это магия Аниты, лгунья, – показал ей находку. – Смотри, как он может!

Поцеловал малышку и, прижав стекло к глазу, шепнул:

– Агнесс, иди к мамочке.

Удивительно, но и это сработало. Ребёнок исчез, а в шаре я увидел, что Агнесс сидела на руках Флоренс...

Вот только не в оплоте, а в странном месте, похожем на пустыню.

Бэтрис, гортанно вскрикнув, отшатнулась и, неловко покачнувшись, едва удержалась на краю пропасти. Не отрывая от меня изумлённого взгляда, едва слышно выдохнула:

– Кто ты?

– Неприкаянная душа, – напомнил я и сделал шаг, насадая на подлую женщину. – Александр Соколов, позывной Сокол. А вот кто ты? Что за тварь отнимает у матери ребёнка?

– Этот ребёнок должен быть моим! – яростно взвизгнула она. – Как и Мортон. Это моё счастливое будущее. Флоренс отняла у меня всё. Пусть теперь расплачивается. Время пришло!

Сжав шарик Аниты в кулаке, я резко подался вперёд.

– Говори, где она!

Бэтрис отпрянула, видимо, забыв, что стояла на самом краю. Потеряв баланс, беспомощно взмахнула руками и с криком упала. Чертыхнувшись, я бросился на помощь, но пальцы схватили воздух в сантиметре от ладони женщины. Пришлось бессильно смотреть, как страж падает и навеки исчезает в пошевеливающемся море полудохлого магнуса.

– Чертежом меня по ГОСТу, – оторопело пробормотал я. – Не этого хотел.

Почесав в затылке, опустился на колени и раскинулся на камнях. Глядя на алое небо, вновь покрутил в пальцах шарик. Анализируя всё, что случилось, решился на ещё один эксперимент.

– А вдруг и это сработает? – Посмотрев внутрь стекла, с нежностью шепнул: – Любовь моя, я иду к тебе.

Эпилог

Флоренс

– И накорми Агнесс! – направляясь к реке, громко напомнила я дочери.

Муж появился передо мной, как лист перед травой.

Остолбенев от неожиданности, я схватилась за грудь.

– Саша! Сколько раз тебя просить не возникать вот так? Я поседею раньше времени!

– И будешь ещё красивее с серебряными волосами. – Притянув меня к себе, муж подарил страстный поцелуй.

– Ну хорошо, ты прощён, – смягчилась я и, когда он выпустил меня из объятий, поинтересовалась: – Как идут дела в Замирье?

– Комод толстеет, табуретки наглеют, – пожал он плечами. – А ты совсем не соскучилась по законному супругу, раз спрашиваешь не обо мне.

– Саш, – нахмурилась я. – А если серьёзно?

– Какой Устин любопытный, – иронизировал он, явно догадываясь, отчего я сразу перешла к делу вместо того, чтобы насладиться поцелуями после трёхдневного расставания. – Передай великому, что мир почти очищен от магического гнуса. Но ко второй фазе его гениального плана приступить ещё рано, воздух отравлен парами магии. Так что до поры до времени стражам туда вход запрещён. А вот его зубастую картошку можно переместить! Это значительно облегчит мой труд.

– Не опасно? – напряжённо уточнила я. – Магическая мебель неплохо освоилась в вибрациях Замирья, но картошка всё-таки живая...

– Я тоже, – подмигнул он.

– Ты — особый случай. – Я с нежностью сжала его ладонь, и мы направились вдоль реки. – Всем нам невероятно повезло, что магнер настроил прореху, оставленную при моём бегстве, на тебя. Теперь ты

можешь существовать даже в этом ужасном месте и не слабеть, как другие стражи!

– Везение тут ни при чём, – весело возразил Саша. – Он посчитал меня лёгкой добычей. А место вскоре перестанет быть ужасным. Вот увидишь, со временем я построю целый мир в стиле лофт!

Подхватив на руки, он закружил меня. А после, крепко поцеловав, поставил на ноги.

– Но ты не поддайся его магии, – пряча слёзы, шепнула я.

Каждый раз, когда думала об этом, испытывала волну благодарности моему бравому пожарному. Отзовись он тогда, и всем нам пришёл бы конец.

– Ты снова не права, любовь моя. – Он нежно погладил меня по голове. – Я посчитал, что это глюки! Не воспринял всерьёз. Как и зверорыб, которых вчера внезапно обнаружил в жиже, смеющей называться рекой. Кто бы мог подумать, что эти пронырливые злодейки проберутся в Замирье в ящиках комода?!

– Так значит, воздух уже чище? – обрадовалась я. – И даже вода появилась?

– Ну, я бы пока не назвал это водой, – саркастично фыркнул муж. – Но что-то жидкое уже имеется. А ты куда направилась?

– Пёселя Лаврентьевича искать, – показала я на лес. – В последнее время собака часто уходит, чтобы всласть повыть и пострадать о несправедливой судьбе. Раньше её пение было востребовано, а теперь каждый норовит заткнуть несчастное животное.

– Вот что значит горечь победы, – рассмеялся он. – Скажи Пёселю, что вскоре я буду брать его с собой. Может, это исправит собачье настроение! А я в замок. Нужен совет Джонатана.

* * *

Александр

Услышав голоса, я замер у входа в нашу с Флоренс спальню. Джессика внизу занималась с Агнесс, значит, внутри их брат. Но с кем он разговаривает?

Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь комнаты.

Парень сидел на подоконнике и, болтая ногой, увлечённо общался с кем-то, чьё лицо расплывалось в магическом шаре. Но судя по голосу, это девушка лет шестнадцати.

В Шааде не было девочек такого возраста, и я догадался, что происходит.

Но тут дверь предательски скрипнула, и Джонатан подскочил на месте и побледнел, как мел. Увидев меня, облегчённо выдохнул и хохотнул.

– Пап, напугал. Думал, это мама.

– Она у нас красивая, – резонно заметил я. – Зачем так демонстративно дрожать?

И покосился на потухший шар.

– Или мама не должна знать, что ты с кем-то общаешься? Это тайна?

– И да, и нет. – Успокоившись, он снова уселся и посмотрел на меня очень уж по-взрослому. – Её зовут Ирина. Такая сильная душа! Мне с ней невероятно интересно. Но, к сожалению, девушка умирает. Рак. Ей очень страшно... Речь уже о днях, и я стараюсь поддержать её каждый раз, как мама покидает замок.

– Понятно, – вздохнул я и присел рядом. – А как Ира реагирует на то, что с ней разговаривает полупрозрачный красавец?

Он смущённо улыбнулся и признался:

– Считает меня ангелом. – Улыбка его погасла. – Буду скучать, когда она уйдёт за порог.

Я похлопал его по плечу и, поддавшись мгновенному импульсу, сказал:

– А ты предложи ей быть твоей девушкой. Позови в Шаад! Думаю, мы прокормим ещё одну неприкаянную душу.

Глаза Джонатана расширились, губы дрогнули.

– А ведь точно...

Примечания

Семечки — мелкие саморезы.
[content9.html#back_n_1](#)